

26

ISSN 0132-1366

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНО ·
· ВЕДЕНИЕ

«НАУКА»

Славяноведение

1994

СЕНТЯБРЬ •

ОКТАБРЬ •

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

Содержание

СТАТЬИ

Коминтерн и Восточная Европа	3
Гришина Р. П. Балканы в планах Коминтерна (1924 год)	4
Марьина В. В. Коминтерн: ликвидация или модификация? (1939—1943 гг.)	14
Никольский С. В. В невидимой части ассоциативного спектра	29
Из словаря «Славянские древности»	45
Небжеговска С. Сонник как жанр польского фольклора	67
Кальный Л. Э. Отражение праславянской лабиовеляризации согласных в нижнелужицком вокализме	75

СООБЩЕНИЯ

Заградка М. О деятельности русских литературоведов в межвоенной Чехословакии	80
Сибинович М. Славянская общность и место поэзии русского модернизма в сербской литературе середины XX века	87
Толстая С. М. К понятию функции в языке культуры	91
Гусев В. Е. Боснийский эпос как проблема фольклористики	98
Лабынцев Ю. А., Щавинская Л. Л. Изучение церковнославянской книжной традиции в рамках Международного исследовательского проекта «Slavia Orthodoxa et Slavia Romana. Взаимодействие славянских миров: Духовная культура Подляшья»	103

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Мельников Г. П. F. Hoffmann. České město ve středověku	112
Носов Б. В. K. Zernack. Polen und Russland: zwei Wege in der europäischen Geschichte	114
Титова Л. Divadlo v Kotcích	120
Вендина Т. И. Ch. Choliolčev. Onomasiologičeske und derivative Struktur der bulgarischen Phytonyme	122

ХРОНИКА

Стемковская Ю. Е. Конференция по проблемам истории славянских литературных языков	125
От редакции	127

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. И. РОГОВ (главный редактор), М. А. ВАСИЛЬЕВ (отв. секретарь),
Г. К. ВЕНЕДИКТОВ, В. К. ВОЛКОВ, Р. П. ГРИШИНА, А. А. ГУГНИН, В. А. ДЬЯКОВ,
М. С. КАШУБА, В. И. КОСИК, Г. Ф. МАТВЕЕВ, Г. П. МЕЛЬНИКОВ, В. В. МОЧАЛОВА,
С. В. НИКОЛЬСКИЙ, Ю. С. НОВОПАШИН, В. Я. ПЕТРУХИН, М. А. РОБИНСОН,
Л. А. СОФРОНОВА (зам. главного редактора), Б. Н. ФЛОРЯ,
Т. В. ЦИВЬЯН (зам. главного редактора)

Зав. редакцией *И. И. Бизяева*

Сотрудники редакции: *Авакова Л. А., Веслова И. Ю.,
Кошкина Е. А., Мочалова В. В., Осипова М. А.*

Рукописи представляются в редакцию в двух экземплярах объемом: статьи — не более одного авторского листа (24 стр. машинописного текста через 2 интервала); сообщения — до 16 стр.; рецензии, заметки о научной жизни и т. п. — до 6—7 стр. машинописи. Рукописи, оформленные без учета принятых в журнале требований, к рассмотрению не принимаются; рукописи не рецензируются. В случае отклонения рукописи автору возвращается один экземпляр, другой остается в архиве редакции.

КОМИНТЕРН И ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА

Коммунистический Интернационал, основанный в марте 1919 г., просуществовал под таким названием до лета 1943 г. Его конституирование в первый послевоенный год означало окончательный раскол международного социалистического движения. Революционеры, ориентированные в отличие от «предателей»-реформистов на мировую революцию, брали курс на создание в каждой стране боеспособной коммунистической партии и сплочение таких партий под эгидой Коминтерна в «бесперывной, общей борьбе сомкнутым строем». Как писал В. И. Ленин, «III Интернационалу предстоит задача организации сил пролетариата для революционного натиска на капиталистические правительства, для гражданской войны против буржуазии всех стран за политическую власть, за победу социализма». [1].

Коминтерн, взяв на себя функции генерального штаба мирового коммунистического движения, разрабатывал его стратегию и тактику, строго требуя от «большевизированных» национальных компартий беспрекословной дисциплины. Этот генеральный штаб на протяжении всего своего существования находился в тесном взаимодействии с главными советскими государственными и партийными структурами.

Восточноевропейскому региону, Балканам в частности, всегда отводилось значительное место в планах Коминтерна. Учитывалась недостаточная политическая стабильность в странах этого региона, обусловленная парадигмами развития, заданными Версальской системой мирных договоров, насыщенность взрывоопасным материалом: запутанность проблем границ, межнациональных и межгосударственных отношений, зависимость от игры дипломатии великих держав.

Открывая рубрику «Коминтерн и Восточная Европа», редакция журнала предполагает поместить несколько материалов, посвященных взаимоотношениям органов Коммунистического Интернационала с компартиями ряда государств Восточной Европы, вскрывающих стратегические планы Коминтерна на этом «направлении революционного действия». При этом следует иметь в виду, что фактический вес национальных компартий в политической и общественной жизни соответствующих стран сильно преувеличивался в коммунистической пропаганде.

© 1994 г. ГРИШИНА Р. П.

БАЛКАНЫ В ПЛАНАХ КОМИНТЕРНА (1924 год)

Вскоре после образования Коммунистического Интернационала возникла Балканская коммунистическая федерация (БКФ) в составе компартий Болгарии, Югославии, Румынии и Греции. Задачей этой региональной коминтерновской организации было объединить усилия балканских коммунистических партий во имя революции на Балканах, успех которой привел бы к созданию Балканской советской федеративной социалистической республики, как части, в случае победы мировой революции, Всемирной советской социалистической федерации.

Следуя этой стратегии, Коминтерн ориентировал компартии на подготовку в своих странах «в. в.» (характерное обозначение вооруженного восстания в документах того времени, причем скорее скорописное, чем конспиративное).

На Балканах первым вооруженным выступлением стало известное Сентябрьское восстание 1923 г. в Болгарии. Оно закончилось страшным поражением болгарских коммунистов. Последовавшие за этим провалы планов «красного Октября» в Германии, а также схожей акции в Польше, казалось, должны были отрезвить руководство Коминтерна и заставить его сменить курс. Но, нет, обсуждения событий осени 1923 г. на разных коминтерновских уровнях ограничивались констатацией недостаточной подготовки вооруженных выступлений, различного рода тактических и технических просчетов. Курс на «в. в.» сохранялся. На Балканах 1924 год предполагался весьма боевым. Особенно спешила реабилитироваться компартия Болгарии, ее Заграничный комитет усиленно готовился к новому выступлению уже в ближайшие месяцы.

Предлагаемая подборка документов из РЦХИДНИ — Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории — относится в основном именно к 1924 г. В нее включены документы, характеризующие нелегальную деятельность БКФ, президиум которой в конце 1923 г. был «усилен» включением в него представителя Исполкома Коминтерна В. Милютина (партийный псевдоним — Эмтин, он же Мимошин), представителя БКП Г. Димитрова (Виктор), представителя КПЮ (Степанский) — сторонников быстрых революционных решений. Их действия координировались Отделом международных связей (ОМС) ИККИ во главе с И. А. Пятницким; в руках последнего сосредоточивалась секретная информация, поступившая в Коминтерн из Иностранного отдела ОГПУ, управления разведки Генерального штаба РККА, а также из НКВД, что означало, что все эти органы работали «на дело революции» во взаимодействии. В Вене функционировал специальный центр, осуществлявший не только связь нелегалов

Гришина Ритта Петровна — д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН.

с Москвой, но и участвовавший в военно-технической подготовке восстаний, доставке вооружения и боеприпасов на Балканы. В Вене располагались также руководящие органы БКФ, опекавшиеся еще и В. Коларовым — секретарем ИККИ и одним из руководителей (как и Г. Димитров) неудачного Сентябрьского восстания 1923 г.

В поле зрения революционеров, помимо Болгарии, были все балканские страны, но особенно Югославия с ее жгучими уже тогда национальными проблемами, с сепаратистскими настроениями в партии Ст. Радича, что расценивалось в Коминтерне как факторы, благоприятствовавшие раскачиванию ситуации в стране, подрыву ее политической стабильности. Коминтерн рекомендовал компартиям Югославии и других балканских стран добиваться так называемого единого фронта с крестьянскими, националистическими и подобными массовыми партиями с тем, чтобы овладеть этими организациями и возглавить их, оставив политических союзников в разрушенном состоянии.

Но 1924 год не принес балканским компартиям революционных успехов и от непосредственной подготовки «в. в.» пришлось отказаться: слишком очевидным становилось общее изменение ситуации в Европе и не в пользу скорой мировой революции. Впрочем, запущенный маховик разрушения оказался не так просто остановить — 16 апреля 1925 г. «поезд революции» примчал к крупнейшему коммунистическому террористическому акту — взрыву в софийском соборе Св. Неделя, сопровождавшемуся гибелью нескольких десятков граждан. Ответные репрессии властей ужаснули весь мир. Так пыталась пробить себе дорогу мировая революция на Балканах в середине 20-х годов ХХ в.

Публикация подготовлена д-ром ист. наук Р. П. Гришиной.

Перевод с болгарского и немецкого языков ее же.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 42.

Из письма члена Заграничного комитета ЦК Болгарской коммунистической партии коллегам в Москву¹.

25 января 1924 г.

VI. Проблемы нового вооруженного восстания.

1. Общие положения. Новое вооруженное восстание должно рассматриваться в связи с конкретным внутренним, балканским и международным положением. Наши выводы должны основываться на конкретном изучении сил противника, наших возможностей; при этом мы должны иметь решимость предусмотреть все последствия из наших выводов.

2. На какие реальные силы опирается цанковская Болгария? Может ли она рассчитывать на активную поддержку со стороны широких народных масс или по крайней мере на их пассивное сочувствие?

На массы эта власть не опирается. Она господствует над ними, используя штыки, пули, полное политическое бесправие масс, их беспощадную экономическую эксплуатацию и ограбление. Поэтому столь ненавистной власти еще никогда в Болгарии не было. Эта власть не может рассчитывать не только на поддержку, но и на обычное сочувствие народа — столь глубока его ненависть.

Эта власть опирается:

а) на банковский, промышленный и торгово-спекулятивный капитал и на буржуазию в городах, а также на совершенно ничтожное количество сельских чорбаджиев и богачеев, всеми презираемых и ненавидимых в селах;

б) на государственный военно-полицейский и административный аппарат. Добровольческая армия

¹ Коллеги в Москве — это члены Заграничного комитета ЦК БКП В. Коларов и Г. Димитров. В конце января 1924 г. Коларов отчитывался на различных коминтерновских уровнях за деятельность ЦК БКП в июне — сентябре 1923 г., отстаивая правильность курса на вооруженное восстание и ставя вопрос о необходимости нового восстания. Фамилию автора, направлявшего свое письмо в Москву, чтобы «оно успело ко времени совещаний», установить пока не удалось.

вместе с полицией, пограничной и таможенной стражей не превышает 33 тыс. человек (это следует из бюджета государства и из условий Нейского мирного договора). В этой армии служат сыновья бедных крестьян и рабочих, не сочувствующих власти и не являющихся надежной защитой буржуазии. Верной правительству в этой армии является военная Офицерская лига, насчитывающая не более 1000 офицеров действительной службы (судя по составу армии); она готова в решительные моменты держать армию в своих руках. Власти опираются также на Союзы офицеров и унтер-офицеров запаса и другие фашистские, «добровольческие» организации;

в) на македонских автономистов. Их четы имеют постоянные кадры — не более 5—6 тыс. человек. Хорошо вооруженные, экипированные и оплачиваемые они могут насильственно мобилизовать своих милиционеров в Петричской околии и в Македонии (но не более 30 тыс.). На свое содержание автономисты собирают специальные налоги с населения в Болгарии и в Македонии, получают субсидии из государственного бюджета, от Италии и от частного банковского и экспортного капитала. Македонские эмигранты и македонское население в массе своей враждебно настроены как против чужеземных угнетателей, так и против угнетателей болгарского народа. Масса не несет ответственности за кровавые дела вооруженной автономистской организации, руководимой агентами иностранного и болгарского фашизма. Она устала от бесплодной четнической политики руководящего штаба, от нескончаемых экспроприаций.

Внутри македонского движения есть и другие революционные течения, лишенные, однако, вооружения и денежных средств, не имеющие возможности опереться на постоянную вооруженную силу.

С помощью аппарата организационных и карательных чет, члены которых хорошо оплачиваются иностранным и болгарским капиталом, болгарский воинствующий национализм и фашизм держит в своей власти и под своим руководством освободительное движение порабощенного македонского населения и использует его в своих контрреволюционных целях. С помощью этого аппарата иностранный империализм борется за проникновение на Балканы. Видные идеологи этой организации проповедают, что автономная Македония должна быть поставлена под протекторат «некоей» великой державы (Англии или Италии). Нет сомнений, особенно после сентябрьских событий, что эта специальная организация хорошо оплачиваемых профессиональных четников во главе с лесным штабом, каков он сейчас, будет оставаться верной опорой фашистской реакции в Болгарии и борьба против нее должна вестись с помощью аргументов, совершенно убедительных и реальных для нее. Нельзя питать в отношении нее никаких иллюзий;

г) на врангелевцев, численность которых в лучшем случае не более 10 тыс. человек;

д) на фашистские и «добровольческие» Союзы офицеров и унтер-офицеров запаса, состав которых не превышает 10 тыс. человек (согласно последнему отчету, первый насчитывает всего около 6 тыс. чел., а Союз унтер-офицеров запаса — около 14 тыс. Но не вся эта масса будет сражаться против нас, как не вся она выступила в сентябре).

Этой реальной силой командует централизованный, хорошо обученный штаб. Противник располагает огромной прессой и средствами сообщения, держит в своих руках административные и гарнизонные центры, которые одновременно являются экономическими и политическими центрами страны. Извне он имеет поддержку Англии и Италии, с одной стороны, а с другой стороны, — противодействие Югославии (Малая Антанта), Франции и Советской России.

3. Противнику противостоит огромная масса народа. В городах и селах насчитывается более 600 тысяч обученных солдат, прошедших через многолетние войны. Причем эта масса не деморализована поражением, не скована контрреволюционной организацией и руководством, как на Западе в случае с социал-демократией. Она жаждет мщения, однако безоружна и не имеет военной организации. Она дала много доказательств, что умеет биться и умеет умирать. Эта масса — источник наших контингентов и резервов. На нее мы можем смело опереться. Психологически и идеологически эта масса подготовлена: она сознает, что только победоносное вооруженное общенародное восстание может спасти от гнета и эксплуатации капитала. Если она нерешительна, то потому, что сознает, что голыми руками змею не ловят. Она готова вооружиться, если найдет оружие, и будет за тобой следовать, если дать оружие и уверенность, что восстание — общее, повсеместное — по всей стране.

4. Наша политическая задача — иметь сочувствие этой массы и на почве ее конкретных и непосредственных потребностей обособить ее в «легалную» оппозицию властям и их мелкобуржуазным орудиям и агентам. Кроме того, — обеспечить сотрудничество со всеми организациями этой массы, находящимися в оппозиции или борющимися с фашистской диктатурой. А также подготовить восстание внешнеполитически — в балканском и международном масштабе.

5. Наша организационная задача — группировать наиболее решительные и боевые элементы этой массы в *нелегальные боевые организации* и создать *мобилизационный аппарат*, годный для комплектации новых сил и их вооружения. Таким образом мы превратим каждое нелегальное боевое ядро в постоянно действующее, вокруг которого в любой момент могут сгруппироваться его резервы.

6. Наша техническая задача — вооружить нелегальные боевые силы, обеспечить возможно больше оружия, амуниции и других технических средств для возможно большей части резерва.

7. Нелегальная партия проводит шпионаж в стане врага, просачивается в его военный аппарат для его разложения и разрушения; ведет пропаганду в армии.

Над всеми этими силами стоит решительный и дееспособный штаб, годный к тому, чтобы после подробнейшего изучения обстановки выработать стратегию и тактику предстоящего восстания, а также общий и конкретный планы, и осуществить эти планы через аппарат своих профессионалов. Санкцией за неисполнение предписаний штаба, как и за малодушие, измену, предательство и проч., является смерть.

Эта мощная нелегальная организация связана с легальными организациями, руководство которых подчинено первой. Лиц, поставленных на ответственную работу в легальные организации, в случае их измены, предательства, дезорганизации и другие преступления, нелегальная боевая организация наказывает смертью.

8. Нелегальная организация использует все средства для достижения своих целей, в том числе внутренние и внешне противоречия. В соответствии с наличными конкретными условиями она имеет *две главные внешние базы: западную* — Югославия и Македония, и *восточную* — море, Добруджа и Россия. Желательно иметь и третью — *фракийскую*, но это зависит от того, насколько мы могли бы использовать турецкую территорию. Если это невозможно, надо любой ценой использовать черноморский берег от Бургаза до Василико.

Внутри страны нелегальная организация создает свои *гнезда* — *опорные пункты*, от которых лучеобразно отходят нити по всей стране. Страна делится на *зоны*, которые в мобилизационном отношении должны подчиняться общему плану действий. Внешние базы комплектуются и создают кадры *маневренных штурмовых отрядов*, назначение которых — *захват важнейших пунктов и слом вооруженной силы противника в открытом бою*. К этим базам в мобилизационном отношении «прикрепляются» определенные зоны, охватывающие ближайшие прилежащие округа: *к западной зоне* относятся Видинский, Врачанский, Софийский и Кюстендилский округа; *к восточной* — Варненский, Шуменский, Русенский и Тырновский округа; *к южной* — Бургазский, Старо-Загорский и Пловдивский округа.

Со следующей почтой посылаю мой проект плана организации, технической подготовки, стратегии и тактики близкого народного восстания в Болгарии, основанный на учете конкретных условий и возможностей — внутренних, балканских и международных, с прицелом на то, что удар будет нанесен в середине или в конце мая, во всяком случае до начала усиленных полевых работ — жатвы, сбора урожая и молотбы. Не считая, что этим планом исчерпывается огромный вопрос подготовки и проведения нового — и близкого — вооруженного восстания, думаю, что сделал полезное, если сумел приблизить деловую дискуссию по этому вопросу. Время перестать говорить общие фразы. Ввиду близких перспектив нового народного восстания, прошу предоставить необходимые денежные и другие средства, чтобы сохранить компактную и в военном отношении хорошо организованную болгарскую революционную эмиграцию, которая может и должна составить ядро двух внешних маневренных отрядов. Положите конец колебаниям и нерешительности в этом вопросе. Велика наша ответственность перед эмиграцией и всем нашим движением. Горячо прошу принять деловые, конкретные и смелые решения. Крайнее время для этого! Потеряли уже 4 месяца. Довольно!

С товарищеским приветом
Член Загранкома БКП (т. с.)

РЦХИДНИ. Ф. 509. Оп. 1. Д. 28. Л. 236—238.

*Машинопись на болг. яз.
Документ без конкретного адресата
и подписи.*

Из письма того же автора

Вена

29 января 1924 г.

3. Относительно реорганизации партии выражаю следующее мнение:

а) реорганизация партии начинается сверху, с ее руководства. Если удачно разрешим проблему создания дееспособного, твердого и решительного руководства партии, тем самым фактически решим вопрос о переустройстве партии;

б) затем руководство приступает к перегруппировке сил партии и ее реорганизации. После того как партийная организация будет таким образом создана, руководство получает, так сказать, коллективное доверие партии;

в) нелегальная компартия должна быть организована на строго централистских началах, элементы демократии допускаются настолько, насколько это возможно, чтобы не нанести ущерба конспирации партии и ее авторитету, твердому, быстрому и решительному руководству и командованию;

г) в ее рядах поддерживается твердая революционная дисциплина. Санкцией за дезертирство, за невыполнение партийных поручений, за измену, предательство, за дезорганизацию и деморализацию является смерть [. . .]

Дисциплина. . . Приговор выносится революционным судом партии. Центральная контрольная комиссия действует как революционный суд. Через свои органы она перед вынесением приговора тщательно изучает наличие факта преступления, которое приписывается ее члену или лицу, обвиняемому в тяжком преступлении перед партией и объявляемому, следовательно, врагом народа. Свои приговоры контрольная комиссия приводит в исполнение через специальные исполнительские группы. Контрольные комиссии, существующие при каждом партийном органе, иерархически подчинены Центральной контрольной комиссии и являются в сущности ее органами.

В каждой околии под командованием члена контрольной комиссии существует хорошо вооруженная исполнительская дисциплинарная группа. В каждом округе существует своя исполнительская группа, находящаяся под командованием одного из членов окружной контрольной комиссии. При областной контрольной комиссии под командованием одного из ее членов существует исполнительская группа особого назначения. Такая же комиссия особого назначения имеется при Центральной контрольной комиссии во главе с одним из ее членов.

Член экзекуторской группы, не выполнивший переданного ему на исполнение смертного приговора, сам наказывается смертью. Отряды особого назначения занимаются уничтожением противников компартии и народно-освободительного дела, объявленных врагами народа.

Все эти меры, рекомендуемые здесь, или другие — лучшие, должны срочно реализовываться. Только так можно быстро справиться с проблемами переустройства партии, которые тесно и неразрывно связаны с проблемами близкого и победоносного восстания. С помощью этих мер мы преодолеем и парализуем любую попытку как противника, так и его вольных или невольных пособников, стремящихся расколоть и обессилить партию. Вместе с тем такая партия, руководимая и командуемая так, как я описал выше, пусть и не особенно многочисленная, будет в состоянии справиться со всеми трудностями на своем пути.

Член Загранкома БКП

РЦХИДНИ. Ф. 509. Оп. 1. Д. 28. Л. 239, 241—242.

*Машинопись на болг. яз.
Документ без конкретного адреса
и без подписи.*

Письмо из Полпредства СССР в Австрии Первому заместителю наркома иностранных дел тов. М. М. Литвинову

Вена

7 февраля 1924 г.

Сов. секретно. Лично.
Копия: тов. Пятницкому

Многоуважаемый Максим Максимович,

За последнее время здесь в Вене началась сильная слежка за Омсой² (представителями ИККИ). Секретарь Балканского бюро Кониц³ был арестован венской полицией и выслан в Прагу. Полиция захватила у него протокол заседания Балканского бюро, в котором участвовали гг. Дмитриев⁴ и Мимошин⁵.

Из разных источников мы получили сведения, что полиция была точно осведомлена о работе Омса в нашей Миссии.

Один из австрийских коммунистов Гоппе, брат недавно арестованного Гоппе, заявил нам, что видел в полиции, в приемной Прессера, курьера Омса, которого подозревают в связи с полицией. Этот факт не проверен. Других определенных данных нет, но можно предполагать, что вся работа достаточно реконспирирована.

Недавно Омса отправила нелегально курьера в Белград. По словам г. Густинича (члена Балканского бюро), белградская полиция точно была осведомлена о приезде курьера и даже получила доклад от югославского посольства в Вене с точным указанием, когда и какой курьер придет и с какой суммой денег.

Ввиду этого я считаю необходимым обратиться в Коминтерн с предложением полной реорганизации Венского представительства ИККИ. В дальнейшем я считаю необходимым запретить организациям, работающим с Омсой непосредственных сношений⁶ с Полпредством. В Полпредстве должны находиться только те товарищи, которые имеют наши русские паспорта и зачислены нашими сотрудниками.

Никаких совещаний и заседаний в Полпредстве Омса делать не может. В Полпредстве должны находиться только представители ИККИ для связи с Москвой и для получения директив из Москвы и их передачи. Сами же они не должны участвовать в работе организаций, находящихся в городе. Вся работа по партийной линии должна быть перенесена в город и построена по конспиративному типу.

Здесь на месте мы принимаем все меры предосторожности.

Если удастся получить какие-либо сведения, я Вам сообщу.

С коммунистическим приветом

М. Левицкий⁷

РЦХИДНИ. Ф. 495. Оп. 19. Д. 362а. Л. 21—21об.

Оригинал. Машинопись.

Подпись-автограф.

² Омса — Отдел международных связей ИККИ, возглавлявшийся И. А. Пятницким, получил информацию, шедшую по линии НКВД, ОГПУ, Разведупра штаба РККА.

³ Кониц (Конниц) — член Исполкома БКФ от компартии Румынии.

⁴ Дмитриев — Г. Димитров, член Президиума БКФ от компартии Болгарии.

⁵ Мимошин (Эмтин) — В. П. Милютин, представитель ИККИ в БКФ.

⁶ Так в тексте.

⁷ Левицкий М. — полпред СССР в Вене.

Из письма Заграничного представительства Болгарской коммунистической партии в Президиум и бюджетную комиссию Исполкома Коминтерна.

Вена

11 марта 1924 г.

[. . .] Настоятельно просим Президиум и бюджетную комиссию Коминтерна отпустить эту сумму (остаток дефицита по бюджету 1923 г.), а также другую сумму в 653 долл. (недостача по бюджету за январь, февраль, до 10 марта с. г.) или всего 1053 долл. сверх предусмотренного по бюджету БКП, чтобы окончательно ликвидировать счет Заграничного комитета БКП⁸ и не тормозить работу Представительства партии теперь, когда партия лихорадочно готовит новое, неизбежное, вооруженное восстание трудящихся масс в Болгарии.

Уверенные, что наша просьба будет уважена, шлем вам свои товарищеские коммунистические приветия.

Заграничное Представительство БКП Виктор⁹

РЦХИДНИ. Ф. 495. Оп. 19. Д. 478. Л. 14.

Оригинал. Машинопись на болг. яз.

Подпись-автограф.

Решение о положении на Балканах, принятое Исполкомом БКФ (Приложение № 3 к протоколу заседания Исполкома БКФ 16—18 апреля 1924 г.)

Вена

18 апреля 1924 г.

1. Общее политическое положение на Балканах развивается к обострению политической борьбы. Балканы останутся той областью Европы, где перспективы развития революции имеют виды на серьезный успех и могут привести революционную борьбу трудящихся масс в сравнительно близком будущем к господству рабочих и крестьян.

2. В последние месяцы можно указать на три важнейших события из области международных отношений на Балканах:

- а) провозглашение республики в Греции,
- б) направление Болгарии югославского ультиматума с рядом унижайтельных для правительства Цанкова требований, чье немедленное удовлетворение отодвигает опасность войны между Югославией и Болгарией,
- в) разрыв отношений между Румынией и Советским Союзом из-за вопроса о Бессарабии, оккупированной Румынией.

Эти события, независимо от их значения, являются отражением борьбы, которую ведут на Балканах крупные капиталистические государства за установление своего влияния в отдельных балканских странах с целью использовать их в своих империалистических интересах. В качестве главных конкурентов выступают Англия, Франция и Италия. Нынешнее политическое положение на Балканах чревато новым международным столкновением из-за авантюристической политики господствующих классов этих государств.

3. Югославия, поддерживаемая Францией, стремится путем военного насилия завоевать находящуюся во владении Болгарии часть Македонии. С другой стороны, белогвардейское правительство Цанкова, благодаря поддержке Англии, которой удалось сделать это правительство своим вассалом, сумело избежать интервенции. Положение остается крайне угрожаемым, обе стороны мобилизуют свои военные силы и опасность войны просто висит в воздухе.

4. Румыния, поддерживаемая Францией, которая стремится укрепить свое влияние в этой стране, занимает в бессарабском вопросе непримиримую позицию, отказывая Бессарабии в праве на самоопределение и усиливая угнетение бессарабского народа, при этом Румыния нацелена на открытый разрыв с СССР.

5. Внутренне положение в балканских странах остается крайне тяжелым. Правительства балканских стран усиливают реакционную политику. Правительство Цанкова в Болгарии объявило компартию вне закона и конфисковало ее имущество. Рабочая кооперация закрыта, рабочая партия запрещена, профсоюзы распущены. Под арестом находятся 2 тыс. коммунистов и членов Земледельческого союза. Начата кампания против студентов и интеллигенции, продолжают убийства рабочих представителей.

Югославское правительство распустило парламент, продолжает преследования рабочих организаций и усиливает политику национального угнетения.

⁸ В марте 1924 г. Заграничный комитет ЦК БКП прекратил свою деятельность. Вместо него было создано Заграничное представительство ЦК БКП.

⁹ Виктор — псевдоним Г. Димитрова, члена Президиума и Исполкома Балканской коммунистической федерации.

Румынское правительство проводит политику террора в завоеванных областях. Оно запретило конференцию компартии и проводит многочисленные аресты.

Этот разгул политической реакции свидетельствует об обострении противоречий между реакционными правительственными кругами и угнетаемым большинством населения в балканских странах.

б. Положение рабочих и крестьян ухудшается. В Болгарии правительство Цанкова усиливает налоговое бремя на крестьян. Реальная зарплата рабочих уменьшается. В Югославии отмечается снижение зарплаты рабочих и рост безработицы. Из-за ухудшения экономического положения рабочих здесь вспыхнул ряд стачек.

В Румынии реальная зарплата рабочих за последние годы сократилась на 30%, в то время как безработица становится все большей. Положение крестьянства, особенно в старой Румынии, сейчас хуже, чем до войны.

В Греции чрезвычайно усилилась нужда рабочих и крестьян из-за продолжающейся войны, наплыв беженцев из Малой Азии вызвал безработицу.

7. Принимая во внимание международное и внутреннее положение балканских стран, указывающее на дальнейшее развитие противоречий и на неизбежность острой борьбы, Исполком считает необходимым поставить перед балканскими компартиями следующие задачи:

а) необходимо немедленно начать кампанию в связи с опасностью новой войны. Лозунгом должно быть: «Никогда с войной», его мы должны нести в широкие массы. В прессе, на собраниях нужно разоблачать преступную политику великих держав, а также правительств балканских стран, ведущую к новым вооруженным столкновениям. В случае же возникновения войны, следует работать над тем, чтобы превратить ее в войну гражданскую — против угнетателей.

б) Вопрос о самоопределении наций на Балканах должен быть превращен в абсолютно ясный и конкретный на почве борьбы за это право. В нашей агитации мы должны выставить совершенно определенные и ясные лозунги: самоопределение вплоть до отделения и полной независимости Македонии, Фракии, Добруджи, Хорватии, Бессарабии и других стран, которые угнетаются балканскими господствующими классами. Для этого наши партии должны проводить кампании митингов и демонстраций, на которых национальный вопрос будет разъясняться со всей ясностью и определенностью.

в) Мы должны строить единый фронт с каждой мелкобуржуазной националистической организацией и партией — автономистов и федералистов в Македонии, партией Радича в Хорватии и некоторыми другими группировками — с целью освободить их от буржуазного влияния и повернуть в сторону общих с ними революционных выступлений. Во главе борьбы против национального угнетения должны стоять именно коммунистические партии.

г) Борьба за улучшение положения рабочих и крестьян должна вестись, помимо обычных форм, также с помощью массовых кампаний с выдвижением лозунгов дня: в Болгарии — за отказ от уплаты налогов, за сокращение безработицы, за 8-часовой рабочий день, за полную политическую амнистию; в Югославии — за сокращение безработицы, за 8-часовой рабочий день, за государственную поддержку безработных и т. д.; в Румынии — за 8-часовой рабочий день, за повышение зарплат в соответствии с ростом дороговизны, за государственную поддержку безработных, за безвозмездное распределение всех крупных владений и за отмену выплат за уже розданную землю, против политики колонизации в иноязычных областях; в Греции — за создание рабочего законодательства, за снижение безработицы, государственную поддержку беженцев и инвалидов, за распределение крупных владений среди беженцев, за отмену договора об обмене населением с Турцией, за предоставление жилья для беженцев за счет государства.

д) Описанное международное положение определяет безусловную необходимость развернуть массовое движение по важнейшим политическим вопросам во всех балканских странах одновременно. Выступление за право на самоопределение Македонии и Фракии, с одной стороны, Добруджи и Бессарабии, с другой стороны, благодаря временному совпадению акций должно вызвать массовую борьбу рабочих во всех странах.

е) Кампания должна проводиться под общим лозунгом борьбы за создание Рабоче-крестьянского правительства, которое только и может решить висящие политические и экономические вопросы балканских стран и через создание Балканской федерации привести к действительно мирному взаимному существованию балканских народов.

Особенно упорно следует бороться с иллюзиями, что через образование оппозиционных «левых» блоков (например, Малинова в Болгарии, Давидовича — Радича в Югославии и т. п.) можно приблизиться к массам.

ж) Борьба за свержение существующих реакционных правительств на Балканах может принять формы не только централизованного массового движения, но и партизанской борьбы. В последнем случае наши партии должны стремиться превратить партизанскую борьбу в широкое массовое движение, и таким образом связать партизанское движение с общими задачами борьбы за создание рабоче-крестьянской власти на Балканах.

Вена

27 мая 1924 г.

1. (1) По поводу письма тов. Домбала¹¹ от имени Международного Крестьянского совета Радичу¹² и ответа последнего, а также по поводу его заявления, что Хорватская республиканская крестьянская партия готова вступить в Международный Крестьянский совет, президиум БКФ считает необходимым, чтобы КПЮ через Независимую рабочую партию Югославии поддерживала постоянный контакт с ХРКП с целью создания единого фронта для борьбы против гегемонии сербской буржуазии и реакции, для защиты непосредственных интересов трудящихся масс и для установления власти рабочих и крестьян в Югославии. На основе этой платформы единого фронта во время предстоящей предвыборной кампании должны быть выставлены общие списки. Попытка лидера и всего руководства ХРКП использовать связи с Международным Крестьянским советом лишь в собственных целях на время выборов будет парализована сближением рабочей партии с массами ХРКП и укреплением в этих массах идеи необходимости союза между рабочими и крестьянами в борьбе против буржуазии.

Действуя на платформе единого фронта, наша партия сохраняет полную организационную и идейную самостоятельность, разоблачает неправильную колеблющуюся политику руководства ХРКП, постоянно имея в виду опасности, сопровождающие тактику единого фронта.

Для этой цели НРПЮ должна открыто направить формальное предложение ХРКП о совместном выступлении на основе конкретной платформы. Она должна вступить в переговоры с центральным руководством ХРКП и, используя печать и другие средства, начать самую решительную агитацию за единый фронт.

Эта точка зрения должна быть обстоятельно разъяснена ЦК КПЮ, ссылаясь на большой болгарский опыт в этом отношении. [. .]

Члены Президиума: Виктор, Степанский, Джорджеску.

РЦХИДНИ. Ф. 509. Оп. 1. Д. 44. Л. 103—104.

Оригинал. Подписи-автографы.

Машинопись на нем. яз.

Выступление Н. И. Бухарина по отчетному докладу Г. Димитрова на VII Балканской коммунистической конференции¹³

Москва

9 июля 1924 г.

Я буду говорить весьма осторожно, так как я недостаточно знаком с событиями, протекающими в Болгарии.

Если считать, что сейчас на Балканах мы имеем революционную обстановку, если революция становится вопросом нынешнего дня, то ясно, что Болгария будет революционным центром, а Югославия — контрреволюционным. Этот момент для нас является самым важным; вопрос сводится к тому, каким образом можем мы дезорганизовать контрреволюционные силы Югославии.

Это мы должны ясно понять и обсудить.

По существу, если мы не сможем парализовать контрреволюционные силы югославского государства, то революция на Балканах будет разбита¹⁴.

Отсюда ясно, что если тов. Маркович¹⁵ действительно проводит точку зрения, изложенную здесь тов. Дмитровым¹⁶, то мы должны сказать, что эта точка зрения не только ликвидаторская, но прямо контрреволюционная. Линия тов. Марковича могла иметь место только до войны, но после нее нельзя больше говорить о том, что производительные силы страны развиваются в той же мере, как и возникающие здесь конфликты. Эта идеология лишь подкрепляет капиталистическое империалистическое государство.

¹⁰ Перевод с немецкого Н. А. Богачевой.

¹¹ Домбаль Т. — один из организаторов Международного Крестьянского совета (Крестинтерна).

¹² Радич С., лидер Хорватской республиканской крестьянской партии, ратовал за федеративное устройство Югославии.

¹³ В работе VII Балканской коммунистической конференции участвовали делегации коммунистических партий Болгарии, Югославии, Румынии и Греции, с правом совещательного голоса — представители коммунистического движения Турции.

¹⁴ Вставка карандашом: «Следовательно, мы должны принять все меры и напрячь все усилия к тому, чтобы сломить силы контрреволюции».

¹⁵ С. Маркович — один из лидеров оппозиции в КПЮ. Оппозиция отрицала существование национального вопроса в Югославии, отстаивая точку зрения о едином «трехременном» сербо-хорватско-словенском народе, негативно относилась к утверждениям о наличии революционной обстановки на Балканах.

¹⁶ Так в тексте. Правильно: Дмитровым.

Но мы должны стремиться к разрушению капиталистического государства, и балканские партии должны сделать то же, что было сделано по отношению к империалистическому государству России. Русская революция помогала и всем сепаратистским элементам Финляндии и поддерживала все движения за отделение здесь и в других местах. То же самое нужно сделать во всех империалистических государствах Балкан, и прежде всего в Югославии. Во всяком случае идеология тов. Марковича и его адептов не наша идеология. Она контрреволюционная. И самым важным является сейчас вопрос об идеологической ориентации, которую мы должны установить по отношению к Югославии.

Ради этого мы не должны останавливаться ни перед какой хирургической операцией, если она окажется необходимой, т. е. если нам придется совершенно разойтись с тов. Марковичем и его адептами, ибо их идеология есть ни что иное, как идеология буржуазии Великой ¹⁷ Сербии.

Следующий вопрос, которого я хотел бы коснуться лишь очень сдержанно, это вопрос о крестьянстве. Я на нем не остановлюсь, но нам надо будет обсудить возможности немедленной организации крестьянских союзов. Коммунисты должны были бы входить туда, чтобы руководить союзами изнутри. Этот вопрос нужно тщательно обсудить с точки зрения тех обещаний, которые мы можем дать сейчас крестьянам. Я того мнения, что им нужно обещать все, чего они хотят, все, чего они требуют, потом видно будет.

Третьим весьма существенным вопросом является национальный.

Какова должна быть наша позиция в этом вопросе? Нашими основными лозунгами и здесь должны быть, по возможности, самые радикальные: отделение, независимость всех республик и т. д., так как нам необходимо поддерживать национальные конфликты.

Впоследствии мы разберемся. Прежде всего мы должны добиться гегемонии коммунистической партии. Что потом? Ну что же, остается снова обратиться к примеру советской России, где коммунистическая партия едина и прекрасно руководит всеми независимыми республиками. То же произойдет и в Болгарии, если мы будем следовать этой политике. Самое необходимое — это иметь сильную коммунистическую партию, способную руководить республиками, как бы самостоятельны они ни были.

Во всяком случае с этими лозунгами мы ничего не теряем, выиграть же можно все. По национальному вопросу мы должны бросить самые радикальные лозунги.

Четвертый и весьма важный вопрос — это о работе в армии ¹⁸. Этот вопрос можно рассмотреть как в крестьянском, так и в общенациональном разрезе.

У меня создается убеждение, что из среды кроатских и других офицеров может выделиться ядро национальной югославской армии. Мы хотим ¹⁹ проводить национальную пропаганду, привлекая на свою сторону эти элементы, они будут нашими лишь на половину, но все же важной для нас революционной силой.

Пятый вопрос, который я считаю очень важным, требующим серьезного обсуждения, это вопрос о созыве под нашим руководством конференции крестьян, которая по инициативе левых элементов даст начало крестьянскому движению; такая конференция должна состояться в Вене. Здесь можно было бы подготовить вопрос о крестьянских союзах, которые под нашим руководством будут организованы в различных балканских странах.

Наконец, по отношению к шестому вопросу о вхождении других партий, поставленному тов. Димитровым в конце, то я сомневаюсь в том, чтобы мы могли охватить все это ²⁰.

В первую очередь нам необходимо усилить наш центр в Вене, не предусматривая ²¹ новых событий ни в Албании, ни в других местах.

РЦХИДНИ. Ф. 509. Оп. 1. Д. 39. Л. 12—15.

Стеногр. запись. Машинопись.

Из протокола № 5 заседания VII Балканской коммунистической конференции

Москва

18 июля 1924 г.

Коларов: [. . .] Аграрный вопрос и наша работа в деревне рассмотрены прошлой конференцией и для каждой партии в отдельности. Принята детальная директива. Если вы прочтете эти резолюции, помещенные т. Домбалею в «Коммунистическом Интернационале», то в них вы найдете разрешение ряда практических вопросов, связанных с нашей работой в деревне. Правильно только то, что наше конкретное отношение к крестьянским организациям там не определено. Но в этом вопросе наша конференция находится в таком же затруднительном положении, в каком находился конгресс Коминтерна. На конгрессе Коминтерна мы должны были установить общую тактическую линию в отношении крестьянских политических и экономических организаций, союзов и т. д. Но входить в подробности мы не могли по тактиче-

¹⁷ Слово «Великой» зачеркнуто карандашом.

¹⁸ Вставка карандашом: «Поистине, если мы подготовляем революцию, то эту работу пора начать».

¹⁹ Слово «хотим» карандашом исправлено на «можем».

²⁰ Г. Димитров ставил вопрос о включении в Балканскую коммунистическую федерацию компартии Албании, «которая сейчас организуется», а также компартий Турции и Венгрии.

²¹ Вставка карандашом: «пока».

ским соображениям. Разве вы считаете, что наша конференция может совершенно открыто высказать наше отношение к партии Радича и поместить в резолюции. Наша цель разложить и уничтожить партию Радича, но мы этого в резолюции не напишем по очень понятным соображениям [. . .]

РЦХИДНИ. Ф. 509. Оп. 1. Д. 39. Л. 233.

Стеногр. запись. Машинопись.

Письмо Г. В. Чичерина²² И. С. Уншлихту²³

№ 1418/ЧС

20 сентября 1925 г.

Копии: г. Сталину²⁴

- » Молотову²⁵
- » Зиновьеву²⁶
- » Коларову²⁷
- » Трилиссеру²⁸

Уважаемый товарищ,

У меня имеются подлинники заявлений и памятных записок Радича за его подписью. Он там выступает от имени хорватского народа и хочет заключить с нами союз, сильнее всего ругая существующее сербское правительство и, вообще, весьма недружелюбно высказываясь о сербах. В виду того, что мы теперь решили окончательно попытаться его дискредитировать перед хорватскими массами, не настал ли момент опубликовать эти его записки. Надо только выяснить, нет ли у него в руках чего-нибудь против нас. Надо в частности снестись с находящимся в отпуске тов. Сандомирским²⁹, который поддерживал все связи с Радичем. Не давал ли тов. Сандомирский что-нибудь письменное Радичу. Вследствие моего отъезда эти вопросы придется решать и разрешать уже без меня.

С коммунистическим приветом

(Чичерин)

(Помета рукою Зиновьева):

г. Мицкевичу. Поговорите с Коларовым. По-моему, Чичер. прав. ГЗ.

РЦХИДНИ. Ф. 495. Оп. 19. Д. 362а. Л. 178.

Неподписанная копия.

²² Чичерин Г. В. — в 1918—1930 гг. народный комиссар иностранных дел РСФСР, СССР.

²³ Уншлихт И. С. — зам. председателя ВЧК, ГПУ; в 1925—1930 — зам. председателя Реввоенсовета СССР и зам. наркомвоенмора.

²⁴ Сталин И. В. — генеральный секретарь ЦК РКП(б), член Политбюро ЦК РКП(б).

²⁵ Молотов В. М. — член ЦК РКП(б).

²⁶ Зиновьев Г. Е. — председатель Коминтерна, член Политбюро ЦК РКП(б).

²⁷ Коларов В. — секретарь Исполкома Коминтерна.

²⁸ Трилиссер М. А. — с 1921 г. в ВЧК, с 1926 г. — зам. председателя ОГПУ.

²⁹ Сандомирский Г. Б. — зав. отделом балканских стран НКВД.

КОМИНТЕРН: ЛИКВИДАЦИЯ ИЛИ МОДИФИКАЦИЯ? (1939—1943 гг.)

10 июня 1943 г. центральный орган ЦК ВКП(б) газета «Правда» на первой странице поместила извещение о роспуске Коммунистического Интернационала (КИ). Эта, просуществовавшая без малого четверть века, организация была генеральным штабом мирового коммунистического движения. Постоянным местом пребывания органов КИ (Исполнительного комитета Коминтерна — ИККИ, его президиума и секретариата, Контрольной комиссии КИ) была Москва, что, естественно, не могло не сказаться на деятельности этой организации, превращая ее в той конкретно-исторической обстановке в своеобразную заложницу советского руководства и прежде всего Сталина. Эта сторона жизни Коминтерна была до недавнего времени скрыта от глаз советской и в меньшей мере мировой общест-венности, заслоненная (и подмененная) акцентированием в коммунистической историографии проблем выработки стратегии и тактики КИ на отдельных этапах его существования, а также внутренней борьбы с различного рода уклонистами, оппортунистами, ревизионистами и т. д. в коммунистическом движении.

Во второй половине 80-х годов, когда несколько приоткрылись двери советских архивов и прежде всего Центрального партийного архива при ЦК КПСС (ныне — Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории — РЦХИД-НИ), стало возможным заглянуть за «кулисы коминтерновской жизни» и попы-таться проникнуть в механизм формирования принимавшихся там решений.

На волне общественного интереса к проблеме был организован ряд дискуссий и «круглых столов» [1—3], где, в частности, затрагивались и вопросы, касающиеся неправомерного вмешательства Коминтерна во внутренние дела компартий, слиш-ком тесной связи и даже подчиненности его линии внешнеполитической дея-тельности СССР и его внутренней политике, особого положения ВКП(б) в Коминтерне, влияния Сталина на его деятельность в решении принципиальных вопросов жизни этой, как казалось ранее, самостоятельной организации. Поя-вились работы, близкие к мемуарному жанру (например, ответственного в прошлом работника КИ, а затем ЦК ВКП(б) — КПСС Б. Н. Пономарева [4]), а также исследования, основанные на широком круге архивных и опубликованных до-кументов. Они были посвящены в основном начальному этапу второй мировой войны [5—7].

Задачей данной статьи является, опираясь на материалы РЦХИДНИ (прежде всего, секретариата Генерального секретаря ИККИ Г. М. Димитрова), показать

некоторые аспекты деятельности Коминтерна в годы второй мировой войны, особенности взаимоотношений Г. М. Димитрова, с одной стороны, с советскими руководителями и органами, с другой — с руководством секций КИ (на примере Заграничного бюро Коммунистической партии Чехословакии — КПЧ), а также попытаться ответить на вопросы: чем была обусловлена ликвидация Коминтерна, как это происходило и что намечалось сделать для обеспечения выполняемых им функций.

Резкая смена советского внешнеполитического курса, его нацеленность на сближение СССР с Германией, что нашло отражение в советско-германском Пакте о ненападении (23 августа 1939 г.) и Договоре о дружбе и границе (28 сентября 1939 г.), повлекли за собой столь же резкое изменение политической линии Коминтерна, чутко реагировавшего на все колебания советской внутренней и внешней политики [5—7]. Сталин требовал от руководства ИККИ (а оно, отчасти в силу свойственной тогда коммунистам дисциплинированности, отчасти в силу искренней убежденности в правильности любых шагов первого в мире социалистического государства и его харизматически «непогрешимого вождя», отчасти в силу страха перед возможными последствиями несогласия, подчинялось этим требованиям) неукоснительно следовать за конъюнктурой советской дипломатии и фактически принудил отказаться от линии VII конгресса Коминтерна (1935) на создание самого широкого национального антифашистского фронта, от открытого разоблачения гитлеровского фашизма.

ИККИ еще за день до подписания советско-германского Пакта о ненападении и практически еще не зная деталей обсуждения вопроса, одобрил этот шаг советского руководства. Из документов Коминтерна, вслед за советской печатью и другими средствами массовой информации, исчез термин «фашизм» применительно к гитлеровской Германии. 7 сентября состоялась беседа Сталина, Молотова и Жданова с руководством ИККИ, во время которой Сталин изложил свои взгляды на начавшуюся войну и политику Коминтерна в новых условиях. 9 сентября 1939 г. секретариат ИККИ одобрил тезисы о политике и тактике компартий в связи с начавшейся войной, которая характеризовалась как империалистическая, несправедливая с обеих сторон. Хотя вина за нее возлагалась на буржуазию всех воюющих стран, но упреки обращались главным образом к Англии, Франции и Польше, а Германия не упоминалась вовсе.

В директивах ИККИ буквально повторялись слова и мысли Сталина о потере в условиях войны смысла деления капиталистических государств на фашистские и демократические, о необходимости изменения в связи с этим тактики Коминтерна, разоблачения империалистического характера войны, перехода в наступление против «предательской политики социал-демократии». В пропаганде Коминтерна упор стал делаться на «разоблачении» империализма вообще и особенно англо-французского империализма, снова был выдвинут лозунг создания единого народного фронта снизу [8. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1296. Л. 718], т. е. по существу произошел возврат к сектантским лозунгам конца 20-х — начала 30-х годов. В упомянутой беседе с Димитровым 9 сентября Сталин, в частности, сказал: «Стоять сегодня на позиции вчерашнего дня (единый народный фронт, единство нации) — значит скатываться на позиции буржуазии. Этот лозунг снимается» [7. С. 19; 8. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1296. Л. 156, 158].

Руководство компартий с большими или меньшими внутренними сомнениями и колебаниями восприняло эти указания, попав таким образом в изоляцию от антифашистски и патриотически настроенных слоев населения, не разделявших коммунистических взглядов.

Выработанный Коминтерном курс, предполагавший выход из войны на путях пролетарской революции и иллюзорно рассчитывавший на политическую зрелость рабочего класса, особенно немецкого, готового якобы объединиться в борьбе против мирового империализма с пролетариатом порабощенных стран, не был адекватен тогдашним реалиям. Компартии, оказавшись в сложной и противоречивой ситуации, были дезориентированы и пытались «совместить не-

совместимое» — приспособить новую политическую линию Коминтерна к конкретным условиям своих стран и решению первоочередной важности задачи — борьбы против внешнего фашизма и его внутренних приспешников.

Установки Коминтерна были изложены в опубликованном в начале ноября 1939 г. воззвании ИККИ и статье Г. Димитрова «Война и рабочий класс капиталистических стран» [9. 1939. № 8/9], текст которой был согласован со Сталиным и Ждановым [8. Ф. 495. Оп. 73. Д. 67. Л. 78—79, 81, 84. Д. 71, Л. 20, 21]¹, а также в директивах, направленных в отдельные страны. Намечившаяся в коммунистическом движении линия на создание широкого национального антифашистского фронта была прервана почти на два года. «Компартии проходят через самый трудный период. Сегодня плывут против течения», — значилось, в частности, в заметках секретаря ИККИ Д. З. Мануильского о войне (1939) [8. Ф. 523. Оп. 1. Д. 33. Л. 6].

В шифрограммах², направленных за подписью Готвальда после просмотра их Димитровым в Прагу, излагалась новая линия Коминтерна и давались рекомендации по развертыванию национально-освободительной борьбы, указывалось на недопустимость ее подмены «заграничной акцией Бенеша», проводимый в интересах «империалистов и врагов Советов», а также поддержки этой акции [10, S. 390, 392—393].

КПЧ, следуя указаниям Коминтерна и своего московского руководства, стремясь реализовать взятый ими курс, все более оказывалась в изоляции от широких слоев населения Чешских земель. Резкая критика западных держав, ведущих, хотя и пассивную, войну против фашистской Германии, а также Бенеша как «агента империализма», курс на социалистическую революцию, нереальная ориентация на союз с пролетариатом Германии и покоренных ею стран в борьбе с «прогнившим империализмом», безоговорочная поддержка всех зигзагов внешнеполитической линии Советского Союза и его курса на союз с гитлеровской Германией, беспощадная критика так называемого ревизионизма — все это, несмотря на бескомпромиссно антинацистские позиции, не прибавляло популярности коммунистам, вело к их изоляции и окончательному разрыву с «бенешевским лагерем» Сопrotивления. Оценивая сложившуюся для КПЧ ситуацию, коммунист Б. Райцин, приехавший из оккупированной Праги в Москву, писал осенью 1940 г.: «Мы плыли против течения» [8. Ф. 495. Оп. 13. Д. 57. Л. 81] (информация опубликована в [11]).

В конце 1939 г. из документов компартий исчез призыв к созданию широкого антифашистского национального фронта и снова появился лозунг организации народного фронта снизу. В это понятие уже не включалась патриотическая, антифашистская часть буржуазии, а лишь рабочие, крестьяне, ремесленники и трудовая интеллигенция [12. S. 66].

Представления чешских коммунистов о будущем освобожденной страны тогда связывались с «советской моделью» и выражались широко пропагандируемым лозунгом «Советы — всюду, свобода будет».

Однако к середине 1941 г. стала совершенно очевидной несостоятельность тактико-политической линии коммунистов. В преддверии нападения гитлеровской Германии на СССР в политике КПЧ обозначилась тенденция отхода от безоглядной критики Бенеша и его сторонников, а следовательно — сближения всех группировок Сопrotивления.

¹ Точно так же Димитров отсылал Сталину («просим Ваших советов и указаний») и Молотову (с просьбой «дать замечания»), например, проект воззвания ИККИ к 22-й годовщине Октябрьской революции; Мануильский просил Сталина, Молотова и Жданова, «учитывая крайне сложную международную обстановку», «дать советы и указания» в связи с проектом воззвания ИККИ к 23-й годовщине Октября; Сталину и Жданову посылался проект директивы компартиям капиталистических стран о проведении Первого Мая 1941 г. и др. [8. Ф. 495. Оп. 73. Д. 67. Л. 82, 84. Д. 96. Л. 16, 17; Оп. 10а. Д. 422. Л. 23—26].

² Микрофильмы депеш, опубликованных в Чехословакии в 1967 г. [10], находились в Архиве ЦК КПЧ (Ф. 81), а их оригиналы (на немецком языке) в РЦХИДНИ (Ф. 495).

Коммунистическая партия Словакии (КПС), развернувшая работу в созданном по воле Гитлера в марте 1939 г. Словацком государстве, тоже поддержала линию Коминтерна и стремилась приспособить ее к местным условиям. Выдвинув сначала лозунг «За свободную Словакию в освобожденной Чехословакии и в новой Европе», она затем отказалась от него, поскольку «большая часть членов высказалась» против воссоздания Чехословакии во главе с Бенешем. Была поставлена новая цель: борьба за самостоятельную Словакию и народное правительство. Потом и этого показалось недостаточно: в 1939—1940 гг. «советский социализм» все дальше продвигал свои позиции на Запад, приближив свои границы к границам Словакии, и коммунисты, искренне верившие в близость «мировой революции», поддержанной СССР, выступили с лозунгом «За советскую Словакию!». Нашедший широкую поддержку низовых организаций партии, он был подвергнут критике руководством КПЧ в Москве как ведущий к изоляции коммунистов от масс.

К середине 1941 г. Коминтерн начал осознавать пагубность проводимой им политики (во всяком случае, в оккупированных нацистами странах) и делал попытки несколько скорректировать ее. Эти тенденции, обнаружившиеся в политике Коминтерна под влиянием сообщений с мест, да и вообще вся деятельность Коминтерна входили в противоречие с планами Сталина во что бы то ни стало сохранить дружественные отношения СССР с Германией. Как бы то ни было, но в апреле 1941 г. советский руководитель обнародовал свое намерение распустить Коминтерн. При этом, как следует из записей Димитрова, Сталин заявил: «Принадлежность компартий к Коминтерну в настоящих условиях облегчает преследования буржуазии против них и ее план их изолировать от масс собственной страны, а компартиям мешает самостоятельно развиваться и решать свои задачи как национальным партиям» [7. С. 34].

В мае — июне 1941 г. обдумывались разные варианты ликвидации Коминтерна. Осуществлению этого намерения помешали нападение фашистской Германии на Советский Союз и расчет советского руководства на то, что в новой ситуации Коминтерн сможет быть полезным инструментом мобилизации трудящихся всего мира на поддержку борьбы советского народа с агрессором. Однако сомнения в целесообразности даже в новых условиях открытой и активной деятельности Коминтерна у Сталина, видимо, сохранялись, поскольку это мешало бы формированию антигитлеровского фронта на государственном уровне. Когда 22 июня в 7 часов утра Димитров появился в кабинете Сталина, тот сказал ему: «Коминтерн пока не должен выступать открыто. Партии на местах развертывают движение в защиту СССР. Не ставить вопрос о социалистической революции. Советский народ ведет отечественную войну против фашистской Германии. Вопрос идет о разгроме фашизма, поработившего ряд народов и стремящегося поработить другие народы» [7. С. 34].

Сталинское «Коминтерн не должен выступать открыто» побудило Димитрова к размышлениям. Уже 1 июля 1941 г. в проекте письма на имя Молотова он предлагал подготовить «обращение советских профсоюзов к генеральному совету тред-юнионов с предложением создания англо-русского комитета», который мог бы служить «объединяющим центром рабочего движения всех стран... против фашистской Германии и за поддержку справедливой отечественной войны советского народа» [8. Ф. 495. Оп. 73. Д. 112. Л. 6]. Правда, в окончательный текст письма Молотову это предложение по каким-то соображениям включено не было, хотя и говорилось о нецелесообразности открытого выступления Коминтерна [8. Ф. 495. Оп. 73. Д. 109. Л. 5].

Но Димитров продолжал размышлять об этом и 31 октября в письме на имя Сталина сформулировал новые предложения. Тогда аппарат Коминтерна уже был эвакуирован в Куйбышев и Уфу, и возник ряд вопросов, связанных с урегулированием его юридического положения (регистрация сотрудников, снабжение их документами, продовольственными и другими карточками и т. д.). В письме Димитров высказал сомнения относительно целесообразности «в нынешней ситуации» (напомним, что тогда активно шел процесс оформления антигит-

леровской коалиции.— В. М.) проделывать все это «под флагом Коминтерна» и считал, что «внешне» (курсив мой.— В. М.) он мог бы существовать, «как какая-то другая организация». «Я лично полагаю,— писал Димитров,— что не зачем нам сейчас выпячивать открыто Коммунистический Интернационал. Наоборот, политически нам более выгодно, если всю нашу практическую работу и связи с разными учреждениями организовать и проводить внешне, формально под другой фирмой, например Институт изучения международных вопросов» (курсив мой.— В. М.). «Очень прошу Вашего совета и указаний по этому вопросу»,— заканчивал письмо Димитров [8. Ф. 495. Оп. 73. Д. 112. Л. 24]. В тот же день копия письма Сталину была направлена и секретарю ЦК ВКБ(б) Андрееву с просьбой «добиваться возможно скорее указаний товарища Сталина» [8. Ф. 495. Оп. 73. Д. 112. Л. 25].

Однако таковых тогда, видимо, не последовало, и Коминтерн, точнее ИККИ, продолжал существовать еще полтора года, хотя деятельность его в условиях эвакуации была сильно затруднена, а связи с соответствующими странами нарушены (например, с Чешскими землями и Словакией обратной связи не было).

Указания Сталина, полученные Димитровым 22 июня 1941 г., легли в основу новой политической линии Коминтерна, точнее — позволили ему вернуться к той, которая была прервана советско-германским Пактом о ненападении. Заседание секретариата ИККИ, состоявшееся 22 июня 1941 г., приняло постановление: срочно перестроить всю работу аппарата ИККИ, исходя из необходимости обеспечить всемерную помощь ВКП(б) и советским органам [8. Ф. 495. Оп. 74. Д. 1335. Л. 1]. Выступая на заседании, Димитров заявил об изменении характера войны и о необходимости направить основной удар против фашизма. «Мы не будем на этом этапе (курсив мой.— В. М.),— сказал он,— призывать ни к свержению капитализма в отдельных странах, ни к мировой революции». Руководитель ИККИ считал необходимым, чтобы коммунисты включились в национально-освободительную борьбу «в качестве руководящего элемента». «В оккупированных и вассальных государствах,— говорил Димитров,— мы раньше квалифицировали Бенеша как агента английского империализма, теперь огонь следует направлять против таких предателей, как Гаха, и установить контакты с теми элементами, которые стоят за войну с Германией». Димитров призвал работников ИККИ мобилизоваться, «быть бдительными и сигнализировать о всякого рода подозрительных явлениях», «не забывать, что немецкий фашизм рассчитывает и здесь на свою пятую колонну». Каждый «должен твердо помнить,— заключил он,— что здесь тоже фронт, на который он поставлен товарищем Сталиным» [8. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1335. Л. 3а—3д].

ИККИ постановил «дать указания братским компартиям в духе выступления т. Димитрова». Тексты радиogramм были составлены и направлены сразу же в разные страны. По своему содержанию они мало чем отличались друг от друга, и во всех повторялась фраза: «Учтите, что на данном этапе речь идет об освобождении народов от фашистского порабощения, а не о социалистической революции» [8. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1335. Л. 4—10].

На этом же, первом после нападения Германии на СССР, заседании ИККИ было принято решение об улучшении радиопропаганды³. Ответственными за обеспечение Инорадио необходимыми материалами по странам Центральной и Юго-Восточной Европы были назначены Готвальд, Коларов, Паукер, Ракоши, Держинская [8. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1335. Л. 2].

25 июня Димитров известил Сталина о первых указаниях, данных ИККИ «братским компартиям» в связи с нападением Германии на СССР. Излагая содержание этих указаний, он, в частности, подчеркивал мысль о том, что советский народ «ведет отечественную войну против фашистского варварства,

³ В 1943 г. передачи Инорадио велись почти круглосуточно на 18 языках.

не навязывая никому своей социалистической системы» [8. Ф. 495. Оп. 73. Д. 112. Л. 1].

«Всемирная помощь ВКП(б) и советским органам» в войне против Германии стала лейтмотивом деятельности Коминтерна в 1941—1943 г. Когда осенью 1941 г. аппарат ИККИ был эвакуирован, в Москве в качестве представителя секретариата ИККИ «для поддержания связи с управлением пропаганды ЦК ВКП(б), редакцией „Правды“, Политуправлением Красной Армии, Информбюро, ТАСС, Управлением лагерей военнопленных при НКВД и для выполнения особых поручений секретариата по всем этим линиям» был оставлен член ЦК КПЧ Я. Шверма [8. Ф. 495. Оп. 74. Д. 543. Л. 36]. Выданный ему документ свидетельствует о весьма широкой сети советских организаций, с которыми ИККИ имел контакты.

Видимо, в конце 1941 г. в ИККИ начались дискуссии о формах Сопrotивления в оккупированных странах и о роли партизанского движения в нем. Об этом, в частности, упоминает Б. Н. Пономарев, занимавший тогда должность политреферента в ИККИ. «Некоторые товарищи считали,— вспоминает он,— что в Чехословакии трудно развертывать партизанское движение, подобное тому, которое было в Югославии. Главный довод сводился к тому, что местность, географическое положение Югославии способствует партизанскому движению, а Чехословакия — высокоразвитая промышленная страна и там совсем другие условия. Но большинство редакции (обсуждение велось на заседании главной редакции Инорадио, на котором присутствовали Тольятти, Мануильский, Готвальд, Ульбрихт, Влахович и др.— В. М.) с этим не согласились. Вопрос был перенесен на заседание руководства Коминтерна. И тогда приняли постановление о необходимости всемерного усиления борьбы против фашистских оккупантов. Мне поручили написать статью о югославском примере для того, чтобы призвать и другие братские партии к развертыванию именно партизанской вооруженной борьбы». Б. Н. Пономарев написал такие статьи. В них на примерах советских и югославских партизан «разъяснялась необходимость и возможность (курсив мой.— В. М.) развертывания вооруженного боевого сопротивления». «Конечно,— отмечает он,— это было нелегко сделать, так как такой опыт в странах Западной Европы отсутствовал. Но тем не менее ИККИ счел необходимым вести такую борьбу, и с того времени все радиостанции, работавшие на оккупированные страны, призывали к ней» [4. С. 127—128].

Так заглазно из Уфы и Куйбышева, без достаточного знания ситуации и обстановки на местах, опираясь на примеры отдельных стран, принимались постановления и давались указания компартиям, как вести борьбу против фашизма. В постановлении ИККИ от 27 февраля 1942 г., касавшемся работы национальных редакций Инорадио, значилось: звать массы к организации партизанской борьбы, «изобличать гнилость взглядов, что партизанская борьба возможна только в просторах России и не подходит для европейских густонаселенных стран» [8. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1336. Л. 90]. И это при том, что в письме на имя Молотова, Щербакова, Андреева 13 января 1942 г. Димитров писал: «Самой большой трудностью в работе национальных радиоредакций является отсутствие необходимой непосредственной информации о положении соответствующих стран, о настроениях и движении народных масс в этих странах» [8. Ф. 495. Оп. 73. Д. 125. Л. 1].

В упомянутом постановлении секретариата ИККИ указывалось на множество серьезных недостатков в работе национального радиовещания: пропагандистские лозунги носят «слишком общий характер и мало конкретизированы в отношении специфической обстановки каждой отдельной страны», в пропаганде не дается «ответа массам на вопрос, что им делать сегодня», слушателям зачастую преподносятся самодовольные заявления об отдельных успехах антифашистского движения, создающих впечатление, что «миллионы народных масс уже ввязались в бой и можно почитать на лаврах (на деле еще весьма скромных) успехов».

ИККИ полагал, что следует ориентировать национальные компартии на подготовку немедленного выступления народных масс против Гитлера и его

приспешников в оккупированных странах, нацеливая рабочие массы на проведение всеобщей политической стачки. В этом документе были по существу изложены представления ИККИ о том, как надо вести антифашистскую борьбу, представления, которые по радио или каким-либо другим способом доводились до сведения национальных компартий и должны были служить им руководством к действию. Как показывает изучение положения дел в большинстве стран Центральной и Юго-Восточной Европы (пожалуй, кроме Югославии), эти указания были неадекватны существующей там ситуации [13].

По-прежнему по всем важнейшим вопросам, относящимся к политической деятельности ИККИ, Димитров консультировался с советским руководством. Так, 13 января 1942 г. он направил Молотову, Щербакову и Андрееву обширную докладную записку «О нашей радиопропаганде» [8. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1337. Л. 9—14], где наряду с конкретными данными, в том числе и о работе чешской и словацкой национальных редакций «За национальное освобождение» и «За словацкую свободу», содержались и сведения, касавшиеся организации радиовещания. Сообщалось, что в состав национальных редакционных коллективов входят «ответственные партийные работники соответствующей страны или руководители соответствующей партии». Общее руководство, как следовало из записки, лежало на центральной редакции, назначаемой секретариатом ИККИ в составе пяти человек. В ее задачу входило давать соответствующие указания и советы для повседневной работы на основе «центральной линии, установленной секретариатом ИККИ». В центральную редакцию все передачи представлялись «для контроля и визирования». Ее работа велась «под непосредственным руководством и контролем» Генерального секретаря ИККИ. Работа дикторов проверялась непосредственно у микрофонов дежурным членом центральной редакции [8. Ф. 495. Оп. 73. Д. 125. Л. 4—5, 17].

27 февраля Димитров просил Молотова и Щербакова сообщить их замечания по поводу «принятой нами резолюции о национальном радиовещании», а 12 марта он обращался к Сталину с просьбой дать «советы и указания» относительно резолюции ИККИ о радиопропаганде, затрагивающей политическую линию, «которую нашим партиям в соответствующих странах следовало бы проводить в нынешней ситуации» [8. Ф. 495. Оп. 73. Д. 125. Л. 19—24, 26—27].

Не только радиопропаганда, но и вся прочая деятельность отдельных секций (компартий) находилась под непосредственным руководством и контролем Генерального секретаря ИККИ. С ним, например, Я. Шверма согласовывал, прося его разрешения и указаний, вопросы, касавшиеся встреч с отдельными чешскими политическими деятелями, в частности с послом ЧСР в СССР З. Фирлингером и министром национальной обороны чехословацкого эмигрантского правительства С. Ингром (июль 1942 г.), с прибывшим из Лондона для разговора с Готвальдом левым социал-демократом Б. Лаушманом («нужно предупредить наших товарищей и дать им соответствующие указания». — курсив мой — В. М.) (октябрь и декабрь 1942 г.), с чехословацким военным атташе в СССР полковником Г. Пикой (февраль и апрель 1943 г.) [8. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1337. Л. 92—94, 101—103]. Давая разрешения на все эти контакты, Димитров советовал вести себя очень осторожно. Так, его резолюция относительно переговоров с Лаушманом гласила: «Встреча должна иметь *только информационный* характер, не предпринимайте ничего обязывающего *Вас лично, а также партию*» (в оригинале подчеркнуто. — В. М.). Только информационную цель, по мнению Димитрова, могли иметь и встречи с Пикой: «Можете встретиться. Ведите, однако, не обязывающие разговоры. „Получайте“, но не „отдавайте“» [8. Ф. 495. Оп. 74. Д. 543. Л. 52, 55, 88, 132, 137]. Информация о содержании и результатах подобных встреч и бесед также поступала Димитрову (например, о встрече с Фирлингером летом 1942 г.) [8. Ф. 495. Оп. 74. Д. 549. Л. 71—72].

Через ИККИ и Димитрова чехословацкие коммунисты решали и вопросы, касавшиеся формирования в СССР чехословацкой воинской части и своего участия в этом деле. Так, 29 января 1942 г. отдел кадров ИККИ по согласованию

с членом руководства КПЧ В. Копецким поставил перед Димитровым вопрос о направлении для работы в часть около 30 человек коммунистов и комсомольцев. Предлагалось «решить принципиально вопрос» о том, будут ли они действовать «открыто как коммунисты и комсомольцы или же только как патриоты», а также «разработать политику-платформу о роли коммунистов и комсомольцев в чехословацкой армии, поручив это руководству КПЧ». Для инструктажа едущих в Бузулук (через Куйбышев) коммунистов предлагалось направить в Куйбышев Р. Ветишку и К. Шмидке, «которые хорошо знают партийные кадры». Димитров согласился с предложением, указав «группу отправить не как коммунистов, а как чешских и словацких патриотов». Такая группа в количестве 33 человек была организована, а вместо Ветишки и Шмидке командирован Кроснарж [8. Ф. 495. Оп. 74. Д. 543. Л. 41—42, 43].

С Димитровым Я. Шверма согласовывал и вопросы о посещении представителями руководства КПЧ воинской части, что, по его словам, «было бы большой поддержкой для политической работы наших товарищей» [8. Ф. 495. Оп. 74. Д. 543. Л. 115а, 132].

С помощью Димитрова (по просьбе руководства КПЧ) решался в июне 1942 г. и вопрос о количественном пополнении воинской части за счет чехословацких граждан, находившихся в советских тюрьмах и лагерях. Конкретные сведения об их приблизительной численности были переданы Готвальду Л. Свободой 31 мая 1942 г. Речь шла главным образом о лицах из Подкарпатской Украины, нелегально перешедших в свое время (видимо, в 1939 г.— В. М.) государственную границу СССР. В документе значилось 22 наименования тюрем и лагерей, где содержались по неполным данным — они основывались на заявлениях добровольцев, освобожденных из тюрем и лагерей и прибывших в Бузулук — 10 тыс. «карпато-украинцев» и не менее 150—200 чехов и словаков [8. Ф. 495. Оп. 74. Д. 545. Л. 21—25].

Димитров располагал и информацией Готвальда, Копецкого, Швермы о положении дел в чехословацкой воинской части [8. Ф. 495. Оп. 74. Д. 543. Л. 116; Д. 545. Л. 3—6].

Совместно с ИККИ и под его руководством Загранбюро КПЧ принимало участие в создании и деятельности партшколы ИККИ, которая работала в Кушнаренково под Уфой с января 1942 г. Директором ее был назначен болгарин В. Червенков, а слушателями являлись представители отдельных компартий. Здесь «с дальним прицелом» готовились «идеологически устойчивые» кадры компартий, которые могли быть использованы после окончания войны. Например, учебный план чешской группы на первое полугодие 1942 г. включал: произведения классиков марксизма-ленинизма (300 часов), проблемы страны и партии (250 часов), история Коминтерна, особенно после VII конгресса (50 часов), текущая политика (150 часов) и т. д. [8. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1336. Л. 68].

Другой «кузницей кадров» для компартий являлась школа антифашистов, созданная в марте 1942 г. при Управлении НКВД по делам военнопленных и интернированных. Самое непосредственное участие в ее организации принимали Отдел агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) (с ним начальник указанного управления майор госбезопасности Сопруненко согласовывал, например, вопрос о штатах школы и ее финансировании), секретарь ЦК ВКП(б) А. С. Щербаков (с ним согласовывалась программа курса, рассчитанного на 390 часов), ИККИ (здесь разрабатывалась программа школы и подбирались кадры преподавателей; ответственным за это был В. Ульбрихт).

Первая школа, в которую были отобраны из лагерей военнопленных 103 человека, в основном немцы, австрийцы, судетские немцы и румыны, начала работать в мае 1942 г. при Оранском лагере для военнопленных. Критерии для отбора слушателей были следующие: социальное происхождение, социальное положение, возраст, военный чин, политическое лицо. Как сообщал В. Ульбрихт в Отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), окончившие школу могли быть использованы по линии КПГ, КПА, КПЧ, КПП, а также на политической работе

среди остальной массы военнопленных; в более же «отдаленном будущем» предполагалось их использовать «по самым разнообразным линиям» [8. Ф. 495. Оп. 17. Д. 125. Л. 16—18, 24, 29—62, 63—65, 72, 103].

Помимо совместной работы по линии школы антифашистов, ИККИ (и КПЧ) контактировали с НКГБ (НКВД)⁴, главным образом с 1-м его управлением во главе с А. Фитиным, и по многим другим вопросам. Фитин, например, передавал ИККИ (Димитрову) сведения, полученные от чехословацких коммунистов-эмигрантов в Лондоне⁵, запрашивал (и получал) характеристики отдельных коммунистов, направлял членам КПЧ в Лондон сообщения и указания Загранбюро КПЧ [8. Ф. 495. Оп. 74. Д. 543. Л. 35; Д. 544. Л. 7, 8, 9, 11—13, 21—22; Д. 548. Л. 1—3]. Кроме того, в НКГБ с ведома ИККИ проходили особую подготовку чехословацкие коммунисты, намеченные для выполнения специальных заданий [8. Ф. 495. Оп. 74. Д. 544. Л. 25—28, 30, 37, 38]. НКГБ содействовал и переправке на территорию Чехословакии лиц, направляемых по линии КПЧ для подпольной работы. Их кандидатуры согласовывались с Димитровым [8. Ф. 495. Оп. 73. Д. 112. Л. 3; Оп. 74. Д. 553. Л. 2, 20—24, 29].

Все эти разнообразные и осуществляемые Загранбюро КПЧ по согласованию с ИККИ (Димитровым) при содействии советских партийных и государственных органов виды деятельности были направлены не только на развитие национально-освободительной борьбы в Чешских землях и Словакии (а тем самым и помощь СССР в войне против Германии), но и преследовали далеко идущие цели — укрепление позиций и влияния коммунистов в освобожденной стране. Сомнения в конечной победе над гитлеризмом, если и возникали в начальный после нападения Германии на СССР период, то открыто не выражались, а после победы Красной Армии под Москвой и особенно под Сталинградом все более крепла уверенность в конечном поражении вермахта и росло убеждение в необходимости готовиться к будущему.

Проблемы послевоенного устройства мира и особенно Европы все более привлекали внимание мировой общественности. Все очевиднее для советской верхушки и руководства ИККИ становилась малая эффективность и ненужность деятельности Коминтерна по организации мирового коммунистического движения, обеспечению оперативного руководства компартиями в отдельных странах. Была затруднена и работа самого ИККИ. В одной из записок, написанных рукой Д. З. Мануильского⁶, говорилось: «Секретариат не собирается. Повседневного руководства секретарями нет... нет открытой критики недостатков работы и недостатков секретарей... аппарат пытается сесть на голову секретарей, относится пренебрежительно... расшатывается дисциплина и субординация» [8. Ф. 495. Оп. 10а. Д. 433г. Л. 1].

Кроме того, а вероятно и прежде всего, существование Коминтерна становилось все большим препятствием на пути упрочения сотрудничества СССР с другими странами антигитлеровской коалиции, препятствием (скорее уже психологическим) в деле сплочения всех антифашистских сил как в международном масштабе, так и внутри отдельных стран. На решающем этапе войны это соображение, видимо, играло первостепенной важности роль.

Кто выступил инициатором роспуска Коминтерна, пока не ясно. Скорее всего, Сталин, ведь без его согласия, одобрения, указаний и т. п. руководство этой организации не принимало никаких важных решений. Но отраженная в материалах ИККИ картина выглядела следующим образом. 11 мая 1943 г. Сталину за подписью Димитрова и Мануильского был направлен проект Президиума ИККИ о роспуске Коминтерна с просьбой дать указания. Очевидно, таковые были даны, и 13 мая Президиум ИККИ собрался, чтобы обсудить предложение

⁴ С 7 июня 1941 г. по 14 апреля 1943 г. НКГБ был объединен с НКВД, затем снова был образован НКГБ.

⁵ ИККИ и Загранбюро КПЧ в Москве не имели с ними непосредственной связи.

⁶ По мнению работников архива, она относится к концу 1942 — началу 1943 г.

о роспуске Коминтерна и проект постановления по этому вопросу. В выступлении Димитрова подчеркивалось, что речь идет не о формальном, а о фактическом роспуске Коминтерна.

Мануильский предложил обсудить такие аспекты вопроса, как целесообразны ли политически роспуск КИ, подходящ ли момент для этого акта, достаточно ли обосновано предложение о прекращении существования этой организации в проекте постановления, необходимо ли (и в чем) изменить или дополнить его. Выступившие Торез, Пик, Коларов, Ибаррури, Шверма и другие участники выразили согласие с необходимостью роспуска Коминтерна [8. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1340. Л. 78—82].

14 мая Сталину были посланы протокол этого заседания и отредактированный с учетом сделанных на нем замечаний проект постановления ИККИ. Сообщалось, что проект был единогласно принят за основу и что до 17 мая члены Президиума ИККИ должны внести предложения о дополнениях и изменениях проекта.

Написанный от руки простым карандашом протокол заседания ИККИ свидетельствует, что проект обсуждался по абзацам, присутствовавшие вносили предложения о поправках, часть из которых была отвергнута, а часть принята голосованием. Решено было опубликовать документ о роспуске Коминтерна, чтобы получить мнение входивших в него компартий по этому вопросу.

Димитров предложил присутствовавшим обсудить на следующем заседании ряд вопросов, относящихся к деятельности ИККИ того времени. В частности, что касается связи с коммунистическими партиями в отдельных странах, он рекомендовал «найти такие формы, чтобы не создать впечатления, что Коминтерн продолжает существовать» [8. Ф. 495. Оп. 73. Д. 174. Л. 1, 2—7, 22—26].

15 мая было подписано постановление Президиума ИККИ (Готвальд, Димитров, Жданов, Коларов, Коплениг, Куусинен, Мануильский, Марти, Пик, Торез, Флорин, Эрколи)⁷ о роспуске Коминтерна. К постановлению присоединились следующие представители компартий: Бианко, Долорес Ибаррури, Лехтинен, Паукер, Ракоши [8. Ф. 495. Оп. 73. Д. 174. Л. 28—33].

18 мая Димитров направил Сталину протокол второго закрытого заседания Президиума ИККИ по вопросу о роспуске Коминтерна. При этом был приложен текст проекта постановления с отмеченными красным карандашом местами, подвергшимися изменению. «Прошу Ваших дальнейших указаний», — писал Димитров. Очевидно, Сталин «дал добро», поскольку 20 мая Димитров послал заведующему отделом пропаганды ЦК ВКП(б) Александрову текст извещения о роспуске КИ для опубликования в «Правде» и в остальной печати [8. Ф. 495. Оп. 73. Д. 174. Л. 48—49]. Постановление ИККИ, датированное 15 мая и опубликованное, в частности, в журнале «Коммунистический Интернационал», содержало пространное изложение мотивов роспуска КИ. Главным из них было то, что данная форма организации международного коммунистического движения, родившаяся в 1919 г., исчерпала себя. Она затрудняет развитие национальных компартий и их деятельность по организации общенациональной борьбы против фашизма и его вассалов (и это было правдой!). Исполком Коминтерна призвал компартии, исходя из конкретной обстановки, сосредоточить усилия на борьбе против нацизма и его вассалов [14].

На заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 21 мая, согласно дневниковым записям Димитрова, Сталин заявил: «Опыт показал, что и при Марксе, и при Ленине, и теперь невозможно руководить рабочим движением всех стран мира из одного центра... Мы переоценили свои силы, когда создавали КИ и думали, что сможем руководить движением во всех странах. Это была наша ошибка». Роспуск Коминтерна Сталин обосновывал и необходимостью положить конец обвинениям компартий в том, что они являются агентами иностранного государства [7. С. 35].

⁷ Эрколи, Куусинен и Готвальд, находившиеся в СССР, но вне Москвы, были ознакомлены с проектом по ВЧ и высказали «свое полное согласие» с постановлением Президиума ИККИ [8. Ф. 495. Оп. 73. Д. 174. Л. 48].

22 мая Димитров направил Сталину и Молотову протокол следующего закрытого заседания Президиума ИККИ, где рассматривался ряд вопросов, касающихся ликвидации КИ. На заседании присутствовали члены Президиума ИККИ Димитров, Мануильский, Пик, Марти, Торез, Коплениг, Коларов, члены и кандидаты ИККИ Ибаррури, Ракоши, Ульбрихт, Шверма, Вольф, представители компартий Паукер, Лехтинен, Власов (Югославия), переводчики Степанов и Фюренберг. Димитров предложил обсудить, «как поступить с важнейшими функциями работы Коминтерна, чтобы не причинить ущерба делу войны с гитлеровскими разбойниками». К числу таких функций были отнесены: национальное радиовещание, связь с братскими компартиями в странах их деятельности, находящиеся в СССР кадры компартий, существующая в СССР для этих кадров партийная школа, издательство литературы на иностранных языках, архив Коминтерна и отдельных партий, библиотека.

Что касается «национального радиовещания», то Пик, Торез, Марти, Коларов высказались за то, чтобы оно было сохранено. Все остальные, кроме Мануильского, поддержали эту точку зрения. Он же считал, что «оставление прежнего положения с радиовещанием может сорвать весь политический эффект роспуска Коминтерна», что «это может быть истолковано, как перестройка существования Коминтерна на нелегальных началах» [8. Ф. 495. Оп. 73. Д. 174. Д. 50—53]. Выступивший в заключение Димитров подчеркнул, что соображения Мануильского заслуживают серьезного внимания, но в данном случае не являются решающими. Димитров считал, что «национальное радиовещание», существовавшее уже свыше полутора лет, «имеет не коммунистический, а общенациональный характер в борьбе против фашизма». Он заметил, что почти во всех воюющих странах есть нелегальные национальные радиостанции и что «всегда может быть найден способ избежать опасностей, на которые указал в своем выступлении Мануильский».

Все присутствовавшие высказались «за сохранение связи загранбюро⁸ со своими партиями при помощи существующего до сих пор технического аппарата, ибо иначе враг может создать на местах вражеское руководство для дезориентации коммунистического движения». Учет находившихся в СССР зарубежных коммунистов должен был осуществляться отделом кадров ЦК ВКП(б), а вопросы материальной помощи рекомендовалось по-прежнему решать посредством МОПР.

Что касается партийной школы, то предполагалось закончить начатый курс, а вопрос о ее дальнейшем существовании передать на рассмотрение ЦК ВКП(б). В ведение последнего и под его контроль считалось нужным передать Издательство литературы на иностранных языках, ранее опекаемое ИККИ.

Было принято решение о закрытии журнала «Коммунистический Интернационал» и постановке в ЦК ВКП(б) вопроса о создании нового журнала — «Международная политика» или «Международная информация». Архив КИ и отдельных партий решено было «передать на хранение в ЦК ВКП(б) с представлением возможности загранбюро компартий пользоваться их партийными архивами». Библиотеку же Президиум считал возможным передать ИМЭЛ, войдя с этим предложением в ЦК ВКП(б) [8. Ф. 495. Оп. 73. Д. 174. Л. 52—55].

31 мая 1943 г. Димитров направил Сталину и Молотову сообщение о положительной реакции компартий на постановление о роспуске КИ. Думается, что для них это решение не было большой неожиданностью. Процесс «угасания» деятельности Коминтерна ощущался, как представляется, с начала второй мировой войны, когда руководство и аппарат ИККИ оказывались во все большей изоляции от «действующих» компартий как в силу осложнившейся международной обстановки (все более и более затруднялась связь с ними), так и в силу принятого ИККИ после советско-германского пакта курса. Именно тогда обозначился процесс «разрушения» Коминтерна: в ноябре 1940 г. из его состава вышла компартия

⁸ По словам Димитрова, в СССР тогда имелись загранбюро следующих компартий: Германии, Испании, Франции, Австрии, Чехословакии, Италии, Болгарии, Венгрии, Финляндии, Румынии (только Паукер).

США, а весной 1941 г., как говорилось выше, и Сталин поставил под сомнение целесообразность существования Коминтерна. В постановлении ИККИ от 15 мая 1943 г. говорилось, что «за время нынешней войны ряд секций возбуждал вопрос о роспуске Коммунистического Интернационала, как руководящего центра международного рабочего движения» [9. 1943. № 5/6. С. 10]. Правда, как это было принято в ту пору, конкретные инициаторы роспуска КИ не назывались. Возможно, это был хорошо известный в практике советского руководства прием: создать видимость «инициативы снизу», чтобы затем «пойти ей навстречу».

Как бы то ни было, но в те полные военных трудностей и других важных проблем годы роспуск Коминтерна в коммунистической среде не вызвал особых возражений, более того — получил поддержку. Вот несколько тому примеров, хотя, видимо, вопрос о реакции отдельных отрядов коммунистического движения (особенно тех, которые действовали непосредственно в странах: там среди коммунистов мнения, очевидно, были более дифференцированы) нуждается в более тщательном изучении. В решении ЦК КПЧ, подписанном Готвальдом, Копецким, Сланским, Швермой и другими, отмечалось, что «роспуск Коминтерна, как уже изжившей себя организационной формы международного объединения рабочего класса, происходит в интересах еще более широкого объединения всех сил как внутри страны, так и в мировом масштабе для решительной борьбы за уничтожение гитлеровской тирании и тем самым в интересах освобождения Чехословакии» [8. Ф. 495. Оп. 18. Д. 134. Л. 168].

Нелегальная «*Rudé právo*» в первом июньском номере за 1943 г. поместила без комментариев краткое изложение текста постановления ИККИ от 15 мая (роспуск Коминтерна назывался «историческим актом»), заявление коммунистов-членов Государственного совета при чехословацком эмигрантском правительстве в Лондоне об их одобрении роспуска КИ, решение подпольного ЦК КПЧ, приветствующее этот акт, и его обращение к народу с призывом создавать национальные комитеты, которые должны «объединить вокруг себя весь народ для решительной и окончательной борьбы с оккупантами» [12. С. 412—414].

Действовавшая в подполье компартия Словакии, в которой достаточно сильны были леворадикальные настроения, а многие ее члены, в том числе и в руководстве, не оставляли мысль ни о присоединении Словакии к Советскому Союзу, ни об установлении советской системы, ни о близящейся пролетарской революции, отреагировала на ликвидацию Коминтерна несколько иначе. Руководство КПС как бы вынужденно мирилось с происшедшим. В секретной инструкции для членов КПС о деятельности партии после роспуска КИ подчеркивалось: «Однако тем самым дело т. Ленина не погибло. Наоборот, решение Кремля является для нас пламенным призывом к новым заключительным революционным боям. Для нас Коминтерн существует и далее». Рекомендовалось создавать партизанские группы «под строгим контролем коммунистической партии» и национальные комитеты «из представителей всех честных антифашистских элементов», которые (комитеты) должны «находиться под нашим контролем и по существу быть помощниками коммунистических организаций» [14. С. 189—190].

Руководители югославских коммунистов поддержали решение о роспуске КИ. В телеграмме ЦК КПЮ на имя Димитрова, подписанной Тито, Ранковичем, Джиласом, Карделем и другими, в частности, говорилось: «ЦК КПЮ убежден, что это историческое решение даст в ближайшее время огромные результаты в борьбе за победу над общим врагом человечества — фашизмом» [8. Ф. 495. Оп. 17. Д. 19. Л. 284].

5 июня 1943 г. Димитров писал Сталину, что уже 29 из 41 секций КИ (в том числе важнейшие компартии) одобрили предложение Президиума ИККИ. Он сообщал, что намерен 8 июня собрать Президиум ИККИ для принятия текста коммюнике о согласии секций с предложением о роспуске КИ. Проект этого коммюнике Димитров обещал прислать Сталину заранее, чтобы после его одобрения советским руководителем можно было опубликовать сообщение в

печати 10 июня 1943 г. Выбор этой даты тоже был не случаен: «до открытия лейбористской конференции в Англии (13 июня с. г.)».

На предстоящем заседании Президиума наряду с принятием постановления об упразднении ИККИ, его секретариата и Президиума, а также Контрольной комиссии КИ, предполагалось создать комиссию для «практического проведения ликвидации органов, аппарата и имущества КИ в срок не позднее августа 1943 г.». «Если у Вас будут другие указания, очень прошу известить меня до заседания Президиума ИККИ (8 июня)», — писал в заключение Димитров [8. Ф. 495. Оп. 73. Д. 174. Л. 57—58]. Такое же письмо, но без последней фразы было отослано одновременно и Молотову [8. Ф. 495. Оп. 73. Д. 174. Л. 60—61].

7 июня Димитров, выполняя свое обещание, направил Сталину и Молотову проект «Сообщения Президиума ИККИ», которое затем было принято на расширенном заседании президиума ИККИ 8 июня 1943 г. [8. Ф. 495. Оп. 73. Д. 174. Л. 63—65, 67—68]. В нем содержался перечень 29 секций КИ, одобдивших предложение о его роспуске, отмечалось, что ни от одной из секций не поступило возражений против этого предложения, подчеркивалось, что «оно одобрено *единогласно* (в оригинале подчеркнуто.— В. М.) существующими и имеющими возможность сообщить свои решения секциями КИ» [8. Ф. 495. Оп. 73. Д. 174. Л. 63—65]. 9 июня главному редактору «Правды» П. Н. Поспелову была послана просьба Димитрова опубликовать в газете на первой странице «сообщение, текст которого согласован со Сталиным» [8. Ф. 495. Оп. 73. Д. 174. Л. 74].

А 17 июня 1943 г. уже были выработаны подписанные Димитровым и Мануильским предложения, касающиеся практической ликвидации Коминтерна. Остановимся на этом документе несколько подробнее, поскольку он свидетельствует, что Генеральный секретарь ИККИ, мягко говоря, лукавил, характеризуя ликвидацию Коминтерна как фактическую (не формальную) акцию, о чем говорилось выше. Ни Сталин, ни его ближайшие советники, ни руководство Коминтерна конечно же не думали, чтобы «отпустить» на волю международное коммунистическое движение и отказаться от влияния на его развитие. Нужно было сохранить, а по возможности и расширить «кураторские» функции Москвы, но делать это в иных, чем ранее, не столь явных формах, скрытых от глаз мировой общественности. Выработанный Димитровым и Мануильским документ и свидетельствует о том, как бывший ИККИ представлял себе выполнение задач, стоявших перед ликвидированной организацией. Что же предлагалось (а затем и было реализовано) для сохранения функций Коминтерна, т. е. практической его модификации?

Авторы считали необходимым сохранить загранично следующих компартий: немецкой, австрийской, итальянской, венгерской, румынской, финской, болгарской, испанской, французской, чехословацкой, польской. Предлагалось оставить для «связи загранично со своими партиями общий нелегальный радицентр», а для партий, имеющих загранично в СССР, «в течение шести месяцев произвести смену шифра», а также сообщить им «условную кличку нового адресата», чтобы они могли непосредственно сноситься со своим руководством в Москве. Рекомендовалось выделить квалифицированного работника из НКГБ для связи с загранично компартий и работниками, обслуживающими нелегальный радицентр. Этот «гебист» должен был подчиняться непосредственно Щербакову, которому он обязан был направлять копии всех, как получаемых, так и отправляемых загранично компартий телеграмм. При этом все сведения военно-политического характера — о передвижении войск противника, размерах изготавливаемых вооружений, транспортировке вооружений и войск, подготовке химической войны, важнейших политических событиях в стране, партизанском движении и пр.— надлежало изымать из телеграмм и направлять их соответствующим советским инстанциям. Таким образом, вся связь загранично с компартиями в соответствующих странах ставилась под контроль и надзор советских органов.

Все функции, связанные с паспортным делом, тайнописью, переброской людей, направляемых загранично в отдельные страны, предлагалось передать НКГБ,

обязав последний выполнять заявки после тщательной проверки перебрасываемых людей и соответствующей санкции Щербакова. Местопребывание загранбюро компартий надлежало рассредоточить по отдельным помещениям в городе.

Считалось необходимым сохранить по линии «национального радиовещания» нелегальные передачи на Германию, Австрию, Италию, Венгрию, Румынию, Финляндию, Болгарию, Испанию, Францию, Чехословакию, Югославию, Польшу, Норвегию. Рекомендовалось, построив забор, отделяющий старую техническую базу «национального радиовещания» от основного здания Коминтерна, и переведа работников на казарменное положение, без ущерба для дела замаскировать ее (базу), разместив в основном здании Коминтерна какие-либо учреждения. Политический контроль за этими передачами предлагалось возложить на Щербакова, а по линии НКВД, как и до сих пор, на Пальгунова.

Материальное обслуживание лиц, занятых в обеспечении деятельности загранбюро, намечалось передать управлению делами ЦК ВКП(б), создав в его составе особую оперативную группу. В управлении кадров ЦК ВКП(б) рекомендовалось организовать особый сектор по учету проживавших в СССР иностранных коммунистов, передав ему все их личные дела. Равным образом надлежало передать этому сектору и личные дела кадров компартий, находившихся в своих странах.

Признавалось целесообразным издание ИМЭЛ ежемесячного журнала под названием «Марксизм и рабочее движение», имеющего задачами разоблачение фашистской идеологии, освещение вопросов рабочего движения в разных странах, идейную борьбу против извращений марксизма-ленинизма, разъяснение международной роли Советского Союза и вопросов Отечественной войны советского народа. Ответственным редактором журнала рекомендовалось назначить Митина, а в состав редколлегии ввести Ярославского, Александрова и Герэ. Предлагалось привлекать к сотрудничеству в «новом» журнале авторов, писавших в журнал «Коммунистический Интернационал», но под другими фамилиями. Весь архив КИ, равно как и архивы компартий, намечалось передать в архив ЦК ВКП(б), «предоставив загранбюро возможность пользоваться теми документами, которые могут быть необходимы для их текущей оперативной работы» [8. Ф. 495. Оп. 73. Д. 174. Л. 69—73].

Во втором разделе документа речь шла о функциях отдела, создаваемого в рамках ЦК ВКП(б). К ним относились: руководство антифашистскими комитетами и контроль над издаваемыми ими газетами; подготовка информации для секретариата ЦК ВКП(б) по вопросам международного рабочего движения; наблюдение за издательской деятельностью Издательства литературы на иностранных языках; оказание идейно-политической помощи загранбюро компартий в выполнении ими их задач, в частности, по вопросам «национального радиовещания». Сначала предлагалось «аппарата для выполнения этих функций не создавать», но затем эта фраза была зачеркнута и от руки написано: «При отделе создать аппарат 8—10 человек» [8. Ф. 495. Оп. 73. Д. 174. Л. 69—73].

14 июля 1943 г. Димитров направил просьбу Маленкову дать указание о создании особого сектора в управлении отдела кадров ЦК ВКП(б) по учету кадров иностранных компартий, проживающих в СССР. При этом он полагал целесообразным в указанный сектор взять некоторых работников (5—6 человек) отдела кадров бывшего ИККИ [8. Ф. 495. Оп. 73. Д. 174. Л. 75].

Таким образом, роспуск Коминтерна не означал бесследного исчезновения этой организации, просуществовавшей без малого четверть века. Ее функции по существу сохранились, будучи лишь рассредоточены и возложены на находящиеся в Москве загранбюро компартий, а также советские партийные (ЦК ВКП(б)) и государственные (НКГБ) органы. Делами бывшего Коминтерна занимался так называемый Институт № 205, работавший под руководством Димитрова, а затем созданный летом 1944 г. Отдел международной информации ЦК ВКП(б), возглавляемый тем же Димитровым.

Следует заметить, что вся эта акция по камуфлированию деятельности,

обеспечиваемой ранее Коминтерном, шла параллельно с разработкой советским руководством алгоритма его политической линии в послевоенном мире и Европе. Коминтерну в этих планах не было места, его политический потенциал был вычерпан до конца. В новых условиях он становился препятствием на пути реализации политической стратегии Москвы, а посему Коминтерн должен был исчезнуть, «раствориться» в советском партийном аппарате, став его составной частью. Уничтожена была надводная часть «коминтерновского айсберга», подводная же его часть продолжала существовать, несколько изменив свою конфигурацию и слившись с подводной частью другого «айсберга» — партийного аппарата ЦК ВКП(б).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Глубоко, всесторонне, правдиво исследовать историю Коминтерна//Вопросы истории КПСС. 1987. № 10.
2. Единство: что взять из прошлого? Диалог ветеранов коммунистического движения//Проблемы мира и социализма. 1988. № 4.
3. Некоторые вопросы истории Коминтерна. Круглый стол//Новая и новейшая история. 1988. № 4.
4. Пономарев Б. Н. Страницы деятельности Коминтерна//Новая и новейшая история. 1989. № 2.
5. Коминтерн и советско-германский договор о ненападении. Аналитический материал//Известия ЦК КПСС. 1989. № 12.
6. Марьина В. В. Чешское общество о советско-германском пакте 1939 г. и начале второй мировой войны//Вопросы истории. 1990. № 7.
7. Фирсов Ф. И. Архивы Коминтерна и внешняя политика СССР в 1939—1941 годах//Новая и новейшая история. 1992. № 6.
8. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории.
9. Коммунистический Интернационал.
10. Dopeše mezi Prahou a Moskvou. 1939—1941//Přispěvky k dějinám KSČ. 1967. № 3. S. 375—433.
11. Z počátku odboje. Praha, 1969. S. 69—110.
12. Rudé právo. 1939—1945. Praha, 1971.
13. Движение Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы/Отв. редактор В. В. Марьина (в печати).
14. Dejiny Slovenského národného povstania. Díl 3. Dokumenty. Bratislava, 1984.

© 1994 г. НИКОЛЬСКИЙ С. В.

В НЕВИДИМОЙ ЧАСТИ АССОЦИАТИВНОГО СПЕКТРА . . .

Не верю в светильник под спудом. Рано или поздно писатель все равно скажет, что хочет сказать . . . Главное — не терять достоинства.

М. А. Булгаков [1]

Настоящая статья представляет собой продолжение работы [2], в которой сопоставлялось творчество Карела Чапека и Михаила Булгакова и особое внимание было уделено таким слагаемым их поэтики, как аллюзионно-ассоциативный элемент, скрытые аналогии и реминисценции, искусство подтекста, тайнопись. Из сочинений Булгакова рассматривалась главным образом повесть «Роковые яйца» (1925), отчасти пьеса «Батум» (1939). Однако теми же особенностями отмечены многие другие его произведения, что в немалой мере определяет и своеобразие их структуры. Правда, эти черты не сразу обозначились в творчестве Булгакова. Для ранних его вещей, включая газетные фельетоны и очерки, они малохарактерны. Лишь начиная с 1924 г. в его произведениях появляются не только отдельные, так сказать, локальные аллюзии, но и целые аллюзионно-ассоциативные композиции. Первым заметным шагом в этом направлении стала небольшая сказочная повесть фельетонного типа «Багровый остров» (1924). В подзаголовке автор указал: «Роман тов. Жюль Верна с французского на эзоповский перевел Михаил А. Булгаков» [3. Т. 2. С. 41] (курсив мой. — С. Н.). Писатель использовал в повести имена героев романов Жюль Верна «Дети капитана Гранта» и «Приключения капитана Гаттераса», превратив самих героев в интервентов и колонизаторов и избрав местом действия экзотический остров, где обитают белые арапы и красные эфиопы. Повесть, которая современному читателю, наверное, больше всего напомнит сценарий мультфильма, представляет собой шуточную аллегорическую историю российской революции, слегка прикрытую возможностью истолкования сочинения и как пародии на дешевые литературные поделки, профанирующие революционную тему. Изображен конфликт между белыми и красными островитянами с последующей интервенцией иностранцев. При этом завершаются события как бы желательным в глазах автора исходом: словно насытившись кровопролитной борьбой и ужаснувшись жертв, враждующие стороны наконец примиряются, на острове воцаряется спокойствие, а интервентов изгоняют. По мнению некоторых комментаторов, образ Кири-Куки, вождя белых

Никольский Сергей Васильевич — д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН.

арапов, противостоящих красным туземцам, создан как «шарж на самозванного „диктатора“ России, главу Временного правительства А. Керенского» [4]. Фамилия действительно напоминает не только петушинный крик, но и фамилию Керенского.

Многочисленные скрытые аллюзии, элементы тайнописи появляются в повестях Булгакова «Роковые яйца» и «Собачье сердце», написанных в 1924—1925 гг., а затем и в других его произведениях. С некоторых пор искусство неявных значений вообще, по-видимому, становится для него постоянной игрой ума, не только увлекшей его своими художественно-интеллектуальными возможностями, но и позволявшей касаться рискованных тем и проблем, конкретных лиц, изображение которых вне предписанного канона находилось тогда под запретом. Едва ли случайно широкое обращение к подобным средствам и формам совпало по времени с появлением в творчестве Булгакова фантастического элемента и переплеталось с ним. То и другое, вероятно, отвечало стремлению в обобщенном виде и емких художественных построениях осмыслить происшедшие и происходящие в стране события и процессы, понять их механизм, соотнести их с философскими проблемами бытия, истории, с нормами нравственности. Обратившись к фантастике и иносказаниям, писатель искал внутренней свободы для осмысления окружающего мира.

Произведения Булгакова часто представляют собой многослойные семантические структуры. Пересечение и взаимопроникновение различных пластов, игра скрытых значений и многократно варьирующихся взаимоотражений порождают особые образно-смысловые эффекты [5]. Свое место в этой сложной, хотя и удивительно гармоничной, словно в музыкальном произведении, системе занимает аллюзионно-ассоциативный элемент, в том числе персональные аллюзии, т. е. намеки на конкретных лиц, протягивающие нити к реальным, подлинным событиям, фактам, деятелям. Сам Булгаков несомненно считал этот элемент, о котором и пойдет дальше речь, достаточно важным слагаемым своей поэтики и полагал, судя по всему, что присутствие в его произведениях скрытых ассоциативных мотивов, косвенных смыслов и сопряжений будет со временем ощущаться и широким кругом читателей, а вникание в них станет неотъемлемой особенностью чтения его произведений.

Стиль булгаковской «тайнописи» (обозначим условно этим термином совокупность самых разных приемов подтекстового письма) по преимуществу стиль мягких и эластичных ассоциативных касаний. Порой даже трудно определить, имеем мы дело с сознательным намеком или перед нами просто использование конкретных ассоциаций (с тем или иным реальным человеком, фактом) для лепки образа и плетения художественной ткани. Тем не менее очень часто это именно намеренные аллюзии и аналогии (философские, иронические, пародийные), предполагающие встречную «расшифровочную» активность читателя. Именно поэтому Булгаков зачастую и оставляет в тексте ключ для прочтения потаенных отсылок, помогая читателю настроиться на волну авторских ассоциаций. Дальше будут приводиться как примеры, когда наличие аллюзии и ее содержание известно, но до сих пор оставался незамеченным ключ, «шифр», хотя он и скрыт в тексте, так и случаи, когда только что обнаруженный ключ позволяет уверенно читать неподозревавшие ассоциативные отсылки, иносказания, реминисценции.

Впрочем, некоторые из булгаковских намеков, в том числе персональных, настолько прозрачны, что даже бросаются в глаза. Достаточно сравнительно беглой осведомленности в московской литературной жизни 20—30-х годов, чтобы опознать в литераторе Латунском, квартиру которого разгромила Маргарита, известного в те годы критика Осафа Литовского, одного из ярых гонителей Булгакова. Однако гораздо чаще связь того или иного персонажа с «прототипом», который является одновременно мишенью юмора, пародирования, иронии, оказывается куда более сложной и опосредованной, требующей проницательности читателя или даже специальной расшифровки. Так, в образе преуспевающего литератора Мстислава Лавровича («Мастер и Маргарита», в вариантах встречалось

также «Лавровский») лишь по косвенным приметам, с привлечением дополнительных сведений можно опознать Всеволода Вишневого [6], ср. [7]. В сознании Булгакова, вероятно, возникла промежуточная острота — насмешливое ассоциирование Вишневого, увенчанного лаврами, с лавровишней. В романе этот каламбур опущен, что и делает прочтение намека более трудным, требующим дополнительной информации. Б. М. Гаспаров, например, даже вообще никак не связывает фамилию Лавровича с Вишневым, полагая, что имеется в виду Горький [5. № 11. С. 645]. И видимо, в последнем он прав. Но права и Л. М. Янковская, раскрывающая намек на Вишневого. Две аллюзии здесь слились в одну. Аллюзии сразу на два лица вообще не редкость у Булгакова. Это даже превратилось у него в своеобразный литературный прием. Особенно наглядный пример тому — другая аллюзия на Вишневого. Всем памятна сцена в ресторане Массолита, где среди пустившихся в пляс литераторов резвится и писатель Иоганн из Кронштадта. Имя внешне отсылает к русскому религиозному деятелю последней трети XIX — начала XX в. Иоанну Кронштадтскому (1829—1909) и в более скрытом виде — к автору сценария кинофильма «Мы из Кронштадта» Всеволоду Вишневному, известному своими официальными взглядами и нападениями на пьесы Булгакова. Образ закодирован двойным кодом. Возникла контаминация двух аллюзий, из которых «внешняя» как бы является носителем второй, внутренней, глубинной, главной. Поскольку подразумеваются сразу два разных человека, происходит и их уподобление, отождествление, в основе которого лежит представление об ортодоксальности, правоте, наставительном проповедничестве и т. д. Одновременно первая аллюзия служит здесь прикрытием второй, вследствие чего к последней, строго говоря, невозможно придраться (даже несмотря на то, что упоминание Иоанна Кронштадтского в контексте 20-х годов явно анахронично). Таким образом, реализуются сразу две функции — функция ассоциативного соотнесения и маскирующего прикрытия.

Иногда персональные аллюзии у Булгакова разрастаются в целые комплексы, в других случаях они носят локальный характер, при этом их можно встретить в качестве единичных вкраплений даже в довольно неожиданном и, казалось бы, безобидном контексте. Напомним эпизод из «Записок покойника» («Театральный роман»), когда на столе у Торопецкой в Независимом театре раздается телефонный звонок и она решительно и далеко не любезно отвечает, что никаких билетов у нее нет, просит не отнимать у нее время, а затем внезапно вспыхивает, извиняется, что не узнала голоса, сообщает, что билеты, конечно, будут изготовлены вместе с программой, и весьма почитительно спрашивает: «А Феофил Владимирович сам не будет? Мы будем очень жалеть. Очень!! Всего, всего, всего доброго!» [3. Т. 4. С. 461]. Под Независимым театром в романе подразумевается МХАТ, а этот театр много раз посещал Сталин. Присмотревшись к имени и отчеству, названным Торопецкой, можно понять, что они также скрывают намек. Имя *Феофил* содержит, кроме одной, все буквы имени Иосиф, а отчество *Владимирович* созвучно с *Виссарионович*. Кроме того, в имени скрыта, вероятно, и ирония. Феофил (Теофил) в переводе с греческого означает «любящий Бога», а Сталин, как известно, учился в семинарии на священника и в молодости, когда занялся революционной деятельностью, имел даже подпольную кличку «Пастырь», которая обыгрывается и в пьесе Булгакова «Батум». В черновой рукописи эта пьеса о молодом Сталине так и называлась «Пастырь» [8]. Едва ли случайно Булгаков дал такое редкое имя и своей героине: Торопецкую зовут Поликсена. В этом имени заключены начальный слог имени, а также начальный и последний слоги отчества реальной женщины, которая стоит за этим образом, — секретаря-машинистки В. И. Немировича-Данченко Ольги Сергеевны Бокшанской (родной сестры жены Булгакова Елены Сергеевны). Выделив из имени *Поликсена* соответствующие слоги (и • восставновив заглавные буквы), мы получим криптограмму: Ол . . . Се . . . на, т. е. Ольга Сергеевна.

Еще один пример локальной аллюзии. Комментаторы Булгакова не раз ука-

звали, что в образе председателя акустической комиссии Аркадия Аполлоновича Семплеярова автор романа «Мастер и Маргарита» с юмором изобразил секретаря ЦИК СССР и члена комиссии по руководству Большим и Художественным театрами Авеля Софроновича Енукидзе. Основания для таких утверждений дают факты из истории его общения с Енукидзе [9]. Однако опять-таки существует, оказывается, и буквенный ключ, не привлекавший пока что внимания. В одной из черновых рабочих записей к роману этот герой появляется под именем Пафнутия Аркадьевича Семплеярова/Вордолазова ([10. С. 14]; ср. [11]). Вновь перед нами нечто вроде криптограммы: ... ну ... к ... д ... — с частичной дублировкой и продолжением буквенной цепочки во второй половине двойной фамилии: ... д ... з Фамилия *Семплеяров*, в свою очередь, содержит звуки имени *Авель* — даже в полном их составе, если учесть йотированное *а*. Позднее (возможно, в целях маскировки) был избран менее прозрачный вариант. Напомним, что такую же метаморфозу претерпело имя Рокка в «Роковых яйцах», где сходство с «прототипом» тоже было приглушено [2]. Как отметил В. И. Лосев, «самые первые рукописи Булгакова по своему содержанию, как правило, более созвучны авторскому замыслу, поскольку они не были еще подвергнуты самоцензуре — ни первичной, ни последующей» [10. С. 5]. Да и сам Булгаков в книге «Жизнь господина де Мольера» писал о том, что авторы «под давлением силы» порой бывают вынуждены делать те или иные усеконовения своего текста, и добавлял: «Так поступают ящерицы, которые, будучи схвачены за хвост, отламывают его и удирают. Потому что всякой ящерице понятно, что лучше жить без хвоста, чем вовсе лишиться жизни» [3. Т. 4. С. 306].

Наблюдение В. И. Лосева можно распространить и на персональные аллюзии, что и подтверждает только что приведенный пример с Енукидзе. Однако встречаются и обратные случаи, когда намек совершенствовался постепенно, путем перебора новых и новых вариантов, пока не был найден оптимальный и наиболее остроумный с точки зрения автора. Порой он оказывался в некотором смысле и более прозрачным, чем прежние. Рукописи Булгакова пестрят следами подобных поисков, связанных с собственными именами. Иногда даже в пределах одной рукописной редакции один и тот же герой в разных местах фигурирует под разными именами. Судя по всему, автор прямо по ходу работы фиксировал приходящие в голову новые и новые решения — с тем, чтобы потом выбрать лучшие из них. В случае с Семплеяровым существовал промежуточный вариант, построенный на созвучии с именем и отчеством Енукидзе, — Аполлон Павлович (без указания фамилии) [12. С. 212, 513]. Образовывались параллели: *Авель* — *Павлович*, *Софронович* — *Аполлон*. Это почти рифмы.

Сложнее случай, с которым мы встречаемся в главе романа «Сон Ивана Никаноровича». Глава представляет собой сатиру на конфискацию ценностей у частных лиц, широко практиковавшуюся в первые полтора десятилетия советской власти. Никанору Ивановичу, пребывающему после ареста и умопомрачения в психиатрической лечебнице, снится, будто он присутствует на положении зрителя-заключенного в некоем зале на театрализованном публичном «сеансе», когда поочередно вызывают на сцену подозреваемых в утаивании ценностей и добиваются признания. Среди вызванных фигурирует, в частности, некий «интеллигентный» и «благобразный», но сильно запущенный мужчина лет пятидесяти» [3. Т. 5. С. 160], подаривший, как выяснится потом (несмотря на его за-пирательство), восемнадцать тысяч долларов и бриллиантовое кольцо своей любовнице. Зовут щедрого любовника Сергей Герардович Дунчиль. Фамилия невольно заставляет вспомнить по созвучию А. В. Луначарского, который как раз известен был дорогими подарками (совершенно недопустимыми тогда с точки зрения официальной морали) своей красавице жене, актрисе Н. А. Луначарской-Розенель. На этот счет известна даже эпиграмма. После постановки в Малом театре пьесы Луначарского «Бархат и лохмотья», в которой Розенель играла главную роль, ходило четверостишие, написанное Д. Бедным:

Цена в искусстве рублики,
Нарком наш видит цель:
Дарит лохмотья публике,
А бархат Розенель [13].

Но с особым чувством в Москве рассказывали историю, связанную с поездкой Луначарского в Париж, где его жена будто бы появилась на приеме или на балу, имея на себе колье с бриллиантами, в связи с чем парижские газеты не преминули сообщить, что сразу же по прибытии из аскетической Москвы в столицу мод советский нарком поспешил сделать своей супруге роскошный подарок. Луначарский попытался оправдаться, заявив, что драгоценности фальшивые. Но тут будто бы сочла себя обиженной фирма, в магазине которой было куплено колье, и в газетах якобы появилась фотография чека с указанием суммы, уплаченной за покупку¹. Трудно сказать, что в этих слухах правда, а что вымысел. Но показательно и само их возникновение. Так или иначе, поводы для колкой аллюзии на лидера советской культуры у Булгакова, видимо, были, не говоря уже о том, что Луначарский подобно Литовскому, Вишневскому и другим числился в списке личных врагов Булгакова, составленном писателем. Если присмотреться, совпадает и возраст Дунчиля и Луначарского: пятьдесят лет последнему исполнилось в 1925 г.

Подозрение в скрытой юмористической пародии получает дальнейшее подтверждение, когда мы обнаружим, что буквенные фрагменты фамилии Луначарского содержатся также в фамилии и отчестве избранницы Дунчиля: Ида Геркулановна Ворс. Звукосочетания *кулан* и *рс* не что иное, как рефлекс той же фамилии. Из соответствующих букв и фрагментов имен возлюбленной пары можно даже полностью составить фамилию: Л . . . ун . . . а . . . ч . . . а [ар] . . . рс . . . к . . . и . . . й. Следует также обратить внимание на испанско-гальско-римскую окраску контекста. Отчество Дунчиля—Герардович, образованное от французского имени Жерар (Gérard), скорее всего намекает на галломанию Луначарского, бывшего большим знатоком и ценителем западноевропейской литературы, музыки, театра. Он слыл и личным другом Р. Роллана и А. Барбюса, что до сих пор отмечается даже в энциклопедиях [15]. Что касается фамилии «Дунчиль», то она имеет испанское звучание и даже приводит на память Дон-Кихота Ламанчского, о котором Луначарский написал и пьесу. Может быть стоит добавить, что и *Сергей* — старинное римское имя. Да и отчество подруги Дунчиля—*Геркулановна* — не может не напомнить названия городка Геркуланум, погибшего вместе с Помпеями во время извержения Везувия. Булгакова привлек, по-видимому, звуковой состав этого наименования. Он искал созвучий с фамилией Луначарского.

Связь образа Дунчиля с Луначарским косвенно подтверждается и тем обстоятельством, что в одном из вариантов этой главы возникал также иронический образ велеречивого священника, явно списанный с А. И. Введенского, известного партнера Луначарского по шумным публичным диспутам 20-х годов на темы религии. Тогда их имена очень часто произносились вместе. А. И. Введенский был одним из руководителей обновленческой церкви, деятельность которой негласно инспирировалась ГПУ (Булгаков не первый раз касался этой церкви в своем творчестве, в повести «Роковые яйца» она сатирически изображена в иносказании о «Доброкуре»). В начале 20-х годов Введенский вел яростную атаку против патриарха Тихона и ратовал за конфискацию церковных ценностей, постоянно возвращаясь к этому вопросу как в своих устных выступлениях, так и в печати, в частности в брошюрах «Церковь Патриарха Тихона» (М., 1923), «Церковь и государство» (М., 1923) — в последней есть даже целая глава, которая

¹ История рассказана автору статьи в 1963 г. покойным ныне проф. А. И. Овчаренко, тогда заместителем главного редактора собрания сочинений А. В. Луначарского. Любопытные черты характера А. В. Луначарского и нередкая противоречивость его поведения отмечены в статье С. Б. Бернштейна [14].

так и называется «Изыятие церковных ценностей». Естественно, и Введенский изображен Булгаковым под вымышленным именем (отец Аркадий Элладов), но в тексте (на этот раз в авторской речи) вновь сделаны «подсказки» в виде намеков на его подлинную фамилию: кое-где слышатся не только отдельные звуки этой фамилии («в...д...ен...», «вве...»), но и ее корневой слог «вед». Одновременно имя и фамилия «Аркадий Элладов» перекликаются с именем Введенского—*Александр*. Приводим соответствующий отрывок текста:

«И тут с необыкновенной ясностью стал грезиться Босому на сцене очень внушительный священник. Показалось, что на священнике прекрасная фиолетовая ряса—муар, наперсный крест на груди, волосы аккуратно смазаны и расчесаны, глаза острые, деловые и немного бегают...

Рыжий со сна хриплым голосом сказал:

— Э, да это Элладов! Он, он. Отец Аркадий. Поп умница, в преферанс играет первоклассно и лют проповеди говорить. Против него трудно устоять. Он как таран.

Отец Аркадий Элладов тем временем *вдохновенно* глянул *вверх*, левой рукой поправил волосы, а правой крест и даже, как показалось Босому, *похудев* от *вдохновения*, произнес красивым голосом:

— Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Православные христиане! Сдавайте валюту!

Босому показалось, что он ослышался, он затаил дыхание, ожидая, что какая-то сила явится и тут же на месте разразит умницу попа ко всем чертям. Но никакая сила не явилась, и отец Аркадий *повел* с исключительным искусством *проповедь*.

Рыжий не соврал, отец Аркадий был мастером своего дела. Первым же долгом он напомнил о том, что Божие Богу, но кесарево, что бы ни было, принадлежит кесарю.

Возражать против этого не приходилось. Но тут же, сделав искусную фиоритуру бархатным голосом, Аркадий приравнял существующую власть к кесарю, и даже плохо образованный Босой задрожал во сне, чувствуя неуместность сравнения. Но надо полагать, что блестящему риторике—отцу Аркадию—дали возможность говорить, что ему нравится.

Он пользовался этим широко и напомнил очень помрачневшим зрителям, что нет власти не от Бога. А если так, то нарушающий постановления власти выступает против кого?..

Говорят же русским языком—„сдавайте валюту“» [12. С. 317] (курсив мой. — С. Н.).

Как мы видим, в тексте местами словно рассыпаны осколки фамилии Введенского. Вместе с тем шарж на реального деятеля превратился под волшебным пером Булгакова в полнокровный художественный образ, значимый и без соотнесения с прототипом. Но на этом прервем демонстрацию локальных аллюзий.

Можно, конечно, усомниться в том, не случайны ли все приводившиеся буквенные совпадения. Однако при самом большом желании из фамилии Дунчиль невозможно составить анаграмму такого имени, как Иосиф, а имя Иоганна из Кронштадта не дает поводов искать в нем намеки на Авеля Енукидзе. Все это не значит, что в собственных именах героев Булгакова каждый раз надо непременно отыскивать следы фамилий прототипов или иные «секреты». Многое зависит от особенностей произведения, персонажа и т. п. В «Театральном романе», например, несмотря на обилие героев, восходящих к реальным лицам, описанные случаи составляют скорее исключение, чем правило. Е. С. Булгакова в своих записях-воспоминаниях прокомментировала некоторые стороны этого романа и раскрыла многие прототипы [16]. Чаще всего особых созвучий в именах персонажей нет.

Тем не менее достаточно часто имена собственные в произведениях Булгакова значат гораздо больше, чем просто обозначение конкретного человека, название населенного пункта, местности и т. п. Нередко они являются у него элементом

поэтики, ее знаковой системы, имеют особое звуковое и буквенное построение, особую семантическую структуру и коммуникативную функцию, несут в себе вторичные значения, содержат ассоциативные отсылки, реминисценции, иногда тайнопись. Чтобы не ограничиваться примерами, относящимися лишь к собственным именам персонажей, укажем, что Патриаршие пруды в «Мастере и Маргарите» — не только название известного уголка в Москве, но и символ духовной русской традиции; в «Роковых яйцах» подобную же роль играет повторяющееся упоминание о храме Христа Спасителя. Коммуникативная функция подобных собственных имен реализуется в полной мере лишь в том случае, если читатель умеет «ловить» эти косвенные и глубинные значения, отголоски, ассоциации, намеки, обертоны, умеет входить в игру, предложенную автором, принимать правила этой игры.

Важно отметить, что ассоциации аллюзионного типа сопровождают у Булгакова не только образы эпизодических персонажей. В той или иной мере они порой подмешаны и в образы главных героев. В упоминавшейся статье [2] мы пытались показать это на повести «Роковые яйца» (ср. также мнение Б. В. Соколова [17]). С. Иоффе вслед за Э. Проффер предложил соответствующие наблюдения (хотя, на наш взгляд, далеко не во всем бесспорные) над повестью «Собачье сердце» [18]. Исключения не составляет и роман «Мастер и Маргарита». Убедиться в этом вновь помогают собственные имена, хотя намеки, скрытые в них, по большей части далеко не столь доступны, как в случаях с Латунским — Литовским или даже Дунчилом — Луначарским. Булгаков, естественно, понимал, какой опасности он подвергал себя в случае расшифровки его политических намеков². Поэтому каждый раз он придумывал нечто вроде нового кода, находя новые и новые варианты намекающих сигналов, чтобы до них не сразу можно было добраться. Иногда применялся двойной код, как это было и в повести «Роковые яйца», где образ главного виновника событий одновременно закодирован на представление о В. И. Ленине (отсюда и имя: Владимир И[пат]ь[ев]ич) и о рассеянном профессоре типа Абрикосова (отсюда и фамилия — Персигов). Второй код выполнял одновременно и функцию маскировки первого.

При внимательном прочтении романа «Мастер и Маргарита» можно заподозрить, что злоключения руководителей Варьете Лиходеева, Римского и Варенухи таят в себе едва уловимые ассоциативные сближения с реальной историей Троцкого, Рыкова и Бухарина. Об этом же, оказывается, скрыто сигнализируют и фамилии этих персонажей. Так, в фамилии Лиходеева спрятаны буквы имени и отчества Льва Давидовича Троцкого, из которых составляется анаграмма: Л . . . е . . . в . . . Д . . . в . . . и . . . д . . . о . . . в . . . и . . . — прием, уже знакомый нам по повести «Роковые яйца», где он даже и применен по отношению к тому же лицу. Правда, там в криптограмме полностью сохранена была та же последовательность звуков, что и в фамилии «прототипа». Теперь игра несколько усложнена. Предусматривается (как и в случае с *Феофилом*) повторное использование одних и тех же буквенных знаков и их перемещение. Кстати говоря, фамилия *Лиходеев* не единственная, которой наделен в рукописи романа этот персонаж. Появлялась и фамилия *Бомбеев* [12. С. 91] с нередкой для Булгакова одновременной двойной ассоциативной отсылкой — в данном случае к названию города и к представлению о бомбе (ассоциации с «бомбометателями»). Мелькнула также фамилия *Педулаев* [12. С. 212, 511], в которой скрыты имя *Лев* и начало отчества *Дав*. Но свой окончательный выбор автор остановил все-таки на фамилии *Лиходеев*, несущей в себе гораздо больший объем информации. Этот вариант как бы совмещает достоинства обоих предыдущих — выразительную семантическую характеристику и буквенный шифр.

² Известен случай, когда в 30-е годы из школ изымались даже ученические тетради, на обложке которых была воспроизведена репродукция одного из рисунков В. Васнецова, иллюстрирующая «Песнь о вещем Олеге» А. С. Пушкина, так как кому-то наверху померещилось, будто из штрихов, разбросанных по рисунку (перетяжки на ножнах меча, кустики травы), можно было составить слова «Долой ВКП(б)».

На перестановке звуков, на «перевертывании» их последовательности построена параллель фамилий *Бухарин — Варенуха*: цепочка звуков . . . р . . . н . . . уха не что иное, как преобразованный вариант буквенного ряда . . . уха . . . р . . . н. (Кстати говоря, в одном из черновых набросков Варенуха прямо назван Николаем [12. С. 318].) Но особенно тонкий и оригинальный намек сопровождает, по-видимому, фамилию Римского. Автор, кажется, воспользовался тем, что эта фамилия немедленно вызывает в памяти вторую половину двойной фамилии знаменитого русского композитора Римского-Корсакова, а та полна тех же звуков, что и фамилия Рыкова. В этой не названной, но подразумеваемой фамилии, которая как бы присутствует за текстом, и спрятан буквенный шифр-сигнал: Р[имский]-Ко[рсако]в или [Ко]р[са]ков и т. п. Надо в полной мере оценить остроумие автора: и не сказано, и в то же время сказано.

Прием этот находится в некотором родстве с другим, иногда применяемым Булгаковым и отмеченным М. О. Чудаковой. Он мог бы быть, наверное, назван «имплантацией реминисценции». В элементарном своем виде он выражается в том, что в тот или иной контекст произведения вводится (без обозначения цитаты) миниатюрный фрагмент из другого, достаточно известного читателям произведения — вводится для того, чтобы вызвать в памяти читателя соответствующие, более широкие реминисценции из этого произведения, ассоциации с определенной картиной, репликой из него, с общей его атмосферой и т. д. Вставленное «чужое слово» становится знаком, отсылающим к другому тексту, который всплывает в памяти читателя и тем самым как бы тоже оказывается включенным определенными своими элементами в авторский текст. М. О. Чудакова приводит пример такой сознательной реминисценции из Зошенко в булгаковских «Записках на манжетах» и поясняет, что «автор „Записок“ рассчитывал на общую с ним читательскую память», а также указывает, что «Записки на манжетах» (с их весьма своеобразным стилем) можно рассматривать и в целом как своего рода «развернутую реминисценцию — автор рассчитывает, что его читатель не может не видеть за (его, Булгакова.— С. Н.) текстом гоголевских „Записок сумасшедшего“ как постоянного фона и резонатора» [19]. Подобная намеренно создаваемая «интертекстуальность» прослеживается и в пьесе «Батум», где в обрисовке главного героя, по наблюдениям М. Петровского, имеются едва уловимые точки соприкосновения с общим рисунком темы самозванца в «Борисе Годунове» А. С. Пушкина [20]. В некотором смысле сходным образом (хотя в данном случае речь идет уже о реминисценциях, не связанных с литературой) и фамилия *Римский* отсылает к полной двойной фамилии Римского-Корсакова, вторая часть которой, в свою очередь, превращается в соответствующем контексте романа в намек на Рыкова, провоцируя дальнейший, более широкий поток ассоциаций.

Конечно, было бы упрощением полагать, что под именами Лиходеева, Римского, Варенухи непосредственно изображены Троцкий, Рыков, Бухарин. С помощью «имплантации» реминисценций автор скорее лишь приглашает читателя к озорным косвенным сопряжениям. Все три персонажа — реальные, конкретные герои его романа, но каждый из них вместе с тем как бы помечен знаком легких и мимолетных ассоциативных соприкосновений с определенными лицами. Впрочем, «объем» аллюзий в образах разных героев разнится. Иногда, как в случае с Бронским в «Роковых яйцах», аллюзионный рисунок заполняет почти все пространство образа.

Естественно, возникает вопрос — если образы Лиходеева, Римского и Варенухи имеют точки соприкосновения с Троцким, Рыковым и Бухариным, составляет ли исключение образ Берлиоза, остается ли он вне подобных ассоциативных проекций. Только ли это собирательный и обобщенный образ-символ? И случайно ли по воле автора этот герой живет «в одной квартире» с Лиходеевым, образ которого — несомненная аллюзия на Троцкого? Не подтверждает ли последнее обстоятельство предположения о том, что в образе Берлиоза могут содержаться косвенные ассоциации, например, с Лениным? Такое предположение, между

прочим, уже мелькало в литературе о Булгакове. Оно было высказано, в частности, А. А. Кораблевым в процессе анализа образа Ивана Бездомного. Автор статьи особое внимание обратил на экспозицию романа «Мастер и Маргарита», где речь идет о «грехопадении» Иванушки — его отступничестве от духовно-нравственной традиции, которую символизирует в романе Христос. Вот как видит А. А. Кораблев завязку и развитие действия романа, прочитывая его в образах ритуальной христианской символики, в частности, в символах таинства крещения, которыми, по мысли исследователя, сознательно пользовался Булгаков, расставивший соответствующие знаки-символы в пространстве произведения: такими знаками оказываются определенные ситуации, действия, поступки, предметы, реплики. (А. А. Кораблев полагает, что в романе «Мастер и Маргарита» тайнопись приобретает и форму своего рода тайнодействия.) Позволим себе привести довольно пространную цитату из этой работы, показывающую, что писатель изображает падение Ивана как своего рода крещение наоборот, т. е. крещение с обратным знаком. Началось оно, по мысли автора статьи, «еще до начала романа. Мы уже знаем, что он получил, как того требует ритуал, новое имя, псевдоним Бездомный, и произнес слова отрицания, написав антирелигиозную поэму. Ритуальный характер этих действий еще очевиднее в начальной редакции романа, где Иван по наущению дьявола наступают на изображение Христа. В первой части романа происходит по сути дела то, что соответствует в таинстве крещения чтению символа веры. Берлиоз последовательно, пункт за пунктом, сначала сам, а потом отвечая на распрос Воланда, формулирует символ своего неверия, а Иван, „крещаемый“, соглашается с ним „на все сто“. Появление на Патриарших дьявольской „тройки“ — Воланда, Коровьева и Бегемота — чем не сатирическая интерпретация божественной Троицы, имя которой надлежит произносить при крещении. Приобретение свечи и иконки, купание в Москве-реке, а затем облачение в „светлые одежды“ — все это тоже характерные и достаточно легко узнаваемые приметы, указывающие, что бесовское наваждение содержало вполне определенную цель... Если Иван Бездомный — новокрещенный, то Берлиоз его крестный отец... „Крещен“ же Иван, по-видимому, самим дьяволом: новая жизнь для него началась после встречи с Воландом, и, несомненно, по внушению Воланда он полез в Москву-реку. Но роль крестителя подходит и Берлиозу, во всяком случае его отрезанная голова должна в этом ассоциативном поле соотноситься и с головой Иоанна Крестителя. Отметим также, что в первых редакциях романа автор именует Берлиоза Владимиром Мироновичем, отсылая нас ко времени киевского князя Владимира, крестившего Русь (имя Мирон — от «миро». — С. Н.) и как бы соотнося его с другим Владимиром — Лениным, крестившим Россию новым, иным крещением. Вспомним, что сказано о Берлиозе: „маленького роста, упитан, лыс“. И пусть читателя не смущает, что у героя „хорошо выбритое лицо“ и очки, „гладко выбритое лицо“ и опять же очки имеются и у профессора Владимира Ипатьевича Персикова из повести «Роковые яйца», а уж он точно соотносится с личностью вождя» [21].

Мнение А. А. Кораблева о параллелизме и родстве образов Персикова и Берлиоза имеет под собой серьезные основания, как и предположение о том, что оба эти образа где-то на философском уровне могут таить в себе реминисценции, связанные с Лениным. В отношении Персикова соответствующие доводы предложены в не раз упоминавшейся нашей статье и в брошюре Б. В. Соколова [17. С. 23—24]³. Но перекликаются между собой не только образы Персикова и Берлиоза. В этот же ряд надо поставить и созданный в промежутке образ профессора Преображенского («Собаچه сердце»), на ассоциативную соотнесенность которого с российским «преобразователем бытия» указала Э. Проффер [22] и вслед за ней С. Иоффе [18]. В дополнение к доводам этих авторов

³ Брошюра вышла несколько раньше нашей статьи, но уже после того, как последняя была сдана в печать. Независимость сходных выводов, вероятно, подтверждает их объективность.

можно указать на философские акценты в повести — ср. беседы Преображенского с Борменталем на темы *преобразования* человека и природы, *ускорения* естественных процессов. Не лишены, возможно, символических акцентов и упоминания в повести о *Преображенской* заставе, где и дал волю своим инстинктам в бытность «вольным псом-побродягой» Шарик — Шариков [3. Т. 2. С. 153]. Параллели и отзвуки, которые, по наблюдению ряда исследователей, связывают «Собачье сердце» с поэмой А. Блока «Двенадцать» («повесть Булгакова — негатив „Двенадцати“» — С. Шаргородский [23], ср. мнение М. Золотоносова⁴), также подтверждают присутствие в самом сюжете повести ассоциативного поля, восходящего к теме революционного преобразования жизни. Естественнонаучная антиутопия выступает здесь одновременно как метафора антиутопии социальной.

Можно приводить и другие примеры переклички образов Персикова, Преображенского и Берлиоза. Если в повести «Роковые яйца» упомянуто о разнесшемся по Москве слухе, «будто профессора зарезали с детишками (т. е. со всем, порожденным им. — С. Н.) на Малой Бронной» [3. Т. 2. С. 62], то в романе этот мотив стал реальным элементом сюжета. Собственно говоря, в «Роковых яйцах» содержалось зерно начального сюжетного события романа. Да и расстановка персонажей в экспозиции повести и романа та же: там триада — Персиков, Бронский, Степанов, здесь — Берлиоз, Лиходеев, Желдыбин.

Обращает на себя внимание имя и отчество Берлиоза. Мы уже знаем, что Булгаков в качестве потаенных знаков и аллюзионных сигналов нередко использовал семантические или исходные, этимологические значения собственных имен. По мнению С. Иоффе, в «Собачем сердце» определенный намек на ассоциации с Лениным закодирован не только в фамилии профессора Преображенского, но и в его имени и отчестве, где для автора повести важен был первоначальный греческий смысл этих имен: «Филипп — по-гречески значит „любитель лошадей“, то есть любитель ездить на лошадях, править лошадьми, отсюда — правитель. А Филипп Филиппович — это правитель вдвойне, у которого страсть к политической власти в крови» [18. С. 20]. Независимо от того, прав или не прав автор этих предположений, нельзя пройти мимо специфических особенностей исходной семантики имени и отчества Берлиоза. Его зовут Михаилом Александровичем. Михаил, как известно, значит «кто как Бог», «богоподобный». Традиционна связь этого имени с архангелом Михаилом, «архистратигом небесным». Имя Александр в свою очередь означает в греческом языке «победитель мужей» и кроме того ассоциируется с Александром Великим. Короче, ассоциации все время вращаются в кругу представлений о верховном лице и чуть ли не божественном авторитете. У Берлиоза, кстати говоря, двенадцать членов правления словно двенадцать апостолов и сбор их на совещание поздно вечером — словно тайная вечеря. Сама организация, которую он возглавляет, называется в рукописях романа то московской, то всемирной. В одной из редакций романа Берлиоз назван «командором Миолита» [12. С. 48], т. е. уподоблен высшему чину некоего ордена. Там же брошена шуточка: «Однако вождь-то наш запаздывает — вольно пошутил поэт с жестким лицом — Житомирский» [12. С. 47]. Ко всему прочему Берлиоз — тезка великого князя Михаила Александровича, которого Николай II в манифесте о своем отречении от трона назвал и престолопреемником.

Небезынтересны также варианты имени и отчества Берлиоза, мелькающие в рукописных редакциях и черновых набросках романа [12. С. 36, 52, 234, 249, 264, 394, 464]. Ясно, что Александр Александрович — это, так сказать, победитель мужей «в квадрате». В сочетании имен Михаил Яковлевич важно не только упомянутое уже первоначальное значение имени Михаил, но и то, что Яков (Иаков) это «патриарх, родоначальник народа . . . израильского . . . называемый иначе Израиль», «он был одним из величайших патриархов церкви ветхозаветной»,

⁴ Начальный эпизод «Собачьего сердца» демонстративно помещен в блоковскую декорацию (вечер, выюга, буржуй, бездомный пес) [24. С. 164].

«имя его имеет весьма высокое значение» [25. С. 311—312]. Не требует комментариев сочетание «Максим Максимович», восходящее к представлению о максимуме, максимализме (Максим значит «величайший»). Различные комбинации имени Мирон с другими именами — в их числе «Владимир Миронович» [12. С. 235] — понятны из приводившихся пояснений А. А. Кораблева. (Имя Владимир помимо всего прочего может возводиться к «владеть миром», не говоря уже о прямом совпадении с именем В. И. Ленина — ср. в «Роковых яйцах»: Владимир Ипатьевич.)

Наконец, в романе непосредственно использована цитата из Ленина. В фантастической сцене беседы Воланда с головой Берлиоза Воланд, как бы апеллируя к известным собственным утверждениям его недавнего оппонента, заявляет: «Все сбилось, не правда ли? . . . Это — факт, а факт — самая упрямая в мире вещь» [3. Т. 5. С. 265]. Эта афористическая формула не что иное, как одно из любимых выражений Ленина, которое десять раз употреблено им в печатных выступлениях 1917—1918 гг., в том числе в известном сочинении «Империализм как высшая стадия капитализма» [26]⁵. Похоже, что перед нами снова имплантация реминисценции.

Разумеется, образ Берлиоза опять-таки не портрет Ленина. Это конкретный многозначный образ персонажа романа, но он вновь, так сказать, помечен потаенным знаком философской соотнесенности.

Что касается фамилии Берлиоза, то этот случай несколько напоминает «Роковые яйца». Там тоже имя и отчество Персикова (Владимир Ипатьевич) были аллюзионны, а фамилия, как и психологический типаж героя, маскировала аллюзию, уводила в сторону. Впрочем, не исключено, что фамилия Берлиоза могла одновременно привлечь автора и потому, что композитор этот является создателем «Фантастической симфонии», а в глазах Булгакова фантастическими выглядели и планы Ленина. Вспомним, кстати, и близкое по типу, да и по смыслу, «музыкальное» иносказание в «Роковых яйцах» о дореволюционном (и надо думать, партийном) прошлом Рокка-Каменева, когда он служил «в ансамбле „*Волшебные грезы*“» [3. Т. 2. С. 92]; (курсив мой.— С. Н.). Нельзя также исключить, что фамилия Берлиоза могла вызывать у Булгакова ассоциации с Берлином. В свете встречающихся у него ассоциативных параллелей между топонимическими названиями и собственными именами персонажей (Бомбей — Бомбеев, Преображенская застава — Преображенский и т. п.) такое предположение не должно показаться чересчур странным. Не забудем также, что в повести «Роковые яйца» не только аппаратура для генерирования «красного луча» получена из Германии, но и в качестве точки отсчета событий взята точная дата приезда В. И. Ленина (16 апреля — 3 апреля по старому стилю) в Россию, куда он прибыл, как известно, с разрешения, если не благословения, берлинских властей через Германию и Финляндию. Иностранная фамилия хорошо согласуется и с характерным для ранних редакций романа контрастом, с одной стороны, русских примет во внешнем облике Иванушки Бездомного («кепка», «толстовка»), а с другой — одежды Берлиоза («заграничный костюм») [12. С. 25].

Несомненным остается одно: в невидимой части ассоциативного спектра романа вновь резонируют те же, что и в повестях, события и процессы революционных и послереволюционных лет и те же реальные деятели, что и там.

Необходимо сказать несколько слов об образе Ивана Бездомного, хотя это образ иного плана и за ним вряд ли кроются какие-либо персональные ассоциации. Точнее говоря, их тоже можно обнаружить (и В. М. Гаспаров [5. № 10. С. 100] и Н. Кузякина [28] сделали это — речь идет о Демьяне Бедном), но они относятся только к одному этапу в жизни героя — единственного в романе, если не считать Пилата, развивающегося героя, сознание которого претерпевает

⁵ В принципе крылатое изречение «Факты — упрямая вещь» английского происхождения и пуцено в оборот Т. Д. Смоллеттом [27].

изменения. Тем не менее образ этот тоже своего рода знак — по-видимому, знак русского народа, что отражено и в имени — Иван, и в фамилии — Понырев (от названия среднерусского города), и в первоначальной фамилии — Попов [12. С. 25] (связь с русской духовной традицией). С другой стороны, псевдоним Ивана, которым он подписывает свои стихи — Бездомный, а в рукописных вариантах — Беспризорный, Бесприютный, Покинутый, Безродный,— призван, вероятно, вызывать представления о человеке, потерявшем почву под ногами, утратившем органическую связь с традицией, со своим родом, выбитом из естественной колеи бытия. Однако постепенно Иван как бы прозревает и возвращается к самому себе (хотя процесс этот не вполне завершен). П. В. Палиевский сразу по выходе романа написал столько раз цитировавшиеся потом строки: «Обращен роман все-таки больше всего к Ивану Николаевичу Поныреву, бывшему поэму Бездомному. Едва ли не для него разыгралась вся эта история Мастера и Маргариты . . . Он единственный по-настоящему развивается в этой книге . . . История романа развертывается в сущности для него, потому что он один сумел извлечь из него для себя что-то новое, чему-то научиться, факт, не видимый сразу, но едва ли не самый значительный [29]». Недаром из ученика Берлиоза, побуждающего его хулить и осмеивать Христа и отрицать само его существование, он превращается в ученика Мастера, с таким преклонением пишущего о Христе, из поэта-ремесленника, сочиняющего по заказу антирелигиозные стихи,— в профессора истории и излечивается «от гипноза».

У Ивана Бездомного тоже есть свои предшественники в творчестве Булгакова. Это приват-доцент *Иванов* в «Роковых яйцах» и *Иван* Борменталь в «Собачьем сердце». По сути дела, это некая единая триада или вариации на одну и ту же тему. Каждый из трех героев ассистирует при необыкновенном эксперименте — два первые при вымышленном, третий при реально проводимом в России. Все три образа в ассоциативно-метафорическом измерении как бы олицетворяют русский народ, участвующий в необыкновенном социальном опыте. На сходство и преемственность этих образов несколько лет тому назад обратил внимание С. Шаргородский: «„Собачье сердце“ и „Роковые яйца“ соединены с „Мастером и Маргаритой“ целым рядом связей-трансформаций. Так, в „Собачьем сердце“ ассистентом Преображенского выступает Иван Арнольдович Борменталь, „очень красивый, молодой, с острой бородкой“, в „Роковых яйцах“ появляется его двойник (в реальности последовательность возникновения образов обратная.— С. Н.) ассистент Петр Степанович Иванов, описанный как „изящнейший джентльмен с острой белокурой бородкой“. Будущее белокурых джентльменов одинаково. Преображенский называет Борменталья „будущим профессором“. Иванов тоже становится профессором . . . в третьей ипостаси этот образ — ставший профессором поэт Иван Николаевич Понырев — Бездомный» [23] ⁶. «Профессура» в данном случае, надо полагать,— обозначение приобретенного опыта. Что касается немецкой аранжировки фамилии и отчества героя в «Собачьем сердце» (Иван Арнольдович Борменталь), то она опять-таки находит аналогию в том, что немецкие ассоциации есть и в «Роковых яйцах»: доцент Иванов создает аппаратуру для генерирования «красного луча» Персикова с помощью немецкой оптики ⁷.

Сложная зашифровка знакового смысла образа Борменталья и, может быть, даже намеренное его затуманивание не должны удивлять. Они могут объясняться и нелегкой ситуацией, в которой оказался к этому времени сам Булгаков. Ведь если до криптограмм и персональных аллюзий в повести «Роковые яйца» тогдашние

⁶ Наблюдение Шаргородского о сходстве и генетическом родстве образов приват-доцента Иванова и Ивана Борменталья практически «снимает» версию С. Иоффе о том, что за образом Борменталья в авторском сознании стоит фигура Троцкого [18].

⁷ Интересные соображения о фамилии Борменталья также высказал С. Шаргородский, продемонстрировавший для наглядности, как легко поддаются монтажу и контаминации записки об экспериментах по омоложению животных австрийского ученого Штейнаха и записи в лабораторном дневнике Борменталья, «который недаром носит немецкую фамилию, как и венский ученый» [23].

критики не докопались, то общий ее смысл все же был угадан. И. Гроссман-Рошин, например, писал, что Булгаков в повести «Роковые яйца» «как будто говорит: вы разрушили *органические скрепы* жизни; вы подрываете *корни* бытия; вы порвали „связь времен“. Горделивое вмешательство разума иссушает источник бытия. Мир превращен в лабораторию. Во имя спасения человечества как бы отменяется *естественный порядок* вещей и над всем безжалостно и цепко царит великий, но безумный, противоестественный, а потому на гибель обреченный эксперимент» [30]. Но ведь в «Собачьем сердце» речь вновь шла о «противоестественном эксперименте» и гордыне разума, о заморозке умозрительной гипотезой и о рискованном волевым вмешательстве на ее основе в субстанцию природы и бытия. С учетом всего этого Булгаков мог в новой своей повести прибегнуть к более сложному коду, может быть, даже сознательно вводя в него своего рода «шумы» (пусть мнимые). Ведь весьма парадоксально и даже изящно закодирован двойным кодом и сам образ Преображенского. Если общим своим смыслом, связанным с главной деятельностью хирурга-экспериментатора, этот образ отсылает к представлению о радикальном и рискованном вторжении в бытие, то психологический типаж героя, наоборот, олицетворяет неприятие им отступлений от освященных традицией норм жизни и культуры человеческого общежития — в том числе отступлений, порожденных революционной эпохой. В уста профессора вложены протесты против той самой действительности, которая сложилась в результате таких же оперативных вмешательств в общественное устройство, какие сам он практикует с живыми организмами. Интересны выводы, к которым приходит Н. А. Грознова: «В „Собачьем сердце“ Булгаков . . . бросал вызов одной из самых приоритетных, заглавных идей современности — идее социального равенства, утверждение которого в те годы сопровождалось особенно светлым историческим оптимизмом и одновременно выливалось нередко в уверенную и даже самоуверенную политическую аффектацию. Решившись прибегнуть к беспрецедентной метаморфозе (животному выпадает социально ответственная жизнь человека), Булгаков приоткрыл в этой повести границы той катастрофы, которая сопутствует концепции равноправия, можно сказать, преследует ее в том случае, если социальное равенство внушается личности с низкими нравственными качествами. Тогда пафос равноправия оборачивается не иначе как пошлостью и омерзением. В „Собачьем сердце“ и показано как раз то, как благородная идея равенства, равенства, предоставленного революцией личности, оказывается скомпрометированной разгулом агрессии со стороны этой личности, что, действительно, несет нравственное оскорбление окружающей жизни» [31]. Все это справедливо (можно усомниться разве лишь в применимости понятия личности к Шарикову). Но ведь, с другой стороны, прав и М. Золотоносов, указавший, что «сам профессор Преображенский в создании Шарикова виноват не меньше Швондера» [24. С. 170]. И это тоже один из главных аспектов этого образа.

Итак, в ассоциативном спектре романа «Мастер и Маргарита», в невидимой части этого спектра присутствует целый комплекс неявных реминисценций, косвенных символов, потаенных знаковых построений и т. д. В образы живых, «самодостаточных» героев вплетены едва заметные и чаще всего очень эластичные нити ассоциаций, в том числе отсылающих к реальным политическим деятелям, их позициям, поведению.

В ассоциативно-аллюзионном поле романного действия качества метафоры приобретают и определенные блоки событий, тематические и сюжетные мотивы, ситуации. Если начать с частных, не такова ли, например, тема невольного всеобщего песнопения о чем-то славном (в буквальном смысле — о славном Байкале)? Не являются ли эти картины всеобщего наваждения и гипнотического состояния тоже своего рода ироническим знаком, притчей, метафорой всеобщего безосновательного маниакального славословия? (Хорош, кстати, иронический штрих: вместо ободряющих слов «молодцу плыть недалечко» поется «молодцу быть недалечко» [3. Т. 5. С. 186] — это «недалечко» от Шипки и Нерчинска-то!

Разве не становится тем самым бессмысленным само восславление?) Не восходит ли вообще генезис этих картин к теме «певунов», намеченной еще в «Собачем сердце» в обличительных монологах Преображенского [3. Т. 2. С. 144—146]? (Кстати, и в романе один раз обронено именно это слово — «певуны».) Более того, след уводит еще дальше — к биографии Рокка в «Роковых яйцах», который до революции, как уже упоминалось, служил «в известном концертном ансамбле маэстро *Петухова*» в кинотеатре «*Волшебные грезы*» с тем, чтобы потом сменить «флейту на губительный маузер» [3. Т. 2. С. 92] (курсив мой.— С. Н.).

Не только наглядно и конкретно в своей непосредственной данности, но и метафорично само представление о Массолите и Варьете. В повести «Роковые яйца» фигурировал «показательный совхоз» [3. Т. 2. С. 82] «Красный луч» (означавший в переносном смысле целую страну), здесь — *зрелищное* предприятие Варьете⁸, во главе которого стоят Лиходеев (ассоциации с Троцким), Римский (ассоциации с Рыковым), Варенуха (ассоциации с Бухариным). По-видимому, двойным кодом закодирован и Массолит: основные реалии и «интерьер» берутся из быта писателей, реминисценции — из быта партии: Массолит — организация то ли отечественная, то ли всемирная; членский билет, вызывающий всеобщую зависть из-за благ, которые он дает; привилегированная столовая-ресторан с изысканными и баснословно дешевыми блюдами; глава объединения — обожествляемый руководитель («кто как Бог!» — не отсюда ли, кстати, и отчество его первого соратника, Лиходеева, — Богданович?).

Имеют свой аллюзионно-метафорический аспект и «похмелье» Степы Лиходеева, и насильственное удаление его из Москвы, и намерение Римского и Варенухи после его исчезновения «валить все» на него и «выгораживать себя» [3. Т. 5. С. 148], и «огромный синяк с правой стороны лица» у Варенухи [3. Т. 5. С. 152] от удара, полученного им (намек на события, связанные с правой оппозицией), и «потеря сознания» им от ледящего поцелуя девицы с кровавым шрамом на шее, после чего он уже «не отбрасывает тени», т. е. становится «прозрачным» и превращается в «вампира-наводчика» [3. Т. 5. С. 153—154; 12. С. 453] (не случайно и глава сначала называлась «Бойтесь возвращающихся» [12. С. 305]), и смертельный страх Римского, когда та же девица-ведьма по наведению Варенухи рвется в его кабинет, наконец, поведение Римского и Варенухи на следствии [3. Т. 5. С. 325, 329] (отголоски известных московских судебных процессов, кстати, достаточно очевидные).

Что касается образа Берлиоза, он вообще один из ключевых в романе — прежде всего в своем философском смысле, и близок, как уже не раз говорилось, по своей функции образам Персикова в «Роковых яйцах» и Преображенского в «Собачем сердце». Все три произведения объединяет общая тема. Их главные герои — носители идеи безоглядного радикально-максималистского вторжения в естественный ход бытия, в вековые устои и нравственные традиции. Эти герои находятся в отдаленном родстве с образом мифологического культурного героя. Различие в том, что их действия приводят совсем не к тем результатам, на которые делался расчет. Такова участь и замыслов Персикова, открывшего чудодейственный красный луч, и надежд Преображенского, отважившегося на свои эксперименты по преобразованию живых организмов и человеческой природы. В романе «Мастер и Маргарита» та же оппозиция волюнтаристской рассудочно-умозрительной схемы («плана») и органического течения жизни с ее вневременными и, следовательно, высшими законами и нравственными императивами непосредственно вынесена в спор между Берлиозом и Воландом. (В рукописных редакциях Берлиоз произносил и некоторые из тех реплик, которые

⁸ В этой связи дополнительный смысл приобретает наблюдение Б. М. Гаспарова: «От Варьете, как от центральной точки, все это сложное смысловое поле театральности (балагана) и одновременно бесовского шабаша... и казни-искупления как бы растекается, заполняя собой все пространство романа» [5. № 11. С. 94].

позднее автор «передал» Иванушке, в том числе главную из них — о том, что всей жизнью на земле «управляет» сам человек [12. С. 30]).

Спор этот — своего рода проблемно-философская экспозиция и завязка романа, который в целом и является ответом на диспут. С этим спором и соотносятся события в России, посмотреть на результат которых (изменилось ли «московское народонаселение») прибыл Воланд. Одна из глубинных тем романа, как и обеих повестей — многомерный, идущий откуда-то из глубин веков в будущее, органический процесс бытия и попытки коренным образом, раз и навсегда изменить его, подчинив рассудочному, механистическому расчету, сиюминутному решению, понятому как универсальное.

Эта тема получает воплощение как бы на нескольких уровнях. Первый из них — общеполитическая постановка вопроса. В повестях таков общий смысл естественнонаучного сюжета, когда вмешательство в дела природы выступает одновременно как метафорический аналог неосмотрительного вторжения в процесс общественного бытия. В романе это принципиальный спор между Воландом и Берлиозом, а также философский аспект соотношения событий с заветами Христа (впрочем, соотношения, как полагают некоторые ученые, не вполне последовательного [32]). Второй уровень — более конкретная передача общественно-бытовой атмосферы времени (последняя особенно ошутима в повести «Собачье сердце» и романе «Мастер и Маргарита», меньше в «Роковых яйцах»). Наконец, на третьем уровне — уровне, так сказать, «тайнописи», общая проблематика романа оказывается непосредственно связанной (через семантику знаков-аллюзий) с реальными лицами и действительно имевшими место событиями, благодаря чему философский смысл романа как бы дополнительно проецируется на конкретную современную автору действительность, которая также оказывается в контексте вечности и философских проблем человеческого бытия. На скрещении и взаимодействии всех этих уровней и реализуется богатейшая и многогранная структура этого удивительного романа, отдельные моменты которого мы стремились подчеркнуть.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белозерская Л. Е. Страницы жизни // Вспоминания о Михаиле Булгакове. М., 1988. С. 229.
2. Никольский С. В.. Научная фантастика и искусство иносказания // Советское славяноведение. 1992. № 1.
3. Булгаков М. А. Собр. соч. в 5-и т. М., 1989—1990.
4. Сахаров В. И. Примечания // Булгаков М. А. Ханский огонь. Повести и рассказы. М., 1988. С. 234.
5. Гаспаров Б. М. Из наблюдений над мотивной структурой романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита». // Даугава, 1988. № 10—12; 1989. № 1.
6. Янковская Л. М. Творческий путь Михаила Булгакова. М. 1983. С. 228.
7. Соколов Б. В. Комментарий // Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. М., 1989. С. 516.
8. Нинюв А. А. «Батум» // Булгаков М. А. Собр. соч. М., 1989. Т. 3. С. 695.
9. Лосев В. Комментарий // Булгаков М. А. Великий канцлер. М., 1992. С. 493, 523.
10. Лосев В. И. Рукописи не горят // Булгаков М. А. Великий канцлер. М., 1992.
11. Чудакова О. М. Творческая история романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Вопросы литературы. 1976. № 1. С. 229.
12. Булгаков М. Великий канцлер. М., 1992.
13. Вопросы литературы. 1990. № 5. С. 27.
14. Бернштейн С. Б. О Луначарском (по данным дневниковых записей) // Славяноведение. 1993. № 1. С. 79—85.
15. Краткая литературная энциклопедия. М., 1967. Т. 4. С. 451.
16. Смелянский А. «Театральный роман» // Булгаков М. А. Собр. соч. М., 1989. Т. 4. С. 666—667.
17. Соколов Б. В. Михаил Булгаков // Новое в жизни, науке, технике. Сер. Литература. М., 1991. № 7. С. 23—24.
18. Иoffee С. Тайнопись в «Собачьем сердце» Булгакова // Слово. 1991. № 1.
19. Чудакова М. О. «Записки на манжетах» // Булгаков М. А. Собр. соч. М., 1989. Т. 1. С. 606—607.
20. Петровский М. Дело о «Батуме» // Театр. 1990. № 2. С. 161—168.
21. Кораблев А. Тайнодействие в «Мастере и Маргарите» // Вопросы литературы. 1991. № 5. С. 46—47.

22. Проффер Э. Предисловие // Булгаков М. А. Собр. соч. Анн Арбор, 1983. Т. 3: Повести. С. XXIX.
23. Парогородский С. Собачье сердце, или чудовищная история // Литературное обозрение. 1991. № 5. С. 90.
24. Золотоносов М. «Родись второрождением тайным...» (Михаил Булгаков: позиция писателя и движение времени) // Вопросы литературы. 1989. № 4. С. 164.
25. Библейская энциклопедия. М., 1991. Кн. 1.
26. Ленин В. И. Соч., 4-е изд. Т. 22. С. 188; Т. 23. С. 265, 266, 305; Т. 24. С. 331; Т. 26. С. 168, 171; Т. 27. С. 57, 59; Т. 28. С. 168.
27. Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова. М., 1987. С. 358.
28. Кузякина Н. Михаил Булгаков и Демьян Бедный // М. А. Булгаков — драматург и художественная культура его времени. М., 1988. С. 405.
29. Палиевский П. В. Последняя книга М. Булгакова // Наш современник. 1969. № 3. С. 119.
30. Гроссман-Роцин И. Стабилизация интеллигентных душ и проблемы литературы // Октябрь. 1925. № 7 (1) С. 127—129.
31. Грознова Н. А. Повесть «Собачье сердце» в литературном контексте 20-х годов // Творчество Михаила Булгакова. Исследования. Материалы. Библиография. Л., 1991. С. 48.
32. Гаврюшин Н. К. Литостротон, или Мастер без Маргариты // Вопросы литературы. 1991. № 8. С. 75—88.

ИЗ СЛОВАРЯ «СЛАВЯНСКИЕ ДРЕВНОСТИ»

Настоящая публикация знакомит читателей с материалами, относящимися к области так называемой сельскохозяйственной магии и мифологии домашнего скота и птицы. Животноводство и птицеводство, будучи одной из важнейших сторон крестьянской жизни, одновременно составляли особую область традиционной духовной культуры, насыщенную мифологическими представлениями, ритуальными формами, запретами и предписаниями, вербальными текстами. Забота о благополучии скота, его плодовитости, о защите его от хищного зверя и нечистой силы диктовалась не только практической, хозяйственной необходимостью, но и — во многом — мифологическими представлениями о связи скота с потусторонним миром, с умершими предками, «управляющими» земной жизнью. Этим объясняется почитание домашних животных, их сакрализация, жертвоприношения скота и птицы, ритуальные кормления скота и обереги, наконец, ряжение животными во многих обрядах. Практически в каждом календарном празднике исполнялись те или иные действия или соблюдались запреты, связанные со скотом или мотивируемые заботой о скоте; скоту было посвящено немало специальных праздников и дней (день св. Власия, св. Николая, св. Марка, Юрьев день, день Флора и Лавра и т. д.); во многих обрядах участвовали домашние животные, например, вол в сербских рождественских обрядах мог быть «полазником», т. е. особо почитаемым первым посетителем, от которого зависело благополучие дома и семьи на целый год; быки-близнецы или волы-близнецы вместе с братьями-близнецами совершали ритуальное опаживание села в случае повальных болезней или мора (обычай известен всем славянам).

Несмотря на важность темы, специальных исследований, посвященных мифологии, символике и ритуальным функциям домашних животных, немного. Для данной публикации отобраны три обобщающих статьи («Болезни скота»), «Ветеринария народная», «Птицеводство») и одна из статей, раскрывающих мифологические образы отдельных животных («Вол»). Статья «Волчьи дни», хотя и посвящена календарному периоду, тематически тесно связана с животноводством, ибо вся обрядность этого дня направлена на защиту скота от волков.

© 1994 г. С. Т.

БОЛЕЗНИ СКОТА.

Реконструкция народных представлений славян о болезнях домашних животных и вызывающих их причинах сопряжена с известными трудностями. Народная «систематика» болезней лишена четкости и логичности. Сходство симптомов разных скотских заболеваний может приводить к их неразличению; с другой

Продолжение. Начало см. Славяноведение, 1993. № 6. С. 3—38; 1994. № 2. С. 3—36; 1994. № 3. С. 3—33.

стороны, сложная симптоматика или разные стадии одной и той же болезни могут восприниматься как признаки разных заболеваний. Некоторые признаки заболевания вообще могут не рассматриваться в традиционной культуре как объект именно ветеринарных знаний и практики (например, снижение удойности, бесплодие, выкидыш и под.).

Основную долю славянских народных наименований болезней скота и их отдельных симптоматических проявлений (обычно воспринимаемых как самостоятельные болезни) составляют названия, представленные и в номенклатуре людских заболеваний: праслав. **nemošь*, **xvorostь*, **verdь*, **morь*, **počь trьje*, **čza* (**čzva*), **gryža*, **rana*, **korsta*, **strupь*, **bčьlmo*, **xromota*, **ponoшь*, **volsь*, **čemerь*, **žaba* и мн. др. В целом названия скотских болезней образуют две основные группы. К первой относятся описательные наименования, указывающие главным образом на внешние признаки заболевания, напр., **sapь* (праслав. **sopěti*; **slinovьka* (белор. диалектное *слынаўка*, чешск. *slintavka* и др.) 'ящур' (праслав. **slina* 'слюна'); **mokрьсь* 'мокрый лишай у лошади'; вост.-слав. *вертѣчка*, *вертѣж* и др. 'болезнь овец — гельминтоз головного мозга, вызывающий поражение центральной нервной системы, внешне проявляющееся в кручении животного на одном месте'; **bordavica* (ср. вологод. *бородавица* 'зоб на шее и мелкие шишки на голове у коров') — из **verd-* (ср. *веред*, нем. *Warse* 'бородавка' (индоевроп. **werdh* — 'расти, набухать', связь с названием бороды вторична) и под. Другую группу составляют наименования болезней, указывающие на этиологию, как вполне рациональную, так и опирающуюся на представление о воздействии «нечистых» и «неведомых» сил. Известная модель названия (людских) болезней умилостивительными именами (типа русск. *матушка* 'оспа', *родимец* 'паралич', сербохорв. *богиње* 'оспа') для номинации скотских заболеваний в целом не характерна.

Народные представления о причинах болезней скота можно сгруппировать в следующие рубрики.

1. Болезни вызываются естественными причинами: неблагоприятными условиями содержания скота (холод, сырость, бескормица), насадой, поранением, укушением змеи, отравлением и т. п. Ср. «этиологические» названия болезней и состояний животного: русск. *закóвка*, *засéчка*, *опóй*, *окóрм*, *запáл*, *надáвы*, *надса́да*, *надорвётся конь*, *исплечился конь* и под.

2. Болезни скота являются следствием нарушения запрета. Например, у овцеводов в украинском Закарпатье запрещается сметать в огонь мусор, бросать яичную скорлупу: по поверью от этого на сосках у овец появляются струпья, делаются бельма на глазах и под.; запрещается бить овец сухим прутом или палкой с отодранной корой, иначе овцы начнут сохнуть идохнуть; существует запрет чабану и хозяину овец весной выходить из дому босиком, чтобы не застудить овец или чтобы они не захромали на полонине; хромота овец может вызываться формированием отары на том же месте, что и в предыдущем году. Не допускается пролитие молока на огонь: вымена покроются струпьями, молоко у овец и коров будет «перегорать». На Полтавщине отмечается запрет вытирать по праздникам и воскресеньям запотевшие окна: у скотины образуется бельмо. У белорусов, в Витебской губ., запрещается использовать для строительства, в частности, скотных помещений, сухие деревья — животные будут страдать *сухóтами*; нельзя строить хлев из бревен, кора с которых была содрана, а не счищена топором: скот в таком хлеву будет болеть и падать; нельзя строить овчарника с окнами: ягнята в них будут рождаться слепыми. В западной Болгарии в день Сорока мучеников (*младенци*) нельзя запрягать волов: нарушение запрета повлечет болезнь и смерть животных; в Черниговской, Киевской, Полтавской и других губ. тот же запрет налагается на всякую пятницу в феврале. В Польше известен запрет в святые вечера, от Рождества до Нового года или праздника Трех королей просеивать муку через сито: телят, ягнят и поросят будет лихорадить. Широко в разных славянских зонах распространены запреты в определенные

дни календаря, обычно на Святки, прясть пряжу во избежание «вертячки» у овец; в Карпатах с той же мотивировкой существует запрет на витье «гужвы» (веревки из лозы) в день случки овец.

Специальных названий болезней скота, отражающих данный этиологический тип, не отмечено.

3. Болезни вызываются сознательной или непреднамеренной порчей, сглазом и под. Причиной заболевания животного может оказаться недоброжелательство постороннего человека, зависть, злое слово или, напротив, похвала либо даже просто нечаянный вопрос. В связи с этим ср. русские диалектные названия болезней *о́зык* 'неопределенное болезненное состояние животного, приписываемое влиянию оговора злого человека' (родственно словам *зычать*, *звук*), *встрѣча* 'паралич всякого рода у коров и лошадей вследствие оговора или от глаза лихого человека', *встрѣшник* 'болезнь лошади' и т. п. Во избежание подобной опасности практически повсеместно существуют запреты показывать постороннему человеку новорожденных животных и даже сообщать об их появлении на свет.

Стандартный способ наведения порчи — подкладывание наговоренного предмета (яйцо, соль, угли, зола и т. д.) в хлеву или на скотском прогоне. На восточнославянской территории, особенно в западной ее части, широко распространено такое средство наведения порчи на скот, как заломы. Заламывание ржи мотивируется, например, в следующем заговоре: «Тру, мну, дар Божы завиваю на (имя) статак — худобу, как его худоба рагатая, сивая, стракатая, беланогая, безхвостая, безрогая, чёрная, рыжая, падластая, перестая, лысая, белапаяся, сцёрласа, змяласа, как ее й нащатак звёўся <...> Усе лихие прыступеце й на его худобу нашлеце ўселякую хваробу, каб его пушыло, корчыло, круцило, як скручана гэтая завитка» (Слуцкий у. Минской губ.).

4. Болезни скота вызываются вредительством хтонического животного (гада) или птицы. Среди хтонических вредителей скоту в славянских поверьях чаще всего фигурирует ласка, жаба (лягушка) и уж. Местью ласки вызывается снижение молочности коров, появление крови в молоке, мучения лошади вплоть до ее смерти и т. п. Появление кровавого молока может объясняться тем, что корова наступила на лягушку или спала в змеином месте (русские). Гады, по поверью, посылаются ведьмами и высасывают молоко из вымени. Вред скоту может приносить дыхание ласки, ее способность «надуть» животное (словаки, сербы). Следует, однако, отметить, что ласка и гады не являются однозначно вредоносными тварями: как и восточнославянский домовый, они скорее покровительствуют домашнему скоту, а вредительство либо является следствием нерасположения ласки к конкретному животному («не в масть»), либо провоцируется действиями человека, наносящего им ущерб (убийство ужа, ласки и т. д.).

Поверья о ласке, уже, лягушке являются реликтами индоевропейских представлений о вредоносности более широкого круга хтонических существ, о чем свидетельствуют многочисленные названия болезней, в том числе болезней скота. Праслав. **ašcer-*, **ašcur-* имеет продолжения как в значениях 'ящерица', 'саламандра' и под., так и в значениях 'ящер, воспаление языка у лошадей, коров', 'сыпь на языке' (русс. *ящер*, *ящур*, сербохорв. *jaštteriца* и др.); по другому объяснению, *ящур* этимологически соотносится с *щур* 'крыса'; в связи с русск. диалектным *ящер-гушчер*, укр. диалектным *гушчир* ср. болг. *гушчер* 'ящерица' и 'круп' (болезнь). Названия 'ангины' *жаба*, а также болг. диалектное *жабица* 'опухоль под языком, болезнь коров', сербохорв. диалектное *жабина* и под. формально и семантически производны от **žaba*; сюда же примыкает болг. диалектное *жабяса*, *жабясва* '(о скоте) заболеть при пастьбе по влажной траве'; ср. еще вторичную втянутость польск. *goriśca* 'жаба' в гнездо производных от *gora* 'гной'. Русск. диалектное *мыш*, *мыша*, *мышак* 'опухоль у лошадей' и др. связаны с обозначением мыши (к семантике 'опухоль, вздутие' ср. *мышца*, далее лат. *musculus* 'мышца', букв. 'мышонок'). Русск. *норица* 'язва на загривке у лошади вследствие натертости', 'болезнь вымени у коровы', польск. *porzysca* сопоставимы с *норица* 'норка, животное *Mustela lutreola*'. Чешское название этой

же болезни — *krstice* — производно от наименования крота, *krt.* Связаны между собою наименования болезни *язва* и барсука *язва́, язве́ц*, как живущего в норе. С названием ежа этимологически отождествляются русск. *еж, яж* 'червь, живущий на спине у скота', нижнелуж. *jaž* 'червяк или личинка у скота' и др., ср. болг. диалектнос *разежи се, разежва сек* (о животном) 'беситься'.

Весьма широко у славян распространены представления о водяном волосе, возникшем по поверьям из конского волоса, как источнике болезней (волос может местами представляться «злобно-сознательным» существом), ср. вост.-слав. *во́лос, во́лас*, 'различные виды заболеваний, в том числе незаживающая рана, нарыв, гнойник', болг. *влас* 'болезнь овец' и под. Далее сюда же относятся обозначения болезней от *čьrvь, *čьrvakъ, *zmbja (болг. *червек* 'подкожный червь у лошади или вола' и др.), ср. *čьrveti, укр. *червіти* 'болеть'. К поверьям о хтонических животных, высасывающих молоко (уж, лягушка и др.), ср. еще этимологию др.-русс. *сможь*, белор. *смоўж* и др. 'улитка', связывающую эти названия с *молоко, молозиво* и, в конечном счете, с *mьlzati 'сосать', ср. укр. *молокосіс* 'ящерица', *млекосіс* 'саламандра'.

Поверьям о ласке соответствуют поверья о ласточке, вредящей скоту в случае разорения ее гнезда и т. п.: пролетевшая под выменем коровы ласточка вызывает появление крови в молоке или иной ущерб (восточные славяне, поляки, кашубы, лужичане, хорваты). Как вредоносные по отношению к скоту выступают и другие птицы: козодой (характерно само ее название), сорока, горихвостка и др. У украинцев считается, что если разорить гнездо *волово́го о́(ч)ка* 'птица *Agelaeus rescoris*, коровий желтушник', вол ослепнет.

Связь мотивов слепоты и хтонизма усматривается в украинском поверье о возникновении желудочных резей (перелогов) в случае, если скотина перейдет первое место, на котором каталось какое-либо животное, рождающееся слепым: собака, кошка, заяц или волк.

Семантическая связь 'волос, волосяной покров на теле' — 'болезнь' находит продолжение в образовании названий болезней от наименований 'ногтя, когтя': русск. диалектнос *ноготь, ко́коть* 'резкая боль живота у лошади от обильного и сочного зеленого корма, когда ее *пупом катает*' и др.; тексты некоторых ветеринарных заговоров отражают представления о существовании двенадцати ногтей, подобно двенадцати лихорадкам, мучающим человека: «от фсех двенадцати ноктей: от кровеново, от глазново, от мозговово, от нутреново, от костеново, от хрептовово, от рёбровово, от хвостовово, от потновово, от воденово, от зубново, от езышновово» (Амурский край).

5. Болезни скота вызываются демоническими существами. На роль демонологических персонажей в славянских представлениях, касающихся этиологии скотских болезней, указывают такие названия болезней, как *bьсь (болг. *бяс* 'смертельное заболевание животных, обыкновенно — собак', диалектнос *бес* 'бешенство (у животных)', макед. *бес* 'бешенство'); по-видимому, это не результат метонимического переноса, а отглагольное наименование, ср. *bьsьti, русск. *бесеть* 'заболевая бешенством', подобно отглагольному имени *шал* 'бешенство скота', от *шалеть*), русск. костром. *шишіймора* 'заболевание скота, состоящее в образовании на спине у коровы гнойной шишки с червями', ср. *шишіймора, кикіймора* 'антропоморфный мифологический персонаж, связанный с домом', 'кошмар, привидение', закарпатско-укр. *мерена* 'болезнь вымени у коровы', ср. *морена, Марена, мара* 'мифологические персонажи, демоны смерти'.

Как и в случае с лаской, ласточкой, болезнь может вызываться нерасположением домового-дворового (вообще являющегося опекуном домашнего скота): дворовой мучает нелюбимую лошадь, заезживает ее до изнеможения, путает гриву, насылает колтуны и проч. Нередко домовый-дворовой приобретает облик хтонических существ — ласки, мыши, змеи, жабы. Вред скоту может причиняться и иными демонологическими фигурами (зюга у поляков, тогава,

zła żona у лужичан, редко восточнославянские русалки, повітрулі у украинцев и др.). Обычно этот вред заключается в отнимании у коров молока.

Особый тип демонических созданий — персонификации скотских болезней. Персонифицируются, как правило, болезни повального характера, распространяющиеся в виде эпизоотий (в отличие от представлений о людских болезнях, в которых отчетливо ощущаются следы олицетворения и болезней частного, неэпидемического характера: лихорадки, икоты, чирьи, криксы, родимцы). Образы скотских болезней достигают в ряде случаев большой конкретности, вплоть до указаний на время рождения олицетворенной болезни. В Болгарии даже существует поверье о том, что чума на скот рождается в день св. Афанасия (18 января). Внешний облик персонифицированных повальных скотских болезней выступает в двух основных вариантах — антропоморфном и зооморфном. В первом случае это обычно женщина, старуха с безобразным лицом, могущая быть вооруженной косой, граблями, шилом и др., бродящая по селам и наводящая мор на скот. Во втором случае она приобретает вид коровы, свиньи и прочих домашних животных, падеж которого она вызывает; иногда это не животное, а лишь его остов, ср.: «У животных тоже есть смерть, но она является в виде скелета тех животных, к разряду которых они относятся. Коровья смерть — скелет коровы, лошадиная — в виде скелета лошади и т. д.» (Московская губ.— Архив ГМЭ). Промежуточными формами можно считать облик скотской холеры в виде бабы с коровьими ногами (Украина, Сибирь и др.) и в некоторых иных вариациях, ср.: «Голова коровья, копыта на ногах конские, руки есть, а вся обвешана саблями. Человек не человек, скотина не скотина, а так, смешена» (бассейн р. Печоры). Коровья смерть может оборачиваться также черной кошкой, собакой и др. Характер распространения повальных болезней отражается в наименованиях эпизоотий (и эпидемий) **počětrěje* 'поветрие' (т. е. болезнь разносится ветром), русск. *пóшесть*, польск. *posześć, poszedło* (из **poходiti*, **šьd-*), русск. *пошáва* (ср. диалектное *шáвать* 'красться').

© 1994 г. ЖУРАВЛЕВ А. Ф.,
д-р филол. наук

ВЕТЕРИНАРИЯ НАРОДНАЯ

Среди приемов традиционной ветеринарии и обрядности, направленной на исцеление скота, можно выделить а) приемы, используемые в случаях частных заболеваний, для лечения отдельного животного и б) приемы и обряды, к которым прибегают в случаях эпизоотий, повальных болезней скота. (Деление приемов народной ветеринарии на рациональные и магические имеет вспомогательное значение и в целом менее удобно и адекватно своему объекту, поскольку навязывает реальности «объективный» взгляд извне: для самого носителя народной культуры противопоставление рационального и магического не носит принципиального характера и если регистрируется его сознанием, то на позднейшей ступени эволюции традиционной культуры — на этапе ее, в сущности, разрушения. Кроме того, рациональное и магическое, сплетаясь в тугой узел, зачастую неразличимы и для исследователя.)

Лечение частных болезней. Как во всяком ритуале, в приемах и способах народной ветеринарии слиты воедино вербальный, акциональный и предметный планы. К вербальной стороне относятся заговоры, молитвы, мотивировки-пожелания и т. п. К наиболее частым акциональным элементам относятся обход скотины, окуривание, кропление, скармливание или спаивание животному исцеляющей еды и питья, навешивание амулета, втирание, прогон сквозь или

через что-либо, иные способы приведения животного в контакт с целительным средством, кровопускание и др. Круг конкретных врачующих (или представляющихся таковыми) средств реально неисчислимым, их многообразие определяется безграничностью мира вещей, так как практически любой предмет и почти любая манипуляция с ним могут быть вовлечены в сферу ветеринарной практики.

В традиционном скотоврачевании широко применяются различные травы. Они используются в виде отваров, сухого порошка, который добавляют в корм или которым присыпают раны, сухими травами и ветками окуривают больной скот. Над различными растущими травами совершают обрядовые действия, направленные, например, на изгнание червей из ран (у восточных славян широко распространены заговоры, произносимые над заломленным к земле татарником, крапивой, одуванчиком и др.; заговор обычно содержит угрозы уничтожения травы с корнем, если черви не пропадут). Народноэтимологическое сближение имени Симона Зилота, память которого празднуется 10 мая, с *зело*, *зелье* 'трава' послужило причиной приписывания травам, собранным в этот день, особой целительной силы.

Лечебными свойствами наделяются различные виды ритуального хлеба: например, неиспеченный (высушенный) калач из наколотого гребнем для шерсти теста, приготовленного в Игнатов день, у болгар; хлеб, замешенный на воде, в которой красили пасхальные яйца, или на крови петуха, зарезанного в Ильин день, у сербов; крачун (рождественский хлеб) у украинцев Закарпатья и мн. др. Целительные свойства приписываются многими славянами зерну, соломе и т. д., используемым в рождественской или новогодней трапезе. В ветеринарной магии чаще всего знаковыми функциями наделяются такие субстанции, как святая вода, четверговая соль, ладан, деготь, воск, мед, уксус, масло, сало, скорлупа от пасхальных яиц, шерсть, ртуть, зола, моча, роса; хозяйственные предметы и орудия, как решето, помело, нить, веревка, лыко, брусок для затачивания косы, в особенности острые и железные предметы — нож, топор, игла, борона, кочерга; обувь, одежда, ее части: стоптанный лапоть, кожаная обувь, мужские штаны (например, на Полтавщине — первые штаны, сшитые мальчику-первенцу, используемые при лечении опухоли на коровьем вымени), пояс, подол, стелька (например, там же — стелька из правого сапога, бывшая в нем на Рождество, Новый год и Крещение) и т. д.

Весьма употребительны в народной ветеринарии приемы гомеопатической магии. Например, вывих у животного лечится так: «(мужик) пересчитывал все суставы животного, потом брал горсть соломы, вырезал из нее коленца, из стольких соломинок, сколько насчитывал суставов, перевязывал коленце соломы красной ниткой и надевал эту нитку с соломой на вывихнутое место» (Жиздринский у. Калужской губ., Архив ГМЭ): «Когда кружится овца, то повертывают ее три раза в противоположную сторону той, в которую кружится, и разрезают ей ухо» (там же). На Украине золу, использовавшуюся в стирке белья на Чистый четверг, сохраняют как средство против лишая на скотине. Любопытным образцом магической гомеопатии являются случаи, когда способ или средство лечения животного определяется названием болезни. Так, например, для лечения болезней, именуемых *ноготь*, *коготь* и под., больную скотину кормят истертым в порошок рысьим когтем или царапают когтями живой кошки (русские, поляки). Болезнь *норица* («лошадь *разноричилась*») лечится скармливанием животному высушенного мяса норки, *норицы* (Новоржевский у. Псковской губ.), болезнь крупного скота *жабка* изгоняется с помощью червя, также называемого *жабка* (Странджа, Болгария). Широкое использование в скотолечении хтонических тварей (так, у восточных славян — смазывание ран салом ежа, кормление мясом заживо жаренного ежа, высушенным мясом змеи, подвешивание страдающей от червей скотине живой лягушки в тряпиче, привязывание в тряпке к рогам коровы выколотых глаз живой мыши как апотропей от сглаза и под.), по-видимому, стоит в тесной связи с обилием

наименований болезней, производных от названий хтонических существ (см. Болезни скота).

Борьба с повальными болезнями. Во время эпизоотий прибегают к крупным формам коллективной обрядности, в которых участвует (или представляет) вся деревенская община. Наибольшим распространением из них характеризуются обходы с молебнами, опаживание селения («изгнание Коровьей Смерти»), прогон стада через ров или специально вырытый тоннель («земляные ворота» и под.), обряды с добавлением при помощи трения так называемого «живого огня», тканье обыденного холста. В древности у восточных славян были известны также обычаи сооружения обыденных церквей (чаще сооружаемых при эпидемиях). В восточнославянских ритуалах, совершаемых в случаях повальных болезней скота, отчетливо сохраняются следы древних умиловительных кровавых жертвоприношений (умерщвление какого-либо животного — собаки, кошки, зайца, — впоследствии приобретшее мотивировку как убиение обернувшейся Коровьей Смерти).

Предупредительные меры. В славянской народной ветеринарии не менее, если не более, важное место, по сравнению с собственно лечением животных, занимают меры, направленные на предохранение скота от заболеваний. В то же время лишь относительно немногие из включаемых сюда предметных и акционных обрядов обладают яркой «ветеринарной» спецификой, а большинство из них может параллельно (в пределах той же или иной этнодиалектной традиции) наделяться и другими семиотическими функциями — осмысляться как средства, способствующие плодовитости, уберегающие домашний скот от покушений дикого зверя, приваживающие скот ко двору, обеспечивающие его возврат с пастбы и т. п., и даже вообще не связываться с животноводством.

Весьма широк круг апотропеев — предметов, оберегающих скот от болезней. Они могут помещаться в хлевах, на оградах, вешаться животным на шею или рога. Свойство отгонять болезни или нечистую силу приписывается многим растениям: осине, клену, липе, репейнику, крапиве, полыни, маку (показательна уже сама этимология некоторых фитонимических терминов: праслав. **čьчtorolxъ* 'чертополох', русск. диалектное *шишобър* — от *шиш* 'черт' и *бороться*). Охранительной силой обладают различные вещества: мелом и дегтем делают кресты на стенах хлевов, сербы ставят кресты дегтем на самих животных; в хлев помещают восковую громничную свечу, ладан; для профилактики заболеваний вливают ртуть в просверленный рог коровы; с предупреждением болезней, в частности скотских, связываются болгарские мартеницы, изготовляемые из шерсти. В Македонии волов от болезней защищают синими бусами на красной нити, которыми их украшают в озимую запашку, на св. Симеона. Мощным предохранительным средством считаются останки некоторых животных: конские и козьи черепа, помещаемые на воротах (у русских, сербов и др.), убитая сорока, ворона, сова, летучая мышь, которых вешают в хлеву, затыкаемые в стену хлева медвежьи когти и др. Профилактическую функцию выполняют и многочисленные предметы-артефакты, помещаемые в хлеву: у восточных славян, например, стоптанные лапти, посуда без дна, горлышко кувшина, старая тележная ось, икона св. Власия и др. Живущий в конюшне козел также рассматривается как апотропей, отпугивающий нечистую силу и болезни.

Велико профилактическое значение негативной магии — табу. В святые вечера не ломают хвост: телята будут рождаться со сломанными ножками (поляки). Пастухам нельзя в первый день пасхи (местами три дня) есть яйца во избежание болезней скота (сербы). Чтобы не вызвать у овец «головокружения», в четверг тодоровой недели запрещается производить работы, связанные с овцами (болгары). У восточных славян во избежание болезней скота запрещается бить животное осиновой палкой, гладить теленка по спине (захилеет), позволять лошади есть солому, на которой лежал покойник (зубы выпадут), возить мертвых на кобылах (им грозит бесплодие), брать кошку в телегу, выкидывать сор из избы по заходе солнца, тогда же катать белье, снимать хомут с лошади, не выведя ее из

оглобель, оставлять оглобли бороны на земле (следует класть их на борону), испражняться человеку в конюшне (копыта лошади потрескаются), испускать ветры сидя верхом (холка у лошади будет болеть) и мн. др.

Столь же многообразны приемы профилактической позитивной магии. Здесь прежде всего выделяются многочисленные способы «мелкой» окказиональной магии, предотвращающей болезни скота, например, перегон коров через шлею, косу, проточную воду и др., троекратное обтирание лба скотине костяшками пальцев, на которые перед тем нужно трижды плюнуть (поляки Галиции), бросание соли в убежавшее с огня молоко, чтобы у коров не воспалилось вымя (украинцы Закарпатья); чтобы воспрепятствовать убыванию молока у коровы, следует подмыть корову водой из ручья, образовавшегося от первого весеннего дождя с грозой, черпать из ручья при этом надо не «на воду», а «под воду», т. е. против течения (Смоленский у., Архив ГМЭ). Вблизи непосредственной опасности эпизоотических заболеваний (когда Коровья Смерть ходит по соседним селениям, но еще не пришла в данное), проводятся предупредительное опаживание, возжигание «живого огня» и др., т. е. те же ритуалы, которые выполняют и очистительную функцию.

Кроме окказиональной скотоводческой магии, охранительные функции присущи множеству обрядов и магических действий, закрепленных за определенными днями годового цикла — календарная магия. Для убережения скота от возможных болезней, например, болгары в Саввин день подкладывают нитку под стреху хлева; на Тодоров день молодухи, став в круг, брыкаются — «для здоровья лошадей»; в северной Болгарии в понедельник на тодоровой неделе гоняют по селу собак с привязанной к хвосту жестянкой или сухой тыковкой с золою, что предохраняет их от заболеваний. У народов Югославии если на Туцин дан, 5 января, режут скот, то дают кровь с солью скоту; пастухи ставили свечи св. Катарине, 25 ноября, от болезней овец; на тодорову субботу мазали шею рогатому скоту вареной фасолью, кукурузой, чесноком; на Джурджев дан кропили скот свяченой водой или водой из-под мельничного колеса; купали скот на Иванов день; в сочельник босняки и герцеговинцы хлестали скот дубовой веткой, а черногорцы перегоняли скот через лемех, положенный под порог хлева или между горящих свечей, поставленных у входа в хлев. Чехи и словаки на св. Люцию, 13 декабря, чертили чесноком крест над дверью в хлев. На зеленые святки в Малопольше скот, чтобы он не хромал, прогоняли через огонь; троекратный прогон стада через огонь, разложенный возле деревни, осуществляется у поляков и в день св. Роха, 16 сентября. В предотвращение массовых падежей скота у разных славянских народов в определенные дни календаря устраиваются обряды опаживания, возжигания «живого огня», тканья обыденных холстов (например, ритуал *воловска богомоа* с вытиранием *живой ватры*) и прорыванием тоннеля на Благовещенье в Темнице, Сербия. Такие же ритуалы могут календарно закрепляться по обету в память об избавлении от падежа.

Наконец, к наиболее распространенным типам относится охранительная вербальная магия (молитвы, заговоры), выступающая и в самостоятельном виде, и как сопровождение к тем или иным акциональным магическим приемам.

© 1994 г. ЖУРАВЛЕВ А. Ф.,
д-р филол. наук

ВОЛ — домашнее тягловое животное, в народной традиции «чистое» животное, участник ряда обрядовых действий и жертвенное животное. Обряды и поверья, связанные с волком, распространены неравномерно, так как на части славянской этнической территории в качестве тягловой силы использовались не волы, а лошади.

За безропотность и тяжелый труд на пользу человека болгары называют вола ангелом, полешуки (в р-не Пинска) — «святой костью», а русины (в Закарпатье) считают самым чистым животным. В представлении славян на воле, как и на быке или буйволе, «земля стоит».

Вол как жертвенное животное известен у сербов, македонцев, болгар и других славян. Так, в Лесковацком Поморавье в Петров день, Ильин день или Успение резали трех волов и съедали их всем миром. Македонцы в селах около Велеса собирались в сакральном месте («оброчиште») в Ильин день и съедали жертвенного вола. Словаки на третий день свадьбы «валили вола» (válenie vola): забивали вола, а хвост отрубали, прятали, а затем поджаривали на костре у реки. Голову вола зарывали под фундамент нового дома (Гружа, Сербия), а череп нередко ставили в овечьем загоне или на пасеке «от сглаза» (пиринск.).

Обычай с волом-«полазником», исполняемый на Рождество и Новый год, был распространен у сербов в Шумадии в западной и юго-восточной Сербии, северной, юго-западной и западной Боснии, в Краине и Черногории. В нем участвовал вол-«дешняк», т. е. правый вол в ярме. Часто вола натывали на правый рог калач с дыркой посередине и вводили его с ним в дом. Там калач снимали, разламывали на три части: одну давали вола-«дешняку», вторую — его напарнику и третью клали в зерно, оставляемое для сева (Гружа). В Славонии в Новый год вола с калачем на роге гнали на гумно, где обычно он ронял калач, который тут же делили на части и давали каждой скотине. Если вод при этом испражнялся на гумне, считали, что год будет урожайным и плодотворным для скота. В западной Боснии, в Яне «полазника»-вола покрывали в доме одеялом или ковром, посыпали зерном, угощали сакральным пирогом «чесницей» и пшеницей.

Надевание калача на рог известно и там, где нет обычая с волом-«полазником». Так, в центральной Боснии и Височской Нахии новогодний калач упадет делили на части, давая по куску всем домашним, а последний кусок несли на гумно и натывали вола на правый рог. По тому, какой стороной кусок калача упадет на землю, когда вол мотнет головой, гадали о будущем урожае. В Боснии в горах Маевицы считали, что чем дальше вол отбросит кусок калача от себя, тем богаче будет урожай. Македонцы из окрестностей Скопья, отламывая по очереди от рождественского пирога-«бадняка» по кусочку, обращались к нему, как к вола, понукая его словами: «Ојс, Карче, ојс, Сурче, ојс ди!» (Карче и Сурче — частые клички волов; ојс — «айда»).

Правый вол в упряжке ритуально отмечен. В Лесковацком Поморавье об лоб вола-«дешняка» разбивается сырое яйцо перед первой пахотой. Если желток растечется по морде вола — быть урожаю (в противном случае — недороду). Там же в Сочельник в хлеву зажигают свечу, сначала на правом роге вола-«дешняка», а потом на левом и затем трижды обходят хлев. В Боснии (р-н Високо) считали, что если на пахоте ляжет вол-«дешняк», то быть урожаю.

Волы-близнецы выполняли совместно с братьями-близнецами основную роль в опаживании сел для защиты их от повальных болезней (чумы и т. п.) и мора скота у сербов, болгар, македонцев, украинцев, белорусов, поляков, кашубов.

Черный вол или черные волы-близнецы наделены, по народным представлениям, особой магической силой. В Боснии, в Височской Нахии, считали, что семья (дом), обладающая черным волом без пятен, защищена от дурного глаза и порчи. В Метохии сербы верили, что с. Кориша никогда не знало чумы, потому, что было опажено двумя черными волами-близнецами. Эти волы были погребены потом около церкви. Напротив, в западной Белоруссии крестьянин не начинал пахать черным волом, так как от этого «добро згине на поли от дождей». Это объясняется мифологическими представлениями о связи туч — небесного скота — с земным скотом. В Герцеговине при сильном ветре говорили, что в небе бьются «здухи» и что среди них можно увидеть черного вола. В западной Белоруссии при эпидемии холеры искали для опаживания двух белых волов, преимущественно близнецов.

Первая пахота и посев сопровождалась ритуалом с участием волов. У болгар, сербов и македонцев после первой борозды катали круглый хлеб («питу») по пашне, затем разламывали его на лемехе и закапывали первый кусок в землю, второй крошили для птиц, а третий давали волу (волам); остальное съедал пахарь, так как хлеб нельзя было возвращать домой. В Поморавье в зоне Лесковца сербы перед пахотой посыпали волам хребет мукой от головы до хвоста; они также давали им подышать на семя перед севом, кадили волов и привязывали к правым рогам букетики цветов.

Обряд защиты рогатого скота от мора и падежа, когда его прогоняли через вырытый в земле тоннель и горящий по обеим сторонам «живой огонь», называется у сербов «волоvsка богомолья» — «волоvsье богомолье».

Вол олицетворяет силу и выносливость. По сербскому верованию, вол опоясан невидимыми поясами числом 9, 77, 99, иногда 40. В Тодорову субботу вол снимает 70 поясов, а 7 оставляет для благотворительной работы на бедных (Пчиня), или, имея 9 поясов, развязывает 8, а один оставляет для тех же целей (Лесковацкое Поморавье). В день же Сорока мучеников вол освобождается от 40 поясов, дающих ему силу, и потому его нельзя запрягать в эту пору. Нарушение такого запрета приведет к гибели вола в том же году (западная Болгария). В Боснии полагают, что вол освобождается от своего единственного пояса в Юрьев день, и тогда он отдыхает (около г. Високо).

Вол-облакопрогонник, обладающий, по народным верованиям, сверхъестественной силой, редко запрягается в ярмо. Такие волы во время грозы начинают рыкать, бить передними копытами и смотреть на тучи, затем они могут вылезти из ярма и исчезнуть в тучах, чтобы биться со змеями и злыми небесными силами. Возвращаются такие волы «все в поту и с кровавыми рогами» (Гружа). В западной Сербии считали, что особенно успешно с бурей и непогодой сражаются волы-близнецы (Ужице). В западной Боснии верили, что можно осенью услышать в облаках скрип возов и окрики погонщиков волов «как на земле», но это «на самом деле — вилы».

Воловьи праздники у славян разновременны и локально ограничены. Самый распространенный праздник волов у славян — день св. Власия, у южных славян — день св. Федора Тирона. Менее популярные покровители волов — св. Модест (18 XII — Фракия, Пиринская Македония), архангел Гавриил (19 VII — центральная Босния). В эти дни волов освобождают от работ, пекут сакральный хлеб («колач») и делятся им с волами. В северо-западной Сербии (Заечар) в Сочельник пекут специальный хлеб, называемый «волови». Его едят на Крещение, а часть отдают волам. Из первой муки нового урожая в Македонии (около Велеса) пекли лепешки и раздавали их соседям за здоровье волов («за волоvско здравје»). Во все четверги от Пасхи до Вознесения и во все субботы марта в восточной Сербии (около Болевца) не запрягали волов, «чтобы летом не было града».

Верования и обряды, связанные с волами, нередко заключают в себе мотив смерти. Погребение на саях (и летом) совершалось обязательно на волах. Вечернее рыканье вола предвещало смерть в доме (Сербия). Когда везли покойника на возу, следовало спустить воловий повод на землю, чтобы волам легче было (так как мертвец обладает большой тяжестью) (Шумадия). На Воздвижение рано утром сербы шли в хлев и смотрели, как там лежат волы: если с поджатыми ногами — к холодной зиме, если с вытянутыми — к теплой (Тимок).

В загадках вол символизирует гром: рус. «Крикнул вол на сто сел, на тысячу городов»; укр. «Стукотить, гуркотить, черным волом, бовкуном»; бел. «Чорны вол на раве на сто гор»; огонь: серб. «Где црвен во лежи, ту никад трава не ниче» («Где красный вол ляжет, там никогда трава не прорастет»); ночь и день: укр. «Чорний вiл всiх людей з'iв и сивий вiл всiх людей збудив»; солнце: болг. «Заклах вол на тоя рид, кръвта му цъкна на оня» («Зарезал вола на этом холме, кровь его брызнула на том»).

Вол в легендах — святое животное. В одной из них повествуется, что когда Богородица прятала младенца Христа от убийц, вол набрасывал сено на Христа, чтобы ему было тепло, а лошадь сено отбрасывала и ела. Поэтому мясо вола можно есть, а конина считается «поганою» (Полесье, Пинщина).

© 1994 г. ТОЛСТОЙ Н. И., академик РАН

ВОЛЧЬИ ДНИ, волчьи праздники — у южных славян праздники и периоды, посвященные защите людей и домашних животных от волков. Первый цикл волчьих дней у болгар (*вълчите празници, вълкови деня, вучляко, вълчешници, дзверини дни*), в меньшей степени у сербов (*вучји празник*, Алексинацкое Поморавье) охватывает промежуток времени со дня св. Мартина 11 XI (откуда и распространенное обозначение цикла болг., серб. *мартинци, мратинци*, макед. *мратињака*), изредка со дня св. Дмитрия Солунского (26 X) до дня св. Саввы (5 XII), почитавшегося сербами защитником от волков и их покровителем. В целом эти волчьи дни приходились на ноябрь — начало декабря (ср. серб. *волчи месац*, чеш. *vříepes* 'декабрь'). Наиболее существенными для волчьих дней датами являются день св. Михаила Архангела (8 XI), (отсюда болг. название волчьих дней *Рангелови празници*), Введение (21 XI) (болг. *Вълчата богородица*) и день св. Филиппа (24 XI). Продолжительность периода в каждой традиции составляет от трех до двенадцати дней. При этом самыми опасными считаются первый (иногда третий) и последний дни, названия которых совпадают с табуированным именованием волка (обычно предводителя волчьей стаи): «Кривой» (*Кривчо*), «Хромой» (*Куцулан*), «Разоритель» (*Разтурник*) и др. [1. С. 257].

Вторым важным циклом волчьих дней (преимущественно в сев. и зап. Болгарии) было начало февраля, болг. *Трифунци, Трифонци*. С защитой от волков связаны у славян также и некоторые другие даты. При этом общее количество волчьих дней в году в каждом регионе колеблется от одного цикла в 5—7 дней (например, осеннего в селах западной Болгарии) до целого ряда периодов и праздничных дней (Болевац).

Южнославянские волчьи дни восходят к общебалканскому культу волка (наилучшим образом сохранился у румын) [2]. По народным представлениям, это очень опасный период времени (опаснее, например, святок), в который требовалось строго соблюдать запреты, пост и исполнять защитные ритуалы (особенно пастухам и владельцам домашнего скота). Предполагалось, что в противном случае волки становились более агрессивными и плодовитыми [3. Т. 42. С. 131]. Магические действия и запреты получали конкретную мотивировку: «чтобы у волка пасть была закрыта», «чтобы глаза волка не видели людей и скот», «чтобы волки не точили зубы», «чтобы у них не шла пена из пасти» (т. е. чтобы у них не было бешенства) и т. п.

Запреты. В волчьи дни повсеместно запрещалось упоминать волка и название праздника. Поскольку наиболее вероятными жертвами волков могли оказаться овцы, в эти дни их не выпускали из загонов, не подзывали к себе голосом, не ели и не трогали мясных и молочных продуктов, не обрабатывали овечью шерсть (к ней не разрешалось даже прикасаться). Оберегали от волков и весь домашний скот — не впрягали и не чесали волов и лошадей и др.

В эти праздники опасались использовать предметы с зубцами (поэтому женщины не расчесывались гребнями) и открывать вещи, хотя бы отдаленно напоминающие звериную пасть, — ножницы, сундуки, окна и пр. Универсальным является табу на работу колющими и режущими инструментами (особенно это распространяется на беременных женщин, чтобы у них не родились дети с «подрезанными пальцами»). Множество запретов охватывает сферу женских

домашних занятий: не позволялось шить, ткать, прясть, сновать, вязать, мотать нитки. Женщины не занимались также стиркой, готовкой, уборкой и пр. Не работали портные и обувщики, а также ремесленники, занятые изготовлением материалов для одежды и обуви и их деталей (скорняки, дубильщики, валяльщики, кузнецы) [4. С. 116—117].

Особенно строгие запреты были связаны с кройкой, шитьем и ремонтом мужской одежды и обуви. В Болгарии считалось, что такая одежда «приманивает» волков и если им встретится человек, у которого хотя бы один стежок сделан в волчьи дни, они нападут на него. В таком случае спастись можно, лишь бросив волкам изготовленные в опасные дни вещи — рубашку, носки и т. д. Кроме того, полагали, что если покойника похоронят в одежде, изготовленной в волчьи дни, он превратится в вампира [5. С. 132—133].

Мужчинам запрещалось пахать, колоть свиней, молоть, сверлить, плести корзины, чистить стойло, выносить мусор и т. п. В этот период мужчины не разувались и не раздевались на ночь (даже не снимали шапку), не должны были они и прикасаться к своим ногам [6. С. 451—452].

Ряд запретов был направлен на ограничение плодovitости волков и мотивировался тем, что середина ноября — начало декабря — это время течки у волчиц. Каждая самка, по поверью, спаривалась с двенадцатью самцами, а потомство появлялось на Сретение, т. е. на *Трифунци*. С наибольшей строгостью запреты должны были соблюдать супруги, живущие половой жизнью. Болгары в окрестностях Травны в это время не выбрасывали на улицу пепел из очага, т. к. верили, что пока волчица не лизнет «домашнего» пепла, она не сможет зачать [3. Т. 22—23. С. 12]. В Пиринском крае было распространено поверье, что у волчицы не могло быть потомства, если ей не удавалось разорвать одежду, сшитую в волчьи дни [6. С. 467].

Защитные действия в основном приурочены к кануну волчьих праздников или к самому опасному из этих дней. Начало волчьих дней у болгар знаменуется выпечкой обрядового хлеба *кошара* (букв. «загон для овец»), который крошат в кормушку овцам, раздают пастухам и соседям.

Ряд магических действий был призван «навредить» волкам: так, например, в дровяную колоду или в пень забивали топор, гвоздь или сверло и оставляли на все дни («забивали пасть волку»), в огонь бросали гвоздь («сжигали язык волка»), в закваску клали иглу («чтобы волк наколол себе язык») и т. п.

Многие ритуалы соотносятся с запретами и имеют сходные мотивировки. Накануне праздников старались закрыть, замкнуть, перевернуть, связать, спрятать острые и открывающиеся предметы и др. Так, например, гребни вставляли зубцы в зубцы, затем заворачивали их в платки, ножницы перевязывали красной нитью и убирали на чердак и т. п. Желая предупредить нападение волков, обвязывали загон для овец веревкой или обходили его с открытым замком, который затем закрывали на ключ и убирали, запирали на замки все хозяйственные постройки и т. д. На очажные цепи подвешивали камни по количеству животных в хозяйстве или ключ (в частности, сербы проделывали это в праздник *Верижняк*, т. е. в день св. Саввы, Петра и Хриспона, 14 I). Распространенными защитными действиями были также замазывание пола или трубы глиной или навозом, зашивание вслепую на себе или на муже рубахи и др.

Магические действия сопровождалась формулами-пояснениями: «Замазываю диким зверям глаза и уши», «Завязываю пасть и когти» и т. п., имевшие нередко форму ритуального диалога, чаще всего между хозяйкой и ее детьми [7. С. 37—45].

В западной Болгарии, где осенние волчьи дни по датам и по терминологии (*мратински ноци*) совпадали с периодом предохранительных действий от болезни и смерти домашней птицы (*мратиняк*), определенные ритуалы по «завязыванию» волчьей пасти совершались с цыпленком или пестуком. Отрезанную голову жертвенной птицы с завязанным или зашитым клювом подвешивали на двери или у очага на 9 волчьих дней или зашивали ее в подол рубахи [8. С. 223—224].

Для защиты от волков соблюдались меры предосторожности и в другие дни. Так, с культом волка в Болгарии, в Славонии, Боснии, Грузе, Пожеге связаны Рождество и святки (ср. также словенск. *voľje noči* 'святки'). В Боснии на Рождество выносили по куску от каждого блюда на перекресток со словами: «Вот, волк, ужин от меня, и больше ты ничего не получишь» [9. С. 377]. Болгары также праздновали от волков дни св. Афанасия (18 I) и св. Еремии (1 V). Пастухи Боснии постились на пророка Даниила (17 XII), св. Игната (20 XII) и св. Андрея (31 XI), в Височской Нахии соблюдали меры предосторожности на св. Антония (17 I). Македонцы в Радовише на св. Луку (31 X) не работали «от волков», а черногорцы обвязывали загоны для скота веревками. В Ужице и Боснии отмечались три недели от Успения до Рождества Богородицы, *Међудневица* или *Несновица* (т. к. запрещено было сновать), дни св. Косьмы и Дамиана (1 XI), все дни от св. Андрея до Рождества; от Рождества до Нового года (Фрушка гора); в Болеваце — та неделя, на которую выпадал день св. Георгия.

В южнославянском фольклоре до наших дней сохранилось множество быличек о нападении волков на человека, не соблюдавшего волчьих праздников или имеющего на себе скроенную (заштопанную и т. п.) в эти дни одежду [3. Т. 40. С. 228; Т. 50. С. 210].

Волчьи праздники у восточных и западных славян. За пределами Балкан славяне не знают праздника, целиком посвященного почитанию волка, за исключением гуцулов, которые справляют день св. Луппа (23 VIII) под влиянием соседей-румын (рум. *lup* 'волк'), а также св. Спиридона (14 XII). Однако многие запреты и защитные действия, связанные с культом волка, распространены и у восточных и западных славян. Так, у поляков патроном волков считался Миколай (6 XII), в этот день постились, закалывали жертвенных животных. Кроме того, поляки и белорусы, подобно боснийцам, приглашали волка «на горох» в рождественский сочельник, а в Моравии замыкали ножи стола цепью [10. С. 218]. Предохранительные ритуалы у восточных славян выполняются также и в другие календарные праздники — Введение, Крещение — в Полесье [11. С. 186—194], Благовещение — в Карпатах [12. С. 256—277] или в дни, связанные с животноводческим циклом (при первом выгоне скота и др.) [13. С. 155, 164—166, 183].

© 1994 г. КАБАКОВА Г. И., канд. филол. наук,
СЕДАКОВА И. А., канд. филол. наук

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Софийски край. [Этнографски и езикови проучвания]. София, 1993.
2. Свешникова Т. Н. Об одном фрагменте народного календаря: «Волчьи дни у румын»//Исследования по структуре текста. М., 1987.
3. Сборник за народни умотворения и книжнина. София. 1889—.
4. Маринов Д. Избрани произведения. София, 1984. Т. 2.
5. Этнография на България. София, 1985. Т. 3.
6. Пирински край. [Этнографски, фолклорни и езикови проучвания]. София, 1980.
7. Толстой Н. И. Фрагмент славянского язычества: архаический ритуал-диалог//Славянский и балканский фольклор. М., 1984.
8. Ангелова Р. Село Радуил, Самоковско. Народопис и говор//Известия на семинара по славянска филология. София, 1948. Т. 8—9.
9. Српски етнографски зборник. Београд, 1925. Т. 32.
10. Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Летне-осенние праздники. М., 1978.
11. Толстая С. М. Полесский народный календарь. Материалы к этнодиалектному словарю (А-Г)//Славянское и балканское языкознание. М., 1984.
12. Дзедзелевский И. А. Запреты в практике карпатских овцеводов//Славянский и балканский фольклор. М., 1984.
13. Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. М., 1979.

ПТИЦЕВОДСТВО [1] — комплекс окказиональных или приуроченных к календарным датам (в основном рождественско-новогоднего и пасхального циклов) обрядовых и магических действий, способствующих размножению домашней птицы, получению большего количества яиц, а также обеспечивающих сохранность яиц, предохранение птицы от хищников и болезней. Большое место в птицеводческом комплексе занимают символы со значением множественности (зерно, звезды, искры, муравьи, песок, волосы, сито, решето). Вода имеет отрицательное значение и фигурирует преимущественно в запретах. Специфическая символика птицеводства — круг, печь (очаг), печная утварь, камень, древесина (щепки, палки, колья, поленья, ветки), имитация свойств и повадок домашней птицы.

В календаре птицеводческие обряды приурочены в основном к предрождественскому периоду и рождественским праздникам. По общеславянскому поверью, звездное небо в ночь под Рождество предвещало много яиц в наступающем году. В Польше было принято считать звезды в эту ночь: сколько насчитаешь, столько яиц будет от курицы. Южные славяне верят, что удача в разведении птицы в течение года зависит от полазника, приходящего на Мратинци (у южных славян — дни перед Рождественским постом, посвященные домашней птице), Люцию, Варвару, Игната, Рождество.

Одна из главных хозяйственных надобностей — получение яиц, поэтому для того чтобы куры начали нестись после зимнего перерыва, чтобы не теряли яиц, неслись в свои гнезда и как можно чаще, в календарные обряды включалась птицеводческая магия. В полночь или рано утром в предрождественские праздники, Рождество, Новый год, на Пасху, для того чтобы куры начали нестись, раньше заковхтали, их сгоняли с насеста: болгары — кочергой или аршином, чехи — кочергой, украинцы — кочергой или помелом, русские — клюкой.

Для того чтобы куры в течение года неслись дома, белорусы на Рождество, Новый год и Пасху не выносили из дома мусор, словаки на святой вечер во время колокольного звона заметали сор перед домом к стене, сербы на Рождество мазали порог дома кровью курицы, заколотой полазником.

С той же целью у южных и западных славян в эти праздники, а также в страстную пятницу, совершались магические действия со щепками, дровами, ветками, палками. Щепки, украденные со двора соседа, отколотые от соседских ворот или забора, взятые на своем дворе, а также первую щепку, отлетевшую при рубке бадняка, кладут в курятник или куриное гнездо, крошат в корм курам, бросают на горящий бадняк. В Болгарии в Игнатов день, на Варвару первый вставший домочадец, хозяйка или полазник вносят собранные во дворе щепки в дом или курятник и вкоччут над ними, затем щепки кладут в гнездо, куда куры несут яйца. В Кюстендилском крае следят, чтобы в канун Рождества никто не выносил щепки со двора, так как верят, что куры в течение года будут нестись там, куда отнесут эти щепки. Сербы в Тимоке, для того чтобы куры неслись дома, на второй день Рождества обходят три раза вокруг дома с головешкой от бадняка и, замкнув третий круг, забивают ее в землю. В Словении полазник в день Люции или Варвары, колядники, ходившие на Люцию «ро kóðakanju» (т. е. с ритуальным кудахтаньем), вносили в дом дрова, взятые у соседей, и бросали их под стол или под печь; взамен они брали дрова во дворе и несли их в другой дом. Считалось, что это способствует плодовитости домашней птицы и скота. В Болгарии утром накануне Рождества каждый член семьи вносил в дом «пйле» (буквально: 'цыпленок') — т. е. дубовую ветку с сухими листьями, взятую в сарае с дровами; впоследствии эти ветки затыкали в курятнике, чтобы куры хорошо плодились. В Добрудже для этого забрасывали на курятник «сурвакниците» (палки, с которыми дети ходили колядовать на Новый год). Украинцы Харьковской губ. во время пасхальной заутрени крали в церкви палку-посох и забрасывали ее на голубятню: голуби будут вестись хорошо.

Для того, чтобы домашняя птица лучше неслась и не терялись яйца, в определенные дни совершалось обрядовое кормление птицы. Чаще всего обряд

был приурочен к дням, посвященным святым Андрею, Люции, Варваре, Игнату («Кокосини Божич», «Кокоси бадняк»), Спиридону, а также к рождественскому сочельнику. Болгары в Банате кормили кур в кругу, начертанном на земле, в течение двенадцати дней перед Рождеством, в Словакии их кормили в обруче со дня св. Люции до Рождества (12 дней). Обрядовое кормление кур часто совершалось перед восходом солнца на Рождество, Новый год, Крещение, ежедневно в течение всех рождественских праздников, в заговенье на Великий пост, у западных и восточных славян — на Пасху, у русских и македонцев — в страстную неделю (четверг, пятницу), у болгар — на Благовещенье, в некоторых местах России — во все двенадцатые праздники. В эти дни домашнюю птицу кормили зерном: с добавками, символически выражающими идею плодородия и здоровья (фрукты, орехи, скорлупа орехов, заячий помет, муравьи, почки вербы, свиное сало, перец); освященным в церкви или лежавшим на столе во время предрождественского ужина или пасхального молебна, под обрядовым хлебом или вокруг него, у очага; которым «посевали» дом или костел на Новый год или которое пролежало ночь в рукавице под рождественской соломой. В некоторых местах кормили горохом, верхним слоем и остатками кутьи, вареной кашей («варицей») или смесью зерен всех культур, остатками обрядовых блюд, рождественским хлебом, специально испеченным для этого хлеба. Насыпает корм хозяин, хозяйка или ползаник из решета или правого рукава в круг, который делается из веревки (у сербов — это веревка, с помощью которой вносили в дом рождественскую солому), из пояса хозяйки или хозяина, из красного пояса, из конской сбруи. Восточные, западные славяне и словенцы чаще сыпали корм в обруч от бочки, белорусы Витебской губ. — на скатерть, постеленную на полу. Как правило, кормили во дворе перед домом, так как одна из мотиваций обряда — «чтобы не отходили далеко от дома», но ритуал мог совершаться и в том месте, где держат кур (в доме, курятнике). На Косовом поле обряд представлял собой сложный комплекс символических действий с использованием многих предметов. В день перед Рождеством («Бадњи дан») хозяйка обходит три раза вокруг дома, таща за собой веревку. За нею идет другая женщина, которая лопатой по следу веревки копает в земле ямки. Третья женщина спрашивает ее: «Што ријеш?» («Что копаешь?») — «Ријем јајца» («Копая яйца»), — отвечает та. Утром на Рождество из веревки, которую тащила хозяйка, делают перед домом круг, в него высыпают для кур пшеницу из рукавицы, в которой пшеница простояла при бадняке предрождественскую ночь. В Словакии выражена связь обряда с культом предков. В сочельник Рождества здесь по полу разбрасывают горох, «чтобы душечки поели». После ужина вносят кур, которые клюют горох. Оставшиеся горошины на третий день сметают и отдают им, чтобы лучше неслись. У южных славян существовал обычай в день накануне Рождества кормить кур девять раз.

Желая получить от кур больше яиц, в различные календарные праздники и окказионально совершали магические действия разного характера: повсеместно отдавали съесть курам скорлупу яиц, освященных на Пасху (восточные и западные славяне) или съеденных накануне Великого поста (южные славяне); русские в Вербное воскресенье били кур освященной вербой, в Чистый четверг выносили в курятник золу, выдергивали из хвостов три пера, обрезали хвосты; в Курской губ. выгоняли кур под град; в Белоруссии на сзятый вечер выливали на стол ложку кутьи, дергали мальчиков за чуб; в бассейне р. Нарев на зиму снимали косу с косовища, чтобы дыра для ручки на косе была свободной; сербы в первый день Великого поста клали в куриное гнездо белую шерсть и яичную скорлупу; в Словакии хозяйка в канун Рождества била каждую гусыню по спине мешалкой, которой доставала «орекансе» (обрядовые блины), столько раз, сколько хотела от нее иметь яиц; на Люцию, нарушая календарный запрет, обдирали перья. Существовали запреты выполнять работы и совершать поступки, которые, по народным представлениям, отрицательно сказывались на плодovitости домашней птицы, в определенные дни или окказионально: шить на Варвару, Игната или

Люцию (западные и южные славяне); выгонять кур на юрьевскую росу (белорусы); давать что-нибудь из дому на Люцию (словаки); выносить ночью из дома воду, давать пить воду на пути от источника (южные славяне).

Индивидуальную плодovitость курицы-молодки обеспечивала магия с первым яйцом, снесенным ею. Восточные и южные славяне катают такое яйцо по голове, лбу ребенка, приговаривая: «Сколько волос на голове, столько яиц в гнезде». В Белоруссии и на Украине первое яйцо обсыпают зерном из рукава, в Польше — пеллом; в западной Белоруссии катают его по припечку, в решете со словами: «Kjолko tut dziraczok, kab ty znjesla tjolko jejeczok» («Сколько здесь дырочек, чтобы ты снесла столько же яичек»).

Для того, чтобы домашняя птица хорошо плодилась (реже — хорошо неслась), в рождественские и предпасхальные дни, на Юрия в обряды включалась магия с предметами, имеющими символическое значение множественности: бросали песок, принесенный с реки, в курятник; стряхивали руки после мытья над блюдом с песком, приговаривая: «Кол'ко песак, тол'ко писак» («Сколько песчинок, столько цыплят», т. е. «пищащих»); бросали на муравейник или закапывали в нем кости, перья, внутренности курицы, приготовленной к рождественскому столу, со словами «Колико овде мрави, толико мени кокоши!» («Столько тут муравьев, столько мне куриц!»); забрасывали муравьев в дом; специально на Рождество кололи орехи; бросали в курятник скорлупу орехов, гусям — гнездо шершней. Для этого же сербы на Рождество жарили на вертеле петуха, украинцы в последний день года резали к обеду черную курицу. У болгар плодovitости домашней птицы должны были способствовать обязательные половые отношения между хозяином и хозяйкой на Игната; в Словакии в сочельник Рождества мальчик приносил в дом гусыню, намазывал ей голову медом и присаживался на нее, имитируя «топтанье» гусака. Чтобы птица плодилась и не расходилась в разные стороны, совершали действия с обувью: на Украине разували первого «посевальника», пришедшего на Новый год; в Сербии на «бадни дан» после ужина все разувались одновременно; в некоторых местах обувь сбрасывали с ног через очаг; о тех, кому это удалось, говорили: «извел пилићи» («вылупил цыплят»). Для того чтобы гусыни несли яйца с зародышами, в Словакии на святой вечер им давали съесть фитиль свечи. Фракийские болгары, увидев весной стаю журавлей, кричали: «Ајде, колку турли, толку пилета и кукошки!» («А ну, сколько журавлей, столько цыплят и куриц!»).

Группа магических действий, производимых для того, чтобы куры лучше неслись и размножались, обусловлена особенностями поведения кур: трясением хвостом, сидением насадки, своеобразными звуками, которые издает квочка, квохтаньем. Чтобы куры неслись, в Белоруссии утром на Рождество трясли в сарае телегу; в Словении в полночь перед Рождеством трясли курятник, приговаривая: «Pri sosedovih naj bo sam kokodajs, pri nas pa sam jaje!» («У соседа пусть только кокодакают, а у нас несутся!»); в Сербии ночью перед днем св. Георгия хозяйки трясли колья соседского забора и при этом три раза говорили: «Тамо квак, овамо циц» («Там пусть кудахчут, тут — несутся»). Если куры неслись плохо, белорусы в полночь трясли ворота соседа и стучались в них со словами: «Як у нашого суседа Иваньки вароты трясутца, так няхай наши куры нясутца». На украинских Карпатах это свойство кур обыгрывается в ритуальном диалоге накануне Рождества. После ужина кто-то из детей выходил на улицу под окно и спрашивал: «Ци нэсут курэ?» — Ему из дома отвечали: «Нэсут, нэсут, јэк з рукава трэсут».

В обряды, приуроченные к дням Люции, Игната, к Рождеству, включалась символическая имитация квохтанья квочки и писка цыплят. У южных славян перед Рождеством хозяин, взяв солому, не развязывал веревку, а рассыпал солому горстями. Каждую горсть он бросал на пол, произнося: «Кво, кво, кво!» — Дети отвечали ему: «Пи, пи, пи». Имитация голоса птиц должна была способствовать вылупливанию цыплят. В других местах хозяин произносил «Квак, квак», когда вносил бадняк и рассыпал из рукавицы зерна около очага, а дети

отвечали ему, как цыплята. В Белоруссии в кануны Рождества и Крещения хозяйка, неся горшок с кутьей в святой угол («на покуть»), должна была «кохтать»; дети в это время бежали под стол и кричали там петухом и курицей. На Карпатах после предрождественского ужина дети садились под столом на солому и кричали: «Квок-квок-квок, сто курок, один когуток». Кроме домочадцев, квохтание квочки и писк цыплят имитировали колядники, полазник, ряженные. У русских этот способ встречается в окказиональной магии. В страстной четверг русские хозяйки, если у них не квохчут куры, идут в курятник и, столкнув курицу, квохчут сами.

Для того чтобы квочка сидела на яйцах, в день св. Игната, в сочельник, на Рождество, Новый год, Мратинци обязательно должны посидеть в доме: полазник, дети-посевальщики, вся семья должна сидеть во время обрядового ужина, не должна вставать из-за стола хозяйка. В Словакии в праздник Трех королей принуждали посидеть священника, пришедшего в дом с колядниками. После их ухода хозяйка садилась на место, где сидел священник, чтобы у нее были хорошие наседки. Русские упрасивали гостей посидеть еще немного после праздничного обеда в храмовой праздник, «чтобы наседочки садились». Повсеместно сразу после того, как наседку посадили на яйца, хозяйке и всем присутствующим предписывалось сесть на землю или на пол.

Момент, когда сажают квочку, и период высиживания цыплят характеризуется различными поверьями и приметами. Гнездо для квочки делается, как правило, из старого решета, в которое кладут солому, лежавшую в рождественские праздники на полу, под столом или под скатертью; солому, на которой сидел полазник, или от снопа («дидух»), стоявшего на Рождество в углу. Эта солома способствует удачному высиживанию цыплят. В некоторых местах Польши в гнездо кладут солому, которую подбрасывают вверх, когда весной первый раз видят возвращающуюся стаю журавлей (гусей). При этом кричат: «Журавли, журавли! Нате вам солому на ваши гнезда». Верят, что на этой соломе может вылупиться столько цыплят, сколько журавлей было в стае. В Словакии в гнездо кладут солому и клочки одежды соломенной куклы («Мармурена»), олицетворяющей смерть, которую молодежь во время Великого поста носила по селу, а в «Smrtnu nedel'u» (воскресенье на пятой неделе Великого поста) разрывала и бросала в реку.

Время, когда сажают наседку, и условия, при которых это рекомендуется делать, в народной культуре определяются системой запретов, обусловленных представлениями о смерти и значением некоторых календарных дат и хронологических периодов. Не подкладывают яйца под квочку в то время, когда в селе есть захороненный покойник. В Полесье считают, что в год смерти хозяина или хозяйки нельзя сажать наседку: и покойнику будет тяжело на том свете, и цыплята будут вылупляться с трудом. В некоторых местах России в целях предотвращения вредного для хозяйства воздействия смерти обязательно сажают квочку в доме, где умерли хозяин или хозяйка. В Ярославской губ. не позволяли сажать наседку в год свадьбы, в противном случае молодая будет болеть целый год. Опасным обстоятельством является наличие беременной женщины и жеребой лошади: замрут зародыши в яйцах или в утробе. Маркированные даты календаря — Благовещение и Пасха. Во многих местах не допускается, чтобы в эти дни наседка сидела на яйцах, запрещается ее сажать, как и во все годовые праздники. Нельзя подкладывать яйца в день недели, на который приходится Благовещение в текущем году, на Русальной неделе, у болгар — на третьей неделе Великого поста («Кривата неделя»), так как вылупится цыпленок-калека. Спорадически у всех славян время, когда сажают курицу на яйца определяется лунным календарем из-за опасности, которую представляют дни безлунья. Если опасаются за зародыши в яйцах, то сажают наседку на молодом месяце, чтобы цыплята вылупились до окончания лунного цикла, если опасаются за неокрепших цыплят — на старом. Не вылупятся цыплята из яиц, подложенных в дни мены месяца. В некоторых местностях Болгарии квочку не сажают до

дня св. Георгия, так как до этого дня на небе уже сидит «Квачка» (созвездие Плеяды?»). Распространен запрет подкладывать яйца так, чтобы цыплята вылупились во время цветения ягодных и зерновых культур, осины: такие цыплята недолговечны.

Наиболее благоприятны для подкладывания яиц дни недели, названия которых имеют форму женского рода: среда, суббота, воскресенье («неделя»). Из яиц, подложенных в эти дни, вылупится кур больше, чем петухов. Повсеместно пятница, а часто все постные дни (понедельник, среда, пятница), считаются неблагоприятными, так как испортятся яйца или вылупятся одни петухи. Обычно сажают насадку вечером, но иногда часть суток определяется магией подобия. Рекомендуются сажать курицу на яйца: вечером, когда стадо возвращается с пастбища (цыплята вылупятся вместе); так как вечером куры сходятся к дому, а утром расходятся искать корм (цыплята не будут разбегаться); утром, когда просыпаются дети (вместе и из всех яиц «проснутся» цыплята); когда выгоняют коров в стадо (цыплята вылупятся все вместе); днем, когда дети гурьбой идут из школы (то же); в праздник после церковной службы, когда люди идут из церкви (то же).

Большое значение для удачного высидывания цыплят имеют выбор и количество яиц. У всех славян считается, что лучше всего сажать курицу на яйца от чужих кур: вымененные у соседей, у нищего; украденные, выпрошенные. В Болгарии при выпрашивании рекомендуется лгать, это благоприятствует выводу цыплят. Запрещается переносить яйца, предназначенные для подкладывания, через текущую воду (реку, ручей, канаву с водой), чтобы в них не замерли зародыши. Украинцы верят, что не годятся яйца, снесенные на Благовещение, Пасху, во время Великого поста; болгары не берут яйца, снесенные в мае. В гнездо кладут обычно нечетное количество яиц, так как парный счет почти везде признается несчастливым. На Гуцульщине не принято считать яйца, этим можно повредить зародышам. В Сербии яйца перед подкладыванием подносят к очагу, где горящим углем на каждом делают крестик, говоря: «Жив жар, живо пиле; две буле, један Турчин» («Жив (т. е. горит) уголек, жив цыпленок; две невесты, один Турчин»). Это означает, что из каждых трех яиц желают получить две курицы и одного петуха.

В момент подкладывания яиц магическое значение приобретают лицо, совершающее это, предмет, из которого перекладывают яйца в гнездо, сопутствующие действия, условия, при которых его совершают. Как правило, яйца подкладывает хозяйка в отсутствие домочадцев мужского пола, иначе вылупится много петухов. Нельзя, чтобы это была беременная женщина или женщина, прикасавшаяся в текущем году к покойнику, так как в яйцах замрут зародыши. Болгары считают, что сажать квочку, чтобы она сидела хорошо, должен самый медлительный и неповоротливый член семьи. Повсеместно яйца к гнезду носят в мужской шапке, чтобы цыплята вылупились все вместе, как вместе высыплются из шапки яйца. В некоторых местах встречается иная мотивация: у русских и белорусов — чтобы цыплята были с мохнатыми ногами и хохлами, как мохната шапка; у поляков — чтобы в процессе насаживания таким образом участвовал мужчина; у сербов — чтобы цыплята не разбежались: как шапка всегда на голове, так и цыплята всегда будут при квочке. Могут высыпать яйца в гнездо из передника, подола (чтобы были курочки), из решета (чтобы цыплят было много), пестрого платка (чтобы куры были пестрые, так как они лучше ведутся). Для того чтобы выросшие из цыплят куры были плодовиты («чубатые», «хохлатые»), в момент, когда сажают квочку, трясут кого-нибудь за чуб, держат квочку за перья на голове, делают себе на голове хохол, забрасывают волосы на лицо, показывают квочке фигу, затыкают себе в волосы цветок. Во Владимирской губ. хозяйка, положив яйца в гнездо, поднимала спереди платье и, обнажив свой «хохол», приговаривала: «Сыплю я яички, чтобы вышли цыпленочки все с хохлами». У восточных славян каждому яйцу, положенному в гнездо, говорят: «Курица», и только последнему: «Петух». Так же, как происходят роды, курицу

сажают на яйца тайно, скрытно от посторонних. Для отвода возможного вредного воздействия на нее следует кого-нибудь обмануть, лучше всего священника.

Поведение и действия людей при сидящей на яйцах курице регламентированы системой запретов, обусловленных мифологическим значением некоторых календарных дат, стихий и предметов, а также магией подобия. Украинцы запрещают при наседке говорить о покойниках. Во многих местах при выносе покойника из дома, яйца в гнезде нужно передвинуть, чтобы не замерли зародыши. Чехи в доме, где сидит наседка, не метут пол в страстную пятницу, в зеленый четверг; белорусы не вносят цветы. Запрещается в это время оставлять воду в доме открытой, выливать воду после захода солнца на улицу, вносить рыбу или раков, передавать в другой дом огонь, чистить сажу в трубе, вносить деготь, печь яйца, картошку; сжигать яичную скорлупу. Нельзя давать займы или продавать яйца, перемещать наседку с гнездом, так как цыплята будут разбегаться; смотреть на яйца: квочка может их покинуть. Около гнезда с наседкой запрещают играть на музыкальных инструментах, свистеть; детям весь период высидивания запрещают делать свистульки и пишалки (будут болтуны или вылупятся петухи).

По народным представлениям, наседка в хозяйстве должна быть своею, ее нельзя брать на время у соседей; если же берут, то взамен отдавать курицу. В Польше считают, что квочку нельзя продавать, так как это повлечет смерть всей птицы в хозяйстве; верят, что утка, которую высидела курица, не сможет высидеть утят. В Вятской губ. наседку, выведшую цыплят три раза («троецыплатница», «куретёна»), в Дмитриевскую субботу или другой осенний праздник принято было колоть («молить») и устраивать обрядовый стол для вдов и старух. Кости, перья, несъедобные части собирали в горшок или котомку и бросали в воду, закапывали на берегу реки, на поскотине. Верили, что если «замолить» осенью такую наседку (любую наседку), то в будущем году в хозяйстве хорошо расплодятся цыплята.

Благополучное выращивание цыплят обеспечивают действия апотропейного характера, в которых используются обереги наряду с продуцирующими символами. Болгары Баната собирают вылупившихся цыплят в сито, в которое кладут нож, и окуривают соломой из их гнезда. На новый месяц хозяйка, сидя на пороге, бьет каждого цыпленка по голове двумя прутиками, отломленными от веника, со словами: «Срежята у къши, булестá на вьн»; один прут она бросает на двор, а другой вместе с цыпленком — в дом. Для того чтобы цыплята, гусята, утята не разбегались, южные славяне подносят их к очагу: в Гевгелийской казе — собрав в шапку, в Левче и Темнице — положив в сито, которое три раза обводит вокруг очажной цепи. В окрестности Пинчова прикрепляют скорлупу яиц, из которых вылупились цыплята, во дворе на высоком колу. Во Фракии цыплят пропускают между ножек трехногого стула («пирустии»). Запрещается пересчитывать цыплят.

Предохранение от хищников домашней птицы и птичьего молодняка обеспечивал комплекс окказиональных и календарно приуроченных магических действий отгонного, отпугивающего, «скрывающего» характера и заговорные формулы. Как только вылупятся цыплята или гусята, поляки и белорусы окуривают их порохом; в Черниговском у. хозяйка, собрав их в подол, шесть-семь раз переносит через порог; белорусы Волковысского пов. говорили: «Nieschaj szulaki na suchije lesy ljesiec, warony chwatać, a nie maje kury!» («Пусть ястребы летят на сухой лес хватать ворон, а не моих кур»). Выпуская цыплят первый раз во двор, поляки пропускают каждого через круг, сделанный из фартука хозяйки, или накрывают фартуком. В Подольской губ. хозяйка выпускала цыплят, завязав себе глаза, при этом говорила: «Як я не бачу, де выпускаю курчат, так щоб не бачив их шуляк». На Карпатах в курятнике вешают убитую ворону. Поляки считали, что если подкладывать яйца под наседку после захода солнца, то хищные птицы не будут хватать цыплят; в бассейне р. Нарев клали для этого в гнездо наседки воронье крыло.

Действия апотропейного характера совершались в рождественские праздники, Благовещение, страстной четверг, первый день Великого и Петровского постов.

На святой вечер в Словении обходили вокруг дома с косой, которую точили на трех углах дома; поляки клали на угол дома для лисиц краюху хлеба; у сербов Левча и Темнича после ужина хозяйка связывала соломой вилки и ложки со словами: «Везујем уста копцима, вранама, свракама и другим грабљивицама, да ми не једу моје пилиће» («Завязываю клювы ястребам, воронам, сорокам и другим хищникам, чтобы не хватали моих цыплят»). На Рождество в южной Шумадии из-под полазника выдергивали стул, чтобы он упал: погибнут все хищные птицы; сербы Власеницы вплетали в прутья курятника вертел, на котором жарилась рождественская курица, при этом между хозяином и хозяйкой происходил диалог: «Шта то плетеш?» («Что это ты плетешь?» — «Плетем јастребу ногу!» («Плету јастребу ноги!») — «Шта то плетеш?» — «Плетем јастребу крила!» («Плету јастребу крылья») — «Шта плетеш?» — «Плетем јастребу кљун!» («Плету јастребу клюв!»). На третий день Рождества сербы, проживающие по р. Ибар, собирали все крошки и остатки от рождественских трапез в тряпку, которую клали на дерево, говоря: «Птице, вама трошице божићне, а мени кокошке и пилићи» («Птицы, вам — рождественские крошки, а мне — куры и цыплята»). В первый день Великого поста («вранин понеделник») болгары г. Орхание ради безопасности цыплят ничего не делают, кроме стирки и уборки. Сербы в этот день завязывали узлом тряпку, которой мыли котлы, со словами: «Везујем очи орлу, врани, сварки, и свакој дивљини, те да ми не виде моје пиле» («Завязываю глаза орлу, вороне, сороке и всем хищникам, чтобы они не видели моих цыплят»); болгары Добруджи вывешивали эту тряпку на кол. В первый день Петровского поста на Украине женщины собирались в корчме, где шумно пировали («шуляка ганяють»), чтобы ястреб не хватал цыплят. В Белоруссии с этой целью на Благовещенье надевали на колья изгороди или клали на крышу хлева старое колесо; в Вятской губ. в страстной четверг до восхода солнца нагая хозяйка бежала на огород, где надевала на кол старый горшок, который оставался там все лето. При появлении ястреба на Украине принято было отгонять его криком: «Гай, гай, не до нас, до людей, де багато курей!»; «Гай, гай, на чужій край, там по четверо хватай, а у мене не займай!» «Шуги, на попови кури, а на наши не лети, тебе очи заслепи!». У восточных славян существовали запреты на действия с огнем и у печи, которые, по мнению народа, провоцировали нападение ястреба. Запрещалось вкладывать в огонь нож или ложку; мести припечек веником, которым подметают пол; трогать огонь ручкой кочерги; загоревшееся в печи помело топтать ногами (нужно залить водой); в понеделник, среду и пятницу выбирать из печи золу.

Для благополучия кур, их спокойствия (редко — чтобы лучше неслись) у южных и восточных славян существовала практика класть, затыкать в курятник предметы-апотропеи. Болгары (Граово) затыкают в курятнике ветку, которую вносил полазник на Игнатов день, после того как он бил ею по огню в очаге; дубовые ветки, которые все члены семьи вносят в дом на Рождество. Словенцы в Прекмурье ровно в полночь на Рождество бросали в курятник камень, а на Рождество закапывали в курятнике веник, которым на святой вечер подметали в доме; вор, пришедший в курятник, не сможет сдвинуться с места. Специфическая традиция сложилась в средней и южной России, где привешивали к насесту или надевали на высокий кол на птичьем дворе целый ряд предметов, называвшихся «куриный бог», «курячий поп»: дырявый глиняный горшок, глиняный рукомошник с отбитым днищем, битый кувшин, горлышко от кувшина, черепки с дырками, круглый плоский камень с дыркой, кремнистый камень, старый истоптанный лапоть, лубяное лукошко или плетеную корзину без дна, куст можжевельника, словую ветку, на которую сел рой пчел. В некоторых местах Владимирской губ. и Дмитровского края в курятник ставили деревянную антропоморфную фигурку «куриного бога»; в Дмитровском крае он назывался «Боглаз», у него были ноги и крылья, подобные куриным.

У южных славян существует комплекс магических средств и превентивных

обрядов, способствующих борьбе с болезнями кур. Повсеместно в Болгарии при появлении инфекционной болезни среди кур вешают на дереве здоровую курицу, представляя, что вместе с нею повесили болезнь. В Сербии первую погибшую курицу вешают на насесте, на дереве около курятника; сжигают на том месте, где нашли; закапывают под насестом, обернув клювом в землю, со словами: «К'д се дигне овај кокошка, т'г да се јави болес» («Когда поднимется эта курица, тогда пусть и появится болезнь»). В Лесковацком Поморавье закалывают черную курицу и зерном из ее желудка кормят остальных кур. В Тимоке в субботу привязывают к веревке чечевицу, завернув ее в тряпку, и перебрасывают через заброшенный дом; вытянув оттуда, дают съесть курам. Больных кур бросают в воду, в которой кузнец закаливает железо, чтобы они хлебнули воды с окалиной; окуривают серой; бросают им в питье кору ясеня; поят раствором извести, медного купороса. В Сербии в канун Рождества закалывают черного цыпленка, его голову закапывают под насестом со словами: «Не закопујем главу, него болес» («Закапываю не голову, а болезнь»). Болгары Хасковского округа осенью ради здоровья кур устраивают специальный праздник «кокошкина църква»: женщины носят кур на поляну за селом, варят их в общем котле и уносят домой свою часть. В Болгарии и в Тимоке в заговенье на Филипповский пост (в Западной Болгарии — 11 ноября) в честь нечистого духа, насылающего на кур болезни, которого представляют в виде большой черной курицы, или в честь куриной болезни совершают жертвенный обряд «Мрата», «Мратинци», «Мратиняк». В этот день самая старая женщина семьи или две женщины, вопреки бытовому запрету женщинам убивать домашнюю живность, колет ножом, наточенным на камне, предназначенном для точки кос, или ножницами на пороге дома (в Орханийском округе — в доме за дверью, на месте, куда в Игнатов день сажают полазника) черного петуха, «мратинче», (у сербов Тимока — петуха и курицу, выведшихся в этом году, «мратинчичи»). В Болгарии при этом говорят: «Не колим те ние, но коли те Мратиняк» («Не я тебя колю, а колет тебя Мратиняк»). Верят, что, заколов жертвенных птиц, «закалывают» болезнь на весь будущий год.

Для благополучия домашней птицы обращаются к некоторым святым, которые, по народным представлениям, покровительствуют домашней птице. Сургутяне считают св. Кирика и Ульяну куриными «богами». Во Владимирской губ. о курах молятся, глядя на запад, неизвестному вмч. Маронию. У южных славян патроном домашней птицы является св. Игнат, у западных и словенцев — св. Люция. Во многих местах России считают, что курам покровительствует св. Косьма и Дамиан. В г. Звенигороде Московской губ. на Кузьму и Демьяна священник ходил по дворам, молился за кур и кропил курятник святой водой. Сажая весной наседку, хозяйка говорила: «Матушка Кузьма-Демьян, зароди цыпляток к осени; курочку и петушка тебе зарежем». В день их памяти («курьи именины», «курячий праздник», «куриная смерть», «кузьминки», «куряча складка») существовал обычай колоть молодого петуха, петуха и курицу, курицу, ворованных кур («кур молить», «ломать кочетов») в каждом дворе или на молодежной сходке; носить кур в церковь; дарить своей барыне со словами: «Не мы дарим — Кузьмодемьян прислал». Кости жертвенных птиц во время еды не ломали, впоследствии их закапывали в курятнике для плодovitости кур. В Ярославской губ. отрубленную голову петуха хозяин закидывал на поветь, приговаривая: «Водитесь куры ноские, несите яйца крупные».

С купленной курицей и при ее продаже восточные и западные славяне совершают действия, во многом общие с аналогичным обрядом животноводческого комплекса. Купленной курице подрезают хвост, вырывают перо из-под крыла, ее когтем царапают пень. Словаки вырывают у купленных голубей по три пера из-под правого крыла и замазывают их над устьем печи, чтобы они не улетали к прежнему хозяину. Для этого же купленную птицу обводят три раза вокруг ножки стола или кровати, иногда предварительно привязав их к ним; в Польше курицу сажают в печь и обсыпают ее ноги пеплом; в Витебской губ. ставят на

заслонку печи и обливают ноги водой; в Словакии купленных кур кормят из обруча, снятого с бочки, ведра. В некоторых местах Польши, принеся их домой, сразу обносят вокруг дома, приговаривая: «Trzymaj się chałury, jak moja noga diuru» («Держись дома, как моя нога — задницы»): У птицы, предназначенной на продажу, выдергивают перья под крыльями, чтобы ее «плод», «завод» остался у продавца. Чтобы проданная курица не утратила способность нести яйца, требуют передавать ее, обратив к покупателю хвостом.

© 1994 г. БУШКЕВИЧ С. П.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Зернова А. Б.* Материалы по сельскохозяйственной магии в Дмитровском крае//Советская этнография. 1932. № 3. С. 15 — 52; *Иванов П. В.* Жизнь и поверья крестьян Купянского у. Харьковской губ.//Сборник Харьковского Историко-филологического общества. Т. 17. Харьков, 1907; Добруджа. Этнографски, фолклорни и езикови проучвания. София, 1974; *Мартинов А. П.* Народописи материали от Граово//Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. София, 1958. Кн. 49; *Њорђевић Т. Р.* Природа у и веровању предању нашег народа. Књ. 2//Српски етнографски зборник. Београд, 1958. Књ. 72; *Gloger Z.* Zabobony i mniemanja ludu nadnarwiańskiego, tyczące się ptaków, płazów i owadów//Zbiór wiadomości do antropologii krajowej. Kraków, 1877. Т. 1. Dz. 3. S. 101—107; *Siarkowski W.* Materyjały do etnografii ludu polskiego z okolic Kielc. Cz. 2//Zbiór wiadomości do antropologii krajowej. Kraków, 1879. Т. 3. Dz. 3. S. 3—61; Horehronie. Т. 2: Kultura a spôsob života ľudu. Bratislava, 1974; *Horváthová E.* Zvyky a obrady zimného slnovratového cyklu v Honte//Slovenský národopis. Bratislava, 1981. Т. 29. № 2/3. S. 318—350.

СОННИК КАК ЖАНР ПОЛЬСКОГО ФОЛЬКЛОРА

Сонник — жанр, хорошо известный как в популярной книжной традиции, так и в традиционном польском фольклоре. Обе сферы функционирования — устная, первичная и в культурном отношении более существенная, и письменная, вторичная и культурно менее значимая, — обнаруживают много различий. Эти различия заключаются в составе образов сновидений, в способах их построения и толкования [1].

Дальнейшие рассуждения будут касаться главным образом устной традиции.

Само понятие «сонник», используемое в традиционном фольклоре, нелегко поддается определению. Говоря о соннике, мы имеем в виду два рода текстов:

а) минимальный текст снотолкования (далее — МТС), состоящий из лаконичных предложений типа: *когда снятся яйца, то это сплетни, огонь — это вор, чистая вода — плач, конь — кавалер* и т. п., которые функционируют в своеобразных жанровых рамках (о чем пойдет речь далее);

б) весь комплекс таких МТС, складывающихся (подобно лексемам в словаре) в словарь символов сновидений, существующий в коллективном сознании и собираемый и публикуемый фольклористами [2].

Ситуацией, в которой возможно обнаружить и охарактеризовать минимальный текст снотолкования, является вхождение его в текст иного, нежели он сам, жанра (сам же он не способен включать в себя текст другого жанра). Проиллюстрируем это текстом снотолкования в составе песенного текста:

Tam [w świetlicy] on spoczywa z podróży,
nazajutrz raniuchno wstaje,
idzie do teści zięć luby,
ale mu się serce kraje.
Sniło mi się, jakby pszczoły
uciekały ze dwa roje,
pierścień się rozpekł na poły,
gwiazda spadła na wieś moje.
Ach zięciu mój, synie luby,
jedźże do swej żony.
Przygoda ciebie nieutulony.

Там [в светлице] он отдыхает с дороги,
наутро раненько встает,
идет к теще зять любимый,
но тяжело у него на сердце.
Снилось мне, будто пчелы
улетали двумя роями,
кольцо лопнуло пополам,
звезда упала на село мое.
Ах, зять мой, сын любимый,
поезжай же к жене своей.
Ждет тебя, неприютного, вот что:

Bo lecących pszczół dwa roje
są płynących też dwa zdroje.
A twój pierścien rozłamany
związek ślubu rozerwany.
Gwiazdy z nieba spadają
w pogodnej wieczornej dobie
te niesiety oznaczają
że ktoś z krewnych poległ w grobie.

два роя летящих пчел —
это два потока текучих слез.
А разломившееся кольцо твоё —
это разорвавшиеся брачные узы.
Звезды, что с неба спадают
в ясный вечерний час,
означают, к сожалению,
что кто-то из родных лег в могилу.

(Kolb 42 Maz 232-233 nr 1835).

Тексты снотолкования (устного и письменного) функционируют не всегда в одних и тех же коммуникативных ситуациях. Наиболее типичной из таких ситуаций и характерной для устной и письменной традиции является толкование снов одним человеком (т. е. лицом, объясняющим значение сна) другому человеку (т. е. тому, кому он приснился). Особый тип текстов — рассказы о снах. Апельлирую к личному опыту, они поддерживают веру в прогностическую ценность сновидения. Приведем для примера один из таких текстов: *Przebywając w szpitalu na oddziale położniczym, przyśniło mi się, że z naszego podwórka wybiegły dwa spłoszone koni. Czarne oczywiście. I właśnie za dwa dni zmar mi teść, a kiedy wróciłam ze szpitala, po dziesięciu dniach zmarło mi dziecko. I teraz w zasadzie w nic takiego nie wierze, ale w te czarne koni spłoszone zawsze wierze. (Когда я лежала в больнице в родильном отделении, мне приснилось, что с нашего двора выбежали два испуганных коня. Черных, конечно. И как раз через два дня умер мой свекор, а когда вышла из больницы, через десять дней у меня умер ребенок. И теперь я вообще-то ни во что такое не верю, но в черных испуганных коней верю всегда. ТК).*

И в приведенной песне, и в рассказе о сне присутствуют элементы, релевантные для сонника как жанра. Ибо народный сонник (устный), как и всякий фольклорный жанр, обладает присущей лишь ему, постоянной структурой конститутивных элементов. Такими элементами для сонника являются образ, толкование и жанровые рамки. Элемент текста сонника, называемый «образом» (т. е. элемент, присутствующий в сновидении), отличается своим конкретным характером. Это «предмет», ощущаемый органами чувств, который имеет определенный внешний вид и который можно нарисовать, например: *дерево, конь, вода, платок, яйцо* и т. п. Элемент, называемый толкованием, т. е. соответствие этому образу наяву, имеет более общий характер. Толкование может представлять собой предмет, доступный органам чувств (например, *посылка, деньги*), но чаще это состояния и ощущения, передаваемые с помощью абстрактных существительных (*радость, печаль*); часто такие состояния определяются обобщенно как *что-то хорошее* или *что-то плохое*.

В приведенной песне образами являются *два роя пчел, лопнувшее пополам кольцо и упавшая звезда*, в рассказе — *два черных испуганных коня*. Им соответствуют толкования: в песне — *два потока слез, разрыв брачных уз, смерть родственника*, а в рассказе — *смерть ребенка и свекра*. Эти элементы — образ и толкование — необходимы и обязательны для жанровой модели. Представленные в песне и рассказе минимальные тексты снотолкования можно записать в виде предложений, например:

Падающая во сне звезда — это смерть родственника.

Такое предложение может функционировать в разных жанровых рамках. Например, в соннике или в примете:

Падающая звезда (во сне) означает смерть родственника (наяву).

Падающая звезда (реально видимая на небе) сулит смерть или исполнение желаний.

Толкования того же самого образа в соннике и в примете в данном случае близки между собой. Но это не общее правило. Например:

Собака, которая кусается (во сне) — это злой человек.

Собака, которая кусается (в примете), означает замужество/женитьбу.

В МТС, а также в приметах основное предложение имеет формальную структуру отождествления: «*X — это Z*». Связку «это» можно интерпретировать с помощью таких слов, как *означает, предсказывает*. Однако минимальный текст снотолкования охватывает не только атомарную структуру высказывания. Атомарная структура высказывания «*X — это Z*» функционирует в жанровых рамках (оболочке), которые могут быть (хотя и не обязательно) выражены эксплицитно. Для текста снотолкования они обязательны. Такие рамки, например в предложении «Если кому-то снится собака, то это друг», создает выражение «Если кому-то снится». В более развернутом, аналитическом виде это предложение могло бы звучать так: «Если кто-то во сне увидит *X*, то в действительности (наяву) его ждет/случится с ним *Z*». Вербализация жанровых рамок показывает, что образ и толкование имеют разный онтологический статус, принадлежат разным мирам: *X* — миру сна, *Z* — миру яви, и этот статус уточняется с помощью выражений, создающих жанровые рамки.

Встает вопрос: каково отношение между миром сна и миром яви, и в каком отношении находятся между собой элементы, коррелирующие друг с другом через границу, связывающую оба мира? Это вопрос о смысле вышеупомянутых слов *означает, предсказывает*. Народная философия сна исходит из представления о тесной связи между сферами сна и яви. Обращает на себя внимание, что элементы обоих миров, сна и яви, образующие пары — образ + толкование — в минимальном тексте снотолкования образуют синтагмы по принципу временного следования:

Если снятся картофелины, то набьешь себе шишки.

Если приснятся белые гуси, то придет письмо.

То, что выступает во сне, предвращает то, что случится наяву, а значит, имеет прогностический характер. Предложение, входящее в состав минимального текста снотолкования, можно, следовательно, охарактеризовать на основе сформулированного Фирбасом понятия динамичности высказывания [3]. Большая динамичность высказывания (далее — ДВ) заключается в высшей степени информативной новизны. Элемент с низшей степенью динамичности — это тема. Элемент, привносящий новую информацию и тем самым имеющий наивысшую степень динамичности, — рема. В минимальном тексте снотолкования теме соответствует образ, а реме — толкование. Разграничение в МТС элементов с низшей и высшей степенью информативной новизны происходит аналогично делению на две компетенции: одну — в сфере лишь вызывания образов, другую — в сфере приписывания этим образам определенных смыслов. Тот, кто видит сон, может не понимать своего сна, т. е. может обладать компетенцией лишь в сфере идентификации образов. Тот же, кто толкует сны (как, например, библейский Иосиф, интерпретирующий сны фараона), является лицом «посвященным», он обладает компетенцией в сфере толкования, которому принадлежит высшая степень информативной новизны (высшая ДВ).

Согласование толкований с образами обнаруживает регулярные закономерности [4]. Как показал анализ, удается выявить следующие регулярно воспроизводимые принципы толкования:

1) тождество — *Если девушке снится кавалер, то уж, видно, к ней придет.* ЮН;

2) противопоставление — (Плач) *хорошо. Будет смеяться.* ХО; (Веселье) *это печаль.* АШ;

3) сходство — а) лексико-фонетическое — *А грехи (grzychu) — это грехи (grzuchy).* ФБ; *Если кровь, то из родни кто-то придет. Из кровных родственников.* ФБ; б) внешнего вида — *Белить набело — получишь какое-то служебное письмо.* ЮН; *Горох — слезы.* МН; *Яйцо — набьешь себе шишки.* АЗ;

отрицательном, то в положительном смысле. Столь же противоречивые толкования получают сны о белом цвете:

белый цвет — 'что-нибудь очень хорошее, письмо'
'венчание, свадьба'
— 'что-нибудь очень плохое'
'болезнь'
'смерть'.

Такие противоположные толкования снов можно объяснить характером народного осмысления мира, допускающего параллельное существование разных явлений, часто даже противоречивых. Народный сонник вскрывает эти противоречия особенно отчетливо. Чтобы объяснить эти противоречия, нужно прежде всего установить связь между способами толкования снов и признаками, лежащими в основе семантики соответствующих слов, ибо толкования сновидений обнаруживают большое сходство с обиходными стереотипами — теми смыслами слова, которые являются наиболее стабильными (подробнее см. мою статью в [7]).

Подводя итог рассуждениям, можно констатировать, что всем минимальным текстам снотолкования присущи несколько повторяющихся (категориальных) свойств:

1) МТС может появиться в тексте другого жанра, сам же он не способен включить в свой состав другие тексты; 2) основная конструкция МТС создается образом и толкованием, которые функционируют в жанровых рамках. Рамки эти для сонника обязательны, но не всегда выражены эксплицитно; 3) образ конкретен, толкование — обобщенно; 4) образ и толкование образуют упорядоченную временную последовательность: образ предшествует толкованию; 5) между образом и толкованием существует зависимость, которую можно описать с помощью определенного числа правил; 6) МТС несет в себе оценочный взгляд на мир и систему ценностей носителя народной культуры; 7) оценки в высшей степени присущи толкованию, которое может ограничиваться аксиологической информацией (*хорошо, плохо*).

Перечисленные свойства характерны для каждого МТС, имеющего вид «X — это Z». Для сонника в целом как совокупности МТС важны все указанные свойства. Но главное из них, как представляется, это заключенная в соннике система ценностей и сам принцип оценки.

Цель данного жанра с точки зрения носителя народной культуры — наделить образы сновидений толкованиями, или смыслами, и тем самым прогнозировать будущее. В этом отношении сонник чрезвычайно близок таким «жанрам», как гадания, приметы о погоде и т. п. Однако достаточно ли устойчивы МТС на уровне содержания и формы, чтобы можно было безоговорочно отнести их к фольклору как «устному творчеству»? Я уже пыталась показать, что на уровне содержания МТС обнаруживают немало существенных закономерностей и регулярностей. И все же устойчивость словесной формы не достигает здесь того уровня, который наблюдается у некоторых других фольклорных жанров. Возьмем для примера толкования сна о дожде у разных информантов. На вопрос «что значит дождь во сне?» информанты давали, в частности, такие ответы:

Дождь — плачь, это плохо. МН;

Ой, если дождь снится, то это плач. АН;

Дождь — это тоже плач. МЛ;

Дождь — это плач. КВ;

Дождь, вода — с ними все связано с плачем. МШ;

Это плач. ЧЛ;

Ну, дождь — это тоже слезы. ФБ;

Если дождь, то говорят, что слезы или что там еще. ЯЮ;

Слезы. АЗ.

Как видно из этих примеров, минимальные тексты снотолкования не имеют жесткой языковой формы выражения, хотя и обнаруживают семантическую стабильность. Учитывая зависимость между семантическим уровнем языка и его

формальным планом, минимальный текст снотолкования можно рассматривать как разновидность стереотипа, называемую топикой. Это значит, что он относится к конструкциям, устойчивым в семантическом отношении, но не имеющим постоянной вербальной формы (т. е. не превратившимся в формулы).

Неизменная семантическая форма МТС, их структурная устойчивость, воспроизводимость регулярных структурных характеристик, заключенная в текстах сонника картина мира и присущая носителю народной культуры система ценностей, а также наличие у этого жанра коммуникативной цели — все это позволяет рассматривать тексты сонника как в значительной мере удовлетворяющие требованию стабильности; столь существенному для фольклорных текстов.

Список сокращений

Источники

BartMat — *Bartmiński J., Bączkowska G. Materiały do sennika ludowego//Etnolingwistyka/Pod. red. J. Bartmińskiego. Lublin, 1988. T. 1. S. 147—171.*

Kolb42Maz — *Kolberg O. Dzieła wszystkie. Wrocław; Poznań, 1970. T. 42: Mazowsze, VI.*

Информанты

A3 — Александра Залевска, род. в 1921 г. в Стоке, местожительство — Улан Майорат;

АН — Антонина Небжеговска, род. в 1902 г. в Сентках; местожительство — Улан Майорат;

АР — Анеля Радземска, род. в 1928 г. в Велихове, местожительство — Велихово;

АШ — Аделя Шимчак, род. в 1906 г. в Бодачках, местожительство — Сельц;

КВ — Катажина Войтацка, род. в 1912 г. в Рыбнице, местожительство — Рыбница;

КП — Каролина Пупец, род. в 1932 г. в Дерезне, местожительство — Дерезня;

МЛ — Марья Ленчук, род. в 1914 г. в Паре, местожительство — Рыбница;

МН — Михалина Ныкель, род. в 1932 г. в Шувско, местожительство — Шувско;

МШ — Магдалина Шульчик, род. в 1932 г. в Квильче, местожительство — Квильч;

ТК — Тереса Куса, род. в 1938 г. в Вензовнице, местожительство — Вензоница;

ФБ — Францишка Бартосяк, род. в 1907 г. в Репках, местожительство — Репки;

ХО — Хелена Ольшевска, род. в 1938 г. в Сельце, местожительство — Сельц;

ЧЛ — Чеслава Лис, род. в 1945 г. в Вензовнице;

ЮН — Юзеф Небжеговский, род. в 1932 г. в Улане Майорате, местожительство — Улан Майорат.

ЯЮ — Ядвига Юрчак, род. в 1939 г. в Бродовых Лонках, местожительство — Бродове Лонки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Niebrzegowska S. Z badań nad sennikiem ustnym. Sennik ustny a pisany//literatura Ludowa. 1989. № 3. S. 61—69.*
2. *Adamowski J. Sennik Franciszki Boryty//Biuletyn Informacyjny STL. 1985. № 30. S. 12; Bartmiński J., Bączkowska G. Materiały do sennika ludowego//Etnolingwistyka/Pod. red. J. Bartmińskiego. Lublin, 1988. T. 1S. 147—171; Niebrzegowska S. Sennik kurpiowski//Literatura Ludowa. 1989. № 4/6. S. 87—102; Niebrzegowska S. Sennik ludowy z Wielkopolski//Etnolingwistyka/Pod red. J. Bartmińskiego.*

- Lublin, 1990. T. 3. S. 145—156; *Niebrzegowska S.* Podlaski sennik ludowy//*Twórczość Ludowa*. 1990. № 2. S. 27—30.
3. *Firbas J.* O pojęciu dynamiczności wypowiedzeniowej w teorii funkcjonalnej perspektywy zdania//*Tekst i język. Problemy semantyczne/Praca zbiorowa pod red. M. R. Mayenowej*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1974. S. 9—21.
 4. *Bartmiński J.* «Co się myśli, to się przyśni». O interpretacji snów w senniku ludowym//*Polska Sztuka Ludowa*. R. XLI. 1978. № 1/4. S. 121—123; *Niebrzegowska S.* O interpretacji snów na Podlasiu//*Twórczość Ludowa*. 1990. № 3. S. 25—27.
 5. *Tomicki R.* Religijność ludowa//*Etnografia Polski. Przemiany kultury ludowej*. Wrocław; Warszawa; Kraków. 1981. T. 2. S. 33.
 6. *Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н.* Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965.
 7. *Etnolingwistyka*. Lublin, 1990. T. 3. S. 37—48.

ОТРАЖЕНИЕ ПРАСЛАВЯНСКОЙ ЛАБИОВЕЛЯРИЗАЦИИ СОГЛАСНЫХ В НИЖНЕЛУЖИЦКОМ ВОКАЛИЗМЕ

В славянской фонетике используются такие термины, как «палатализация», «веляризация», «лабиовеляризация». Значение их разнопланово. С одной стороны, это — характеристика артикуляции отдельных согласных. А с другой — с помощью тех же понятий, обращенных преимущественно в поздний праславянский период, описывается специфическая ситуация в синтагматике согласных и гласных.

Палатализация и веляризация являются по своему происхождению результатом относимого к праславянскому периоду уподобления согласных гласным переднего ряда или гласным заднего ряда [1. С. 30]. Экспериментальный анализ согласных в их современном состоянии показывает сложность параметров, создающих специфику артикуляций палатализации и веляризации [2. С. 63—68]. В упрощенном же виде палатализация определяется как подъем средней части спинки языка к твердому нёбу, сопровождающий основную артикуляцию согласного, а веляризация — сближение задней части спинки языка с мягким нёбом [3. С. 153; 4. С. 82, 357].

Палатализованные и веляризованные согласные относятся к классу мягких и твердых согласных и различаются высотой тона: более высокий тон присущ мягким согласным, более низкий — веляризованным. Ср.: «артикуляторные признаки твердости и мягкости обуславливают такие структуры форм надгортанного резонатора, которые аналогичны наблюдаемым при артикуляции двух контрастных по ряду гласных |i| и |a|» [2. С. 69], т. е. гласных наиболее высокого и наиболее низкого тона.

Понятие лабиовеляризации согласных менее ясно. Шахматов называет лабиовеляризацией влияние праславянских задних гласных на согласные, отмечая при этом: «Умышленно употребляю более сложный термин „лабиовеляризация“, но определяя в каждом случае, имеем ли мы дело с приспособлением согласных к произношению лабиализованных гласных или с приспособлением их к произношению гласных заднего ряда» [1. С. 62].

Существует также мнение, что веляризация, понижая собственный тон согласного, вызывает, как бы автоматически, и некоторое округление губ, и, наоборот, губное сближение сопровождается активностью задней части спинки языка [5. С. 163; 6. С. 156]. Именно поэтому Селищев считал, что в сочетаниях *k, *g, *x с *ъ, *у «лабиальный элемент сопровождал артикуляцию задненёбного согласного» [7. С. 207].

О присутствии элементов губной артикуляции у задненёбных спирантов и

задненёбной артикуляции у губных спирантов (особенно билабиальных), т. е. о двухфокусности этих согласных, косвенно может свидетельствовать их взаимная мена, известная южнорусским [8. С. 125], болгарским [9. С. 258], македонским [10. П. 94—97] говорам.

Лабиевеляризация или усиливала основную артикуляцию согласного, или вносила в нее новый элемент. Это зависело от локального ряда согласного. У губных согласных присутствовала лабиализованность, а, возможно, и активность задней части языка — так что здесь речь могла идти об усилении уже существующих параметров. У задненёбных согласных веляризация является основной артикуляцией, к которой мог присоединиться элемент лабиализованности. И только зубные согласные в результате лабиевеляризации должны были включить в свою артикуляцию вполне новые элементы.

В славянской фонетике понятие «лабиевеляризация» употребляется чаще всего при реконструкции старых языковых состояний. При анализе современных фактов обычно ограничиваются понятиями «палатализация» и «веляризация»; нередко «лабиевеляризация» используется как синоним «веляризации». В целом все-таки представление о том, что веляризация согласных перед гласными заднего ряда в праславянском сопровождалась лабиализацией, относится в большой мере к числу предположений.

Палатализованность и веляризованность в их современном виде репрезентуют мягкость и твердость согласных. Но если по поводу палатализованности разногласий нет, то относительно аналогичной оценки веляризованности того же сказать нельзя. По мнению А. А. Реформатского, «веляризация существует как оппонент палатализации. Там же, где нет этой корреляции — нет и веляризации» [11. С. 488]. Иной взгляд на эту проблему предлагает В. Н. Чекман. Он считает, что в условиях корреляции палатализованности в качестве твердых согласных совершенно не обязательно должны выступать веляризованные согласные. Эти последние присущи лишь русскому и белорусскому языкам; в других же языках, имеющих ту же корреляцию, твердые согласные обходятся без веляризации [12. С. 44]. Твердые невеляризованные согласные воспринимаются носителями языка, имеющего веляризацию, как недостаточно твердые и даже полумягкие — в частности и потому, что гласные после невеляризованных твердых согласных не имеют того понижения и сдвига назад, которые происходят после веляризованного согласного [12. С. 46].

Все же отсутствие веляризации у твердых согласных принято оценивать как новую черту в сравнении с состоянием, близким к праславянскому, т. е. признается, что в некоторых языках артикуляция, снижающая тон согласного, постепенно утрачивалась. А. А. Шахматов по этому поводу заметил: «И веляризация, и лабиализация согласных исчезли в славянских языках постепенно в разное время в разных говорах и не сразу во всех группах согласных» [1. С. 62].

Приспособление согласных к гласным выглядело очевидным, если это меняло основную артикуляцию согласного. Например, палатализация задненёбных, веляризация $l \rightarrow \dot{l}$, сохранение задненёбных перед *у. Если же палатализация и веляризация старого периода не имела явной артикуляционной или синтагматической экспликации, то о них, как заметил А. А. Шахматов, «мы можем только догадываться» [1. С. 60].

Уподобление согласных гласным по высоте тона происходило в пределах слога унифицированного типа, т. е. открытого, когда звуковая последовательность представляла собою серию однотипных слоговых сегментов. В этих условиях взаимосвязь компонентов сегмента CV была достаточно сильной. В дальнейшем палатализованные и лабиевеляризованные согласные обрели синтагматическую активность и со своей стороны стали определять артикуляцию гласных. Например, *tett → *tott, *tott → *tɔt в восточнославянских диалектах, изменение e → o перед твердыми согласными.

Синтагматическую активность лабиевеляризованных согласных не всегда легко

отделить от аналогичной активности согласных губного ряда. Так, изменение *у → и после губных согласных (**muŕo*, **muš*, **buk*) в белорусских полесских говорах демонстрирует прогрессивное уподобление по лабиализации без того, чтобы для объяснения этого факта привлекать особое значение лабиовеляризованности согласного. Не обнаруживает связи с лабиовеляризацией и распространенное в славянской фонетике изменение о → ѓ, а → а перед губными согласными.

Свидетельства синтагматической активности лабиовеляризованных согласных носят фрагментарный характер и во многом относятся к области реконструкции. Этим лабиовеляризация отличается от палатализации, присутствующей как один из главных факторов звуковой синтагматики на протяжении истории соответствующих языков (диалектов) вплоть до современного состояния. На этом фоне особое значение приобретают свидетельства о синтагматической активности лабиовеляризованных согласных, которые проявляются в организации нижнелужицкого диалектного вокализма.

Характерной особенностью нижнелужицкого диалектного вокализма является рефлексация *о после твердых губных и задненёбных согласных перед твердыми негубными и незадненёбными согласными. Это явление достаточно подробно описано в литературе [13. S. 101—104; 14. S. 56—58] и как компонент диалектного различия интерпретирован в «Sorbischer Sprachatlas» [15. S. 80—99].

В последовательностях типа PoT, KoT (**mostъ*, **borъ*, **bosy*, **woskъ*, **koza*, **gora*, **golъ* и под.) на месте *о в нижнелужицких диалектах произносятся гласные ѓ (непередний ряд, средневерхний подъем, более напряженный, чем о, аудитивно приближенный к и) или нелабиализованные у (верхний подъем, ряд между средним и верхним), е (передний ряд, нижняя зона среднего подъема, аудитивно воспринимается как широкий е). Фонетически это выглядит как *dvor/dvyr*, *dver*, *kon'/kyn'*, *ken'*, *bosy/bysy*, *besy*, *gody/gydy*, *gedy*, *kot/kyt*, *ket*, *mody/mydry*, *medry*, *motk/mytk*, *meik*, *gola/gyla*, *gela*, *koza/kyza*, *keza*, *most/myst*, *mest*, *postola/pystola*, *wosk/wysk*, *wesk*, *xory/xury*, *xery*.

В последовательностях типа PoP/K, KoP/K (**bokъ*, **bobъ*, **kop-*, **mokrъ* и др.) рефлексом *о является гласный о.

Нижнелужицкое изменение *о в ѓ и в у, е в контексте славянской фонетики проявляет несомненное своеобразие. Сужение гласного *о и усиление его лабиализованности — факт достаточно распространенный. Это может быть обусловлено характером ударения, закрытостью слога, влиянием соседнего, особенно последующего, билабиального звука, уподоблением высокому гласному следующего слога. Делабализация же *о вне редукции в безударных слогах проявляется значительно реже, и часто это связано с дифтонгизацией гласного. Ср. нелабиализованные рефлексы *о в новом закрытом слоге в украинском, кашубскую дифтонгизацию *о → ие [16. С. 325]. Указаний на связь нижнелужицкой делабализации *о с дифтонгизацией этого гласного нет.

Разные рефлексы *о в нижнелужицком объединены тем, что они реализуются в пределах однотипного сегментного контекста. Это означает, что в последовательностях типа PoT, KoT контраст между согласными создает некое напряжение, определяющее то или иное изменение *о. Согласные контрастировали по наличию лабиовеляризованности у губных и задненёбных и ее отсутствию (или утрате) у негубных и незадненёбных согласных.

Гласный *о в последовательностях типа PoT, KoT имел разный вид связи с предшествующим и последующим согласным. Связь с первым согласным является контактной, поскольку артикуляция гласного наступает после реального произнесения предшествующего согласного. Связь же гласного со вторым согласным дистактна, поскольку ориентация на согласный наступает до его реального произнесения. Учитывая это, можно считать, что рефлексация *о в нижнелужицких диалектах определяется конкуренцией контактной и дистактной связей гласного с окружающими согласными в звуковой последовательности. Контраст по наличию/отсутствию лабиовеляризации соседних согласных создавал для глас-

ного *о альтернативу — ориентироваться на контактную связь с Р, К или на дистактную связь с Т (ср. приведенные выше сочетания).

Ситуация альтернативы возникла после падения редуцированных, когда слово перестало быть последовательностью только открытых слогов. До этого в условиях однотипных слогов, которые к тому же могли выступать как функционально нечленимые единицы (силабемы) [17. С. 242], гласные однозначно гармонировали с предшествующим согласным.

После падения редуцированных, при наступившей допустимости наряду с открытыми закрытых слогов, безальтернативная связь согласного с предшествующим согласным ослабевает. Становится возможной антиципация следующего согласного при образовании гласного, т. е. включается дистактная связь между звуками в звуковой цепи. Эти две тенденции и отражает нижнелужицкая рефлексация *о.

При стремлении сохранить архаические отношения связь *о с предшествующим согласным не только сохранялась, но становилась более демонстративной, что эксплицировалось усилением напряженности лабиальной артикуляции гласного и, как следствие этого, повышением его подъема, т. е. *о → о. Это — прогрессивное уподобление гласного согласному, основанное на контактной связи между ними. На то, что усиление лабиализованности и напряженности гласного способствовала не сама по себе лабиовеляризованность предшествующего согласного, а контраст между первым и вторым согласным, свидетельствует отсутствие такого изменения гласного в последовательностях типа Р/КоР/К, хотя здесь усиление лабиализации было бы более логичным, поскольку этому способствует артикуляция как первого, так и второго согласного. Однако этого не происходило — артикуляция *о в таком контексте была стабильна.

Включение дистактных связей при выборе гласного и, как следствие этого, ориентация на нелабиовеляризованный следующий согласный имело последствием делабиализацию *о с одновременным сдвигом его ряда и подъема несколько вперед и вверх или только вперед. Первично благоприятные условия для этого возникли в односложном слове, оканчивающемся на согласный. Именно необязательность открытости слога в сочетании с очевидной закрытостью слога в последовательностях типа *most*, *bor* (из **mostь*, **borь*) создавала ситуацию выбора из двух разнотипных согласных, на которые может ориентироваться артикуляция гласного. Если выбор реализовался в виде регрессивного уподобления гласного следующему согласному, то это одновременно означало ослабление связи гласного с предшествующим согласным.

Из сказанного можно заключить, что рефлексy о и у/ε на месте *о соотносятся с хронологически разным состоянием звукового строя — более архаическое состояние обусловило рефлекс о, более новое — рефлекс у/ε.

В некоторых нижнелужицких диалектах имеются свидетельства о неодинаковой синтагматической активности задненёбных и губных согласных. Есть говоры, в которых о выступает только после задненёбных, но нет говорков, где бы о был отмечен только после губных согласных, т. е. КоТ и Ру/εТ [15. Карта 4]. Это означает, что связь *о с задненёбным, который однозначно имел велярную артикуляцию, была более сильной, чем с губным, где велярность могла быть и проблематичной. То, что велярность задненёбных могла препятствовать делабиализации *о (хотя и не изменяла его в о) показывают такие ареалы, где представлены отношения КоТ и Ру/ε Т [15. Карта 4].

Нижнелужицкая рефлексация *о в позициях типа РоТ, КоТ является раритетным фактом славянской фонетики, так как проецирует на современный уровень синтагматическую активность лабиовеляризованных согласных — явления, реконструируемого для позднего праславянского периода.

В славянской фонетике нет других фактов, когда бы рефлексация праславянского гласного определялась контрастом между согласными низкого тона (твердыми), примыкающими к гласному с обеих сторон, при том, что этот

консонантный контекст столь различно по диалектам влияет на один и тот же гласный. Редкость синтагматической активности такого контекста особенно очевидна на фоне того, как влияет на гласные контекст, состоящий из согласных разного тона (твердого и мягкого), поскольку изменение гласных после твердых согласных перед мягкими и после мягких перед твердыми — факт вполне банальный в славянских диалектах, и обусловлен он синтагматической активностью палатализованных/палатальных согласных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Шахматов А. А.* Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915.
2. *Скалозуб Л. Г.* Динамика звукообразования по данным кинорентгенографирования. Киев, 1975.
3. *Трубецкой Н. С.* Основы фонологии. М., 1960.
4. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
5. *Брок О.* Очерк физиологии славянской речи. СПб., 1910.
6. *Мартине А.* Принцип экономии в фонетических изменениях. М., 1960.
7. *Селищев А. М.* Старославянский язык. I. М., 1951.
8. *Аванесов Р. И.* Очерки русской диалектологии. М., 1949.
9. *Мирчев К.* Историческа граматика на българския език. София, 1978.
10. *Fonološki opisi srpskohrvatskih/hrvatskosrpskih, slovenačkih i makedonskih govora obuhvaćenih Opšteslovenskim lingvističkim atlasom.* Sarajevo, 1981.
11. *Реформатский А. А.* О корреляции «твердых» и «мягких» согласных // *А. А. Реформатский.* Из истории отечественной фонологии. М., 1970.
12. *Чекман В. Н.* Исследования по исторической фонетике праславянского языка. Минск, 1979.
13. *Mucke K. E.* Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der niedersorbischen Sprache. Leipzig, 1891.
14. *Stieber Z.* Stosunki pokrewieństwa języków łużyckich. Kraków, 1934.
15. *Sorbischer Sprachatlas 13.* Synchronische Phonologie bearbeitet von H. Faßke. Bautzen, 1990.
16. *Селищев А. М.* Славянское языкознание. М., 1941.
17. *Аванесов Р. И.* Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974.

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУССКИХ ЛИТЕРАТУРОВЕДОВ В МЕЖВОЕННОЙ ЧЕХОСЛОВАКИИ

После переворота 1917 г. Россию покинуло несколько сотен выдающихся ученых — в 1920 г. добровольно, в 1922 г. выслано большевиками. В разных условиях они продолжали свою работу в нескольких центрах, сначала в Париже и Белграде, позднее в 12 других странах. Академические группы ученых сыграли важную роль в завершении высшего образования эмигрировавших студентов (об этом см. [1]), занимаясь также собственно научной деятельностью. В 1921 г. был создан «Союз академических организаций за границей» с правлением в Праге. Союз стал авторитетной организацией, определявшей правила научной жизни, присуждения научных степеней, работу русских высших и средних школ и т. д. Первые съезды Союза состоялись в Праге, причем 3-й из них (Прага, 1924 г.) имел уже характер научного заседания с чтением докладов. Результаты научной деятельности публиковались в разных изданиях: в сборниках «Труды Русского народного университета в Праге», в сборнике Русского института в Праге, в журналах и изданиях, посвященных юбилеям писателей. Доклады 4-го съезда, состоявшегося в сентябре 1928 г. в Белграде, были полностью или в форме резюме напечатаны в двухтомном сборнике [2], доклады 5-го съезда вышли в Софии [3]. Немаловажно было и выступление русских ученых на 1-ом съезде славистов в Праге в 1929 г. [4].

Русские ученые из Праги приняли активное участие во всех этих съездах. Например, на 4-ом съезде русских академических организаций С. В. Завадский и П. А. Остроухов заседали в его президиуме (в нем было еще пять ученых из Парижа, Лондона и Белграда), официальными делегатами пражской академической группы были В. С. Ильин, А. А. Кизеветтер, М. М. Новиков, И. О. Панас, А. В. Флоровский и Е. Ф. Шмурло, ученые из Праги прочитали ряд докладов на пленарном заседании и в 14 секциях¹.

К наиболее активным литературоведам принадлежал печатавшийся в многочисленных изданиях А. Л. Бем. Он представил на съезде результаты своих исследований творчества Достоевского (в частности, об отражении «Пиковой дамы» А. С. Пушкина в «Преступлении и наказании»). Достоевский, по мнению

Заградка Мирослав — д-р филол. наук, профессор Университета Ф. Палацкого (Оломоуц, ЧР).

¹ Из Чехословакии Белградский съезд приветствовали канцлер президента республики, Национальный Чехословацкий совет, Чехословацкий красный крест, Славянский институт в Праге, Карлов университет, Университет Масарика в Брно, Университет им. Коменского в Братиславе, Русский научный институт, Русская учебная коллегия, Русский юридический факультет, Русский народный университет, Русский институт сельскохозяйственной кооперации.

А. Бема, испытывал на себе влияние Гоголя и Пушкина. В своем раннем творчестве он преодолевал гоголевское влияние, используя, однако, сюжеты и отдельные мотивы произведений Гоголя («Шинели» — в «Бедных людях», «Носа» — в «Двойнике»). Влияние Пушкина было более органичным — Достоевский раскрывал заложенные в его героях трагические возможности (Германн — Раскольников) [2. С. 59]. Позднее А. Л. Бем под влиянием Т. Г. Масарика включил в свои исследования проблему преодоления Пушкиным и Достоевским гетевского Фауста [1].

В [3] вошли дальнейшие исследования Бема по Достоевскому. В первом из них — «Эволюция образа Ставрогина (К спору об „Исповеди“ Ставрогина)» автор детально прослеживает существенные изменения в замысле образа Ставрогина (от «человека.идеи», который нашел правду «в идеале России и христианства», через «изящного Ноздрева», скептика и насмешника до покаявшегося в «Исповеди» героя) и его связи с «Идиотом», романом-притчей «Атеизм» и «Житием Великого Грешника». А. Бем останавливается на вопросе о том, почему «Исповедь» не была включена в роман и назначении ее включения Фр. Гецом в пражскую инсценировку романа в 1929 г. Во втором исследовании — «„Горе от ума“ в творчестве Достоевского» автор приводит многочисленные цитаты и мотивы из комедии Грибоедова в текстах Достоевского, вскрывает близость некоторых сюжетных линий и символическое значение исполнения роли Чацкого Версиловым на домашней сцене в «Подростке». Чацкий по Бему: «художественный возбудитель» образа Мышкина, с Версиловым они «одного безумия» люди, Чацкий «играет роль идеалиста-мечтателя, утратившего живое ощущение действительности. То, за что Достоевский осуждает Чацкого в публицистике, становится в его творчестве стимулом художественного преображения».

К интерпретации «Подростка» Бем обратился и в статье «Достоевский в художественной полемике с Толстым» [4. II. s. 10—31]. Здесь, в частности, содержится переключка с идеями М. М. Бахтина относительно возможности обнаружить полемику Достоевского с другими писателями, скрытую в самой структуре его произведений. В «Подростке» Бем усматривает прежде всего полемический ответ на трилогию Толстого (в чем он продолжает наблюдения Мережковского и Л. Гроссмана), отмечая даже наличие в образе Версилова черт биографии Толстого.

Работы А. Л. Бема о Достоевском (в том числе и некоторые из упомянутых) вошли, наряду с библиографией, в сборник его работ «О Достоевском» [5].

Постоянное внимание русских литературоведов к творчеству Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого (связанное, в частности, и с юбилеем 1928 г.) отражено в работах Е. А. Ляцкий и Е. В. Спекторского. В статье «Два мира в приемах изобразительности Л. Н. Толстого» Ляцкий детально прослеживает стилевые уровни романа «Воскресение» (эпитеты, сравнения, детали быта), а именно стиль «барски-изнеженный», присущий миру «управляющему и судящему», и стиль «крепкий, мужественный, тяжеловатый», принадлежащий миру «управляемому и судимому». Автор также проанализировал психологическую (нравственное падение, сознание вины) и социальную темы романа. Он выдвинул мысль о субъективности и публицистичности «Воскресения» и отметил в нем влияние импрессионизма. Е. А. Ляцкий приходит к выводу о двойственности жанра этого романа, о его научном и одновременно художественном значении: «„Воскресение“ есть драгоценнейший памятник и художественной и психологической литературы» [6. С. 144].

Название статьи Е. В. Спекторского «Три мотива в творчестве Достоевского» не совсем соответствует содержанию, если слово «мотив» понимать в его обычном значении. Речь идет скорее о типе реализма Достоевского, в котором как бы сочетается тургеневское стремление к эстетизму, «художественной правде», толстовское тяготение к «нравственной правде» с собственным поиском правды метафизической. Достоевского, «пророка» и «обличителя», автор характеризует как «небесного вестника на земле», «который с высоты взирает на жизнь». В

статье встречаются спорные суждения и неопределенные термины («идеалистический» реализм Достоевского обозначается как «настоящий» реализм, герои Толстого сплошь характеризуются как «жертвы этического эгоцентризма и самоанализа, подобные Гамлету»). Тенденция к упрощению, к скоропалительному обобщению, проявилась и в заключении статьи: «Тургенев тосковал, Толстой терзался, а Достоевский был примирен» [7. С. 99—110].

Более глубоко и продуманно остро полемическое исследование Спекторского «К характеристике Чаадаева», в которой сделана попытка представить подлинного, а не выдуманного Чаадаева. Спекторский спорит с Герценом, Пыпиным, Ивановым-Разумником, Алексеем Веселовским, Бердяевым и другими авторами, судившими о Чаадаеве на основе его взглядов одного периода без учета изменения этих взглядов на разных этапах развития писателя и философа. Прежде всего неверно судить о Чаадаеве лишь по его «Философским письмам»: «Еще не перебродивший гусар Чаадаев царскосельского периода был непохож на Чаадаева конца двадцатых годов, иронического романтика, проявлявшего в католичествовавших салонах свой резкий, охлажденный ум, или на Чаадаева тридцатых и сороковых годов, потрясенного двумя революциями, пересматривавшего и углублявшего свое мировоззрение, или на Чаадаева пятидесятых годов, когда, к его огорчению, авангард Европы очутился в Крыму». Автор характеризует каждый из этих этапов, приводя взгляды Чаадаева на исторические события (непрятие декабризма, согласие с интервенцией русских войск в Венгрии и т. д.). Пытаясь приблизить Чаадаева читателю, автор прибегает к «литературным» сравнениям: после наполеоновских войн он — прототип Чацкого (эта идея не нова!), нечто среднее между Чацким и Онегиным, в тридцатые годы — между дэнди и Обломовым. Чаадаев не ценил талант Гоголя и прямо осудил «Ревизора», но он близок Достоевскому своим убеждением в религиозном призвании России. В работе Спекторского весьма убедительно освещается сравнительно богатая литература о Чаадаеве [6. С. 47—68].

Литературе первой половины XIX в. посвящена и работа историка А. А. Кизеветтера «Карамзин как двигатель русской культуры». Автор попытался показать деятельность Карамзина «во всей ее совокупности» и противоречивости (он назван здесь «двуликим Янусом»): изменчивость его политических воззрений от республиканских до монархических, относительность его стилевой прогрессивности, сомнительность его заслуг в изображении деревенского быта: в сравнении со стихами шишковиста Катенина о деревне «Бедная Лиза» кажется «квинтэссенцией риторики, искусственной и чопорной». Несмотря на то, что «историю Карамзин писал по схемам XVIII столетия», т. е. создавал историю царей и князей, а не государства, все-таки именно с Карамзина, благодаря его художественному мастерству, история стала читаемой и модной. Несмотря на свой критицизм по отношению к Карамзину, остающемуся на позициях старого, Кизеветтер называет его своего рода «движителем» благодаря его проповеди человечности, достоинства личности и душевной теплоты [6. С. 145—160].

Работы русских ученых свидетельствуют о том, что они вовсе не страдали не критическим, сентиментальным отношением к родной литературе. Их жизнь и деятельность в Европе способствовали их стремлению к рассмотрению истории русской литературы в широком мировом контексте, которое было начато в русской науке уже во второй половине XIX в., благодаря развитию сравнительно-исторического метода и культурно-исторической школе. Таким объективно-критическим духом отмечена и большая работа И. И. Лапшина «Эстетика Пушкина», одна из нескольких литературоведческих статей этого философа и музыколога. Философские обобщения служат здесь систематическому и всестороннему описанию художественного миропонимания Пушкина, его отношения к предшествующим этапам развития русской и мировой литературы, истоков его искусства, особенностей его мастерства и стиля. Соответственно материал располагается по следующим главам: «Поэт», «Художественное творчество», «Художественное произведение», «Художественное восприятие», «Общий смысл искусства». Автор ана-

лизирует влияние на Пушкина русской (Державин, Батюшков, Жуковский) и европейских традиций (Гораций, Аристотель, Вольтер, Дидро, Юм, Шекспир, Байрон, Данте, Сервантес, Гете, Шиллер, Лессинг, Кант). Примечательны детальные наблюдения Лапшина, например, об источнике сцены в корчме из «Бориса Годунова» (опера Россини «Сорока-воровка»), о пародировании Пушкиным в «Графе Нулине» «Лукреции» Шекспира, о миграции образов, ставших нарицательными (Фауст, Дон Жуан и др.). В статье использовано, как представляется, все существенное, что было написано о Пушкине, благодаря чему возник обзорный труд немаловажного значения [7. С. 125—190].

Русские ученые внимательно следили за тем, что писалось о русской литературе в Европе, о чем свидетельствует, например, рецензия Е. А. Ляцкого на книгу профессора Дижонского университета Ж. Легра, выразительно названная «Пестрая книга о русской литературе». Рецензент положительно оценивает живой язык книги, главы о Пушкине, Лермонтове и Достоевском, знание критической литературы, но осуждает слишком субъективный отрицательный взгляд на Гоголя, презрение к Толстому и вообще к русской культуре и народу, эклектичность и поверхностность многих суждений. Е. А. Ляцкий приходит к выводу, что такие книги не помогают взаимопониманию французской и русской культур [7. С. 89—98].

В белградском докладе 1929 г. Н. Кульмана «Русская художественная литература за рубежом и в Советской России» была сделана редкая для того времени попытка обобщить результаты десятилетнего развития русской литературы после революции. Доклад во многом превосходит оценки нынешних историков литературы, возвращающихся в условиях свободного научного слова *ad fontes* к единому рассмотрению русской литературы в стране и за рубежом: «Русская литература живет сейчас как бы двойной жизнью, здесь и там. Но точка соприкосновения между ними все-таки есть... Советская и зарубежная литературы являются общерусскими» [2. С. 49—50].

Н. Кульман регистрирует количественный рост советской литературы. После смерти Блока, Брюсова, Гумилева и Есенина, при молчании Ахматовой он не видит никаких успехов в поэзии, но в прозе отмечает ряд талантов — Леонова, Булгакова, Зощенко, Федина, Пильняка, Бабеля, Катаева, Вс. Иванова, Соболя и Сейфуллину. Н. Кульман выделяет в советской прозе две тенденции — стремление к изображению гражданской войны и к бытовым зарисовкам. Именно в изображении быта и его деталей писатели могут относительно свободно выразить свое отношение к миру, хотя в обобщениях появляется фальшь даже у Леонова. Кульман понимает, что в условиях цензуры нельзя ожидать какого-либо открытого протеста, но можно иногда услышать «смех, пропитанный горечью, а иногда и безнадежностью: под видом шутки, в форме юмористического рассказа можно всегда сказать то, что в серьезном виде грозило бы карой» [2. С. 41]. Автор отмечает, что программу рапповцев не удается выполнять: не возникло «монументальное произведение, адекватное эпохе» и не удалось разорвать связи между современной и дореволюционной литературой. В прозе чувствуются отголоски Гоголя, Достоевского, Толстого, Лескова, Щедрина, но и Бунина, Ремизова и Шмелева.

В свою очередь отмечена активность русской литературы за рубежом, издания журналов и газет, возникновение ряда шедевров — «Митина любовь» и «Жизнь Арсеньева» Бунина, проза Шмелева, Ремизова, Зайцева, Куприна, Мережковского и Алданова. Автор утверждает, что эмигрантская литература «открыла новую страницу в истории русской литературы» [2. С. 45], причем она не интересуется бытом эмиграции, а, наоборот, стала более русской; в ней как бы исполнилось предсказание Достоевского и открылась способность быть одновременно «и русскими и людьми» [2. С. 47]. Эмигрантская литература продолжает развивать традиции русской классики, добилась международного признания настолько, что «никогда еще русская литература не имела такого распространения в мире, как сейчас» [2. С. 49]. Отметим, что Н. Кульман не замечает участия талантливых советских писателей в этом широком распространении русской литературы в

мире. Как раз те писатели, чей талант он признавал, переводились в Германии, Чехословакии и в других странах (Леонов, Федин, Вс. Иванов, Булгаков, Бабель, Зошенко и др.). Кульман констатирует, что среди литературной молодежи в советской России и в эмиграции пока не появилось ярких талантов, забывая, что ряд признанных им самим советских писателей можно было тогда считать молодыми: Леонов родился в 1899 г., Валентин Катаев в 1897, в конце столетия родились и Вс. Иванов, Зошенко, Сейфуллина, Бабель и Пильняк. Кульман, однако, прав, что талантливые творцы наталкиваются на «требование восхищаться пролетарским строительством и писать с марксистским подходом», что и «лишает творчество свободы» [2. С. 50]. Учитывая тот факт, что критическая оценка и обобщение современного литературного процесса — самая трудная и неблагоприятная часть работы литературоведа, следует отдать Кульману должное: с его оценками в сущности можно согласиться и сегодня.

На 1-ом съезде славистов в Праге был представлен также доклад И. Розенкранц, посвященный взаимоотношениям двух русских классиков — Тургенева и Салтыкова-Щедрина. обстоятельная позитивистская работа завершена осмыслением такого факта, что «неуживчивый» Тургенев так хорошо уживался с Салтыковым, между тем как к Толстому, Фету, Гончарову, Некрасову относился с неприязнью [4.П. s. 292—328].

З. Розова исследовала связь басен Крылова с баснями Сумарокова, убедительно доказав, что именно Сумароков является основоположником русской национальной басни, которую Крылов позднее усовершенствовал. Крылов русифицировал многие басни Лафонтэна по образцу Сумарокова, нередко и его словами (исследовательница приводит 11 басен, в которых Крылов находится под влиянием Сумарокова). Розова считает Сумарокова-баснописца объединяющим звеном между Кантемиром, Ломоносовым, Третьяковским и Крыловым [4.П. s. 328—343].

На том же съезде славистов выступил известный в Чехии П. Н. Савицкий с оригинальной темой «Местодействие в русской литературе (Географическая сторона истории литературы)», остановившись на отношении места действия произведения к месту жизни автора, на географической фантастике и подлинности, «модных» местах действия, «литературной колонизации» русской территории, месте действия былин и древнерусской литературы и т. д. [4.П. s. 346—349].

К русской классике обратился также С. Г. Вилинский, рассмотрев так называемый схематизм творчества, т. е. повторение сюжетов, имен и отдельных выражений в творчестве Салтыкова-Щедрина, Толстого, Чехова и других писателей [3. С. 247—259].

Некоторые русские исследователи, как эмигрантские, так и советские, обращались на съезде славистов и конференциях к более широким проблемам славянских литератур. Н. Державин, тогда ректор Ленинградского университета, освещал этимологию имени Перун в славянских языках [4.П. s. 45—49]. А. В. Флоровский, живший с 1923 до 1968 г. в Праге, изучал значение легенды о Чехе, Лехе и Русе [4.П. s. 52—54] для историографии и для осознания славянской взаимности в литературе. Также живший в Праге, известный классический филолог И. О. Панас посвятил одну из своих работ славянским травестиям «Энеиды» Вергилия [3. С. 293—299]. Он утверждает, что у чехов и поляков таких травестий нет, а у восточных славян они возникли под влиянием немецких и французских, но обрели русский (у Осипова), украинский (у Котляревского) или белорусский колорит. Мало разработанная до тех пор тема «Ю. Зейер и Россия» исследована К. Треймером на съезде славистов в Праге. Автор характеризует четыре пребывания Зейера в России (1873, 1880—1882, 1883, 1889), отмечает его знания по русской литературе и освещает его произведения, связанные с русской тематикой. Влияние русской литературы на Зейера отрицается, утверждается же, что писатель был скорее всего под влиянием русской среды, чем литературы [4.П. s. 399—405].

В. А. Францев в [6] выступил со статьей «Из истории славянской литературной взаимности. Коллар и русские ученые в Загребе» о пребывании О. М. Бодянского, И. И. Срезневского, П. И. Прейса и В. И. Григоровича в Загребе в 1840—1841 гг.,

когда там был и Коллар. Автор констатирует, что Коллар при жизни почти не был известен в России, зато Шафарика русские студенты знали больше, чем чехи, а русские ученые были связаны с учеными Праги, Брно и Оломоуца. Статья Францева — одна из многих его работ из области литературных взаимоотношений славянских народов. К этим проблемам обращается и Б. А. Евреинов в статье «Ю. Ф. Самарин в Праге в 1867—1868 гг.», где по материалам пражской полиции исследует связи этого идеолога славянофильства и философа с чешскими общественными деятелями.

Благодаря русским ученым прозвучали на 1-ом съезде славистов и некоторые методологические доклады. П. Н. Сакулин объяснил принципы своей социологической методологии в тезисах «Опыт социолого-синтетического построения истории литературы». Он говорил о содержании своих прежних книг и о печатающейся тогда книге «Русская литература. Социолого-синтетический обзор литературных стилей» [4.1. s. 343—346]. А. Н. Вознесенский представил доклад «Цели и методы сравнительного изучения славянских литератур», выступив против смешения историко-литературной и историко-общественной мысли, против понимания художественного произведения исключительно как отражения общественных настроений или документа времени. Автор ищет специфические приемы исследования литературы и настаивает на равноправии имманентного и исторического изучения литературных фактов. Нецелесообразным с точки зрения единой логики литературоведения он считает обособление славянских литератур и утверждает необходимость их изучения в сравнительном плане с другими литературами [4.1. s. 405—431].

Особой проблематикой, связанной с деятельностью русских ученых в Чехословакии, является перекличка их научных интересов с тематикой, которой занимались чешские ученые. Между русскими и чехами были близкие отношения, они сотрудничали в журналах, сборниках, на конференциях, в работе Русского народного университета, в Карловом университете и т. д. На первом месте по тематике можно упомянуть общий для русских и чехов интерес к Достоевскому. К нему часто обращался Т. Г. Масарик (см. [8]), много научных исследований посвятили ему И. Горак, Я. Махал, В. Тилле, А. Новак, Б. Матезиус и др. Эти и другие (Зд. Неедлы, Й. Ирасек, Ф. Вольман, А. Новак, И. Поливка) чешские ученые занимались также изучением творчества Толстого, Пушкина, межславянскими, в частности русско-чешскими литературными отношениями. Взаимодополняющее изучение русскими и чешскими учеными этих вопросов можно наблюдать прежде всего в совместных сборниках и в журналах (например, «Slavia»). Эта проблематика требовала бы специальной разработки.

Представленные нами литературоведческие исследования русских ученых в 20—30-е годы вызывают интерес по нескольким причинам: 1. Во многих случаях это продолжение исследований, проводившихся в России после того, как ученые получили благоприятные условия для такой работы за границей. 2. Они представляют собой значительный вклад в историю русского литературоведения. 3. На 1-ом съезде славистов в Праге вклад в науку внесли совместно и советские, и эмигрировавшие ученые. 4. Эти исследования весьма многообразны в методологическом отношении. 5. Это многообразие обусловлено свободой научной мысли в демократических условиях зарубежья. 6. Советские ученые, испытывающие в своей стране давление марксистской идеологии, в своих трудах, опубликованных в вышеупомянутых сборниках, не выходят за рамки научного изучения литературы и не поддаются упрощенным схемам, бытующим в литературной критике. 7. Тематика трудов русских исследователей, работавших в Чехословакии, часто перекликалась с работами их чешских коллег, между ними существовало сотрудничество в журналах, коллективных сборниках, в издательской деятельности, на совместных конференциях. Трудно резко разделить чешскую и русскую науку этого времени в стране, точнее было бы говорить о славистике, развивающейся на территории Чехословакии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Заградка М.* Научные труды Русского народного университета в Праге//Вопросы литературы. 1993. № 1. С. 337—345.
2. Труды 4-го съезда русских академических организаций за границей. Белград, 1929. Ч. 1.
3. Труды 5-го съезда русских академических организаций за границей. София, 1932. Ч. 1.
4. Sborník prací I. sjezdu slovanských filologů v Praze 1929 Praha, 1932.
5. O Dostojevském. Edice Slovanske knihovny. Praha, 1972. 358 S.
6. Сборник Русского института в Праге. Прага, 1929. Вып. 1.
7. Сборник Русского института в Праге. Прага, 1932. Вып. 2.
8. Studie o F. M. Dostojevském. Sborník, Praha, 1932.

© 1994 г. СИБИНОВИЧ М.

СЛАВЯНСКАЯ ОБЩНОСТЬ И МЕСТО ПОЭЗИИ РУССКОГО МОДЕРНИЗМА В СЕРБСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ СЕРЕДИНЫ XX ВЕКА

Идеи славянской общности и взаимности всегда оформлялись в контексте злободневных конфессиональных, государственно-политических или идеологических предпосылок, проблем и интересов. История развития концепций славянской общности и взаимности до конца XIX в. в науке в основном изучена и ее общественные, политические, культурологические, лингвистические и литературоведческие аспекты сегодня представляются достаточно ясными.

Однако как важный фактор формирования и развития национального самосознания ряда славянских народов — и входивших в конце XVIII — начале XIX в. в состав турецкой, германской и австро-венгерской империй, и находящихся в православной России — идеи и проблемы славянской общности и взаимности оказываются актуальными и в нынешнее время. Как известно, с конца XVIII в. вплоть до первой мировой войны эти идеи трактовались и как важный элемент, влияющий на распределение политических и экономических сил в европейском и мировом масштабах. Поэтому неудивительно, что и сегодня, в результате экономических и политических перемен в бывшем СССР в странах бывшего социалистического лагеря и в бывшей СФРЮ идеи и проблемы славянской взаимности снова становятся актуальными. В их трактовке, однако, очень часто проявляется грубая политизация, в силу которой возрождаются анахроничные для кануна XXI в. идеи, односторонне и недоброжелательно характеризуются все или отдельные славянские народы. В такой трактовке современных вопросов нетрудно обнаружить отголоски пангерманских, панисламских, панславянских и других устаревших идей, используемых в качестве доводов в локальных национальных междоусобицах.

Это побуждает в настоящий период осознать особую нравственную ответственность славистики. Знание и объективная научная истина о прошлом — основа для понимания современности и лучшее средство защиты от любых ложных, порой опасных для жизни народа национальных концепций. Среди них — с одной стороны — преувеличение значения славянской традиции, противопоставляемой достижениям западноевропейской культуры, или — с другой стороны — решительный «поворот к Европе» и разрыв со славянской культурной традицией, отождествляемой с отсталостью и материальной бедностью общества.

По существу это возрождение концепций западничества и славянофильства,

особенно остро противостоящих друг другу с 40-х годов XIX в. в России и в других славянских странах. Основным толчком для возрождения этой конфронтации послужили разочарование в результатах социалистических революций и разрыв с марксистской теорией построения социализма и коммунизма.

Современные западники утверждают, что большевистские социалистические революции оказались возможны прежде всего в экономически и культурно отсталых славянских государствах, особенно в тех, которые исторически развивались в рамках византийско-православной культуры, не лишенной и черт азиатской цивилизации, оставленных восточным и южным славянам в наследие от средневековых татаро-монгольских и турецких завоеваний. В соответствии с концепциями современных славянофилов, однако, все несчастья, пережитые в XX в. русским и другими славянскими народами, явились прямым следствием губительного удаления от традиционных норм славянской общественной жизни. Этот отход, обусловленный бурными событиями XV, и особенно XVI и XVII вв., усилился благодаря процессу европеизации, начатому реформами Петра Великого. Первые плоды «злого семени» европеизации русской жизни связаны с восстанием декабристов 1825 г. Но главным урожаем этого «злого семени», сдобренного западноевропейскими социалистическими идеями — оказались Октябрьская и другие социалистические революции со всеми последующими событиями периода «строительства коммунизма». Характерно также, что приверженцы обеих противопоставленных концепций часто оперируют и «теорией международных заговоров» против всех или отдельных славянских народов.

Разрешение всех этих вопросов, конечно, превосходит возможности литературоведа. Но история литературы как часть истории культуры может и должна сделать свой вклад в поиски истины. Следующий историко-литературный пример, относящийся к сербско-русским литературным связям XX в., противоречит обеим вышеупомянутым концепциям — и славянофильской и западнической.

В историко-литературных обзорах, посвященных современной сербской литературе, обычно утверждается, что с начала 50-х годов, после Резолюции Информбюро 1948 г., сербская литература в борьбе против догматического социалистического реализма, возвращается к традициям сербского довоенного сюрреализма и черпает вдохновение в литературе западноевропейского авангарда XX в. [1—2].

Историко-литературный материал, однако, свидетельствует о том, что в процессе возвращения сербской поэзии на магистральные пути европейской и мировой литературы важное место занимала и рецепция русской литературы. В некоторых литературоведческих работах уже был отмечен большой интерес к лирике С. Есенина. Мы предполагаем остановиться на ряде других важных фактов из истории литературных связей, пока остающихся незамеченными.

Во-первых, благодаря вышедшему в 1952 г. в Белграде переводу поэмы «Облако в штанах» молодого сербского писателя Боры Чосича произошло «открытие» авангардной футуристской поэзии В. Маяковского, разрушение уже устоявшегося одностороннего понимания Маяковского как представителя советской официальной литературы [3]. В литературоведческих работах пока не уделено должного внимания и тому, что один из ведущих авторов сербского довоенного авангарда Ст. Винавер именно в 1953 г. опубликовал новый вариант своего довоенного перевода поэмы А. Блока «Двенадцать». Эта поэма, содержащая ряд важных черт поэтики символизма, в переводческой интерпретации Винавера обрела и черты поэтики экспрессионизма. Важным для постижения современного искусства и освоения поэтики авангардных литературных течений стал также перевод «Охранной грамоты» Б. Пастернака (Белград, 1958). Но наиболее существенным событием в сербской литературной жизни стало появление антологии «Русская современная поэзия» (Белград, 1961), в которой были блестяще представлены произведения русской «параллельной», неофициальной поэзии в переводах ведущих сербских поэтов (С. Винавер, О. Давичо, Б. Чосич, С. Маркович, Б. Милькович, Д. Киш, Б. Вукович) и переводчиков-профессионалов (М. Пешич,

П. Вуичич и др.). Многие из этих переводов публиковались и до появления антологии, например, Б. Милькович в 1959 и 1960 гг. печатал в сербских журналах свои переводы стихов В. Брюсова, А. Белого, О. Мандельштама и Б. Пастернака.

В 60-е годы на сербском языке выходят отдельные книги стихов многих выдающихся русских поэтов — О. Мандельштама (1962), А. Ахматовой (1962), В. Маяковского (1963), В. Хлебникова (1964), Б. Пастернака (1966, 1969), В. Брюсова (1968) и Н. Заболоцкого (1968). Такой интерес к современной поэзии первых десятилетий XX в., замалчиваемой в 30-е годы, подготовил почву и для переводов русских поэтов послевоенного поколения — Б. Ахмадулиной, А. Вознесенского и И. Бродского. Сборник стихов будущего лауреата Нобелевской премии И. Бродского в переводе сербского поэта М. Данойлича был признан лучшей переводной книгой в Сербии еще в 1971 г.

О масштабах рецепции русских поэтов XX в. лучше всего свидетельствуют издания на сербском языке многотомных собраний сочинений С. Есенина (в 5-ти и 6-ти т.), В. Маяковского (в 5-ти т.), Б. Пастернака (в 5-ти т.) и М. Цветаевой (в 3-х т.). О месте русских поэтов XX в. в сознании и в творческом опыте ведущих современных сербских поэтов также свидетельствует и участие в переводах Винавера, Зоновича, Давичо, Д. Максимович, С. Марковича, Раичковича, Мильковича, Д. Киша, Данойлича, Бечковича, Шуицы, Л. Симовича, Б. Петровича, Пуслоича и др.

Эти факты литературной жизни позволяют предполагать и внутренние творческие связи сербских поэтов с русской поэзией XX в. Эта область, к сожалению, до сих пор мало исследована. Однако есть основания полагать, что будущие литературоведческие исследования адекватно осветят далеко не второстепенное место русской поэзии в сербской литературе данного периода.

Об этом свидетельствуют, в частности, факты из творческой деятельности одного из ведущих сербских поэтов поколения 50-х годов Б. Мильковича. П. Палавестра пишет о нем: «Поэт с хорошим образованием и большим талантом, ученик французских и русских символистов, который прошел и школу сюрреализма, Милькович в послевоенную сербскую поэзию... внес утонченную... лирику, вдохновленную традицией Маларме и Валери» [2. S. 168]. Нет никакого сомнения в том, что наследие Маларме и Валери, вошедшее в основу современной европейской поэзии, было известно Мильковичу и повлияло на него. При этом более близкое знакомство с творчеством сербского поэта выявляет целый ряд данных, корректирующих характеристику Палавестры.

Например, Милькович еще во время своей учебы в гимназии, в 1953 г., перевел «Облако в штанах» (этот перевод опубликован в посмертном издании собрания сочинений сербского поэта). Занимаясь художественным переводом до конца своей жизни, Милькович несомненно больше переводил русскую, чем французскую поэзию. С французского языка он перевел 35 стихотворений (среди них — только 2 стихотворения Маларме и 1 Валери). С русского же — 139 стихотворений и 2 поэмы. Палавестра справедливо указывает на переводы Мильковича из русских символистов (среди опубликованных 43 стихотворения Брюсова, 5 Белого и 13 Блока), однако еще большее внимание Милькович уделил русским акмеистам и поэтам, творившим в рамках других постсимволических поэтик — он перевел 1 поэму Маяковского, 56 стихотворений Мандельштама, 14 стихотворений и 1 поэму Пастернака и 9 стихотворений Мартынова [4. Кнj. 3]. В своем интервью 1960 г. белградскому еженедельнику «НИН», Милькович говорил и о своей переводческой работе над поэзией Хлебникова [4. Кнj. 4. S. 261].

Вышеизложенное показывает, что в период восстановления естественного процесса развития литературы (этот период и в общеславянском масштабе связан с началом активного сопротивления социалистическому реализму) и обращения к западноевропейским эстетическим течениям, сербская поэзия (как часть тогдашней югославской литературы) черпала вдохновение, в частности, и в не признаваемой официальной советской литературной критикой и наукой русской

литературе. Позже это отмечалось и относительно других славянских литератур, прежде всего польской, а затем чешской.

Корни такой ориентации надо видеть, по всей вероятности, в том, что всегда служило основой славянской общности и взаимности — в родстве языков, духовной близости и сходстве путей исторического развития. В рассматриваемом случае особенно важную роль сыграла родственность языков, которая позволила более широкому кругу молодых сербских поэтов читать в подлиннике и переводить русскую авангардную поэзию (следует учитывать, что в первые послевоенные годы возможности серьезного изучения западноевропейских языков в рамках системы образования были весьма ограничены).

Еще одним фактором, способствовавшим интересу в Сербии 50—60-х годов к русской поэзии послужила деятельность русской эмиграции. Среди почти семидесяти тысяч беженцев из России, принятых после Октябрьской революции в Королевстве СХС (позже Югославии), было немало писателей, художников, актеров, музыкантов, литературоведов и публицистов, которые еще в довоенный период способствовали знакомству сербской общественности с достоинствами русской литературы, не укладываясь в догматические трафареты новой советской литературной истории, критики и эстетики. Интерес к русскому неофициальному искусству в 50—60-е годы в Сербии возрастал и благодаря постоянному вниманию к русскому авангарду и к диссидентской литературе в ряде стран Западной Европы и Америки, также отчасти обусловленному систематической деятельностью старой и новой эмиграции.

Наконец, важно отметить, что обращение сербской поэзии к авангардным литературным поэтикам, которые не являются специфически славянскими, в данном случае осуществлялось именно в процессе взаимодействия двух славянских культур.

Приведенные факторы показывают, что славянские литературы и в XX в., обладая несомненными национальными особенностями, являются одновременно и неотделимой частью европейского и мирового литературного процесса. Они свидетельствуют и о том, что славянофильские и западнические крайности являются идеологизированными схемами, не находящими своего подтверждения в области исторической и культурной реальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Lukić S.* Savremena jugoslovenska literatura (1945—1965). Beograd, 1968.
2. *Palavestra P.* Posleratna srpska knjizevnost (1945—1970). Beograd, 1972.
3. *Majakovski V.* Novi oblak u pantalonama. Beograd, 1963. S. 3.
4. *Miljković B.* Sabrana dela. Nis. 1972.

К ПОНЯТИЮ ФУНКЦИИ В ЯЗЫКЕ КУЛЬТУРЫ

Язык и культура: общее и различное. Применение лингвистических понятий и терминов в культурологии уже доказало свою продуктивность. Стало привычным говорить не только о языке (языках) культуры, но и о культурных текстах, о грамматике (морфологии и синтаксисе) обрядов, фольклорных текстов (ср. хотя бы проповедскую морфологию сказки), о семантике, прагматике единиц и текстов культуры, о парадигмах культуры, о переводимости с языка одной культуры на язык другой культуры и т. д. Применимость этих лингвистических понятий (а некоторые из них не являются специфически лингвистическими, как, например, *морфология, структура*) к материалу культуры объясняется тем, что естественный язык и культура имеют общую семиотическую природу, т. е. являются системами знаков, из конечного числа которых строятся бесконечное множество текстов.

Есть, однако, и существенные отличия между языком и культурой как знаковыми системами. К ним прежде всего надо отнести неодинаковый характер используемых ими знаков. Если знаки естественного языка (слова, морфемы, грамматические формы и т. д.) являются специальными языковыми единицами, не имеющими других применений, то культура широко пользуется также и знаками, имеющими и другие, не специальные значения. Так, в обрядах употребляются предметы обихода, такие как хлебная лопата, борона или веник. Действия, входящие в обрядовый текст, также могут быть и обычно бывают не специально обрядовыми, а вполне практическими, как бег, обход, выбрасывание, сжигание, обливание водой и т. д. Они приобретают знаковую функцию вторично, в составе обряда, в системе культурного языка. Значительно меньше в языке культуры знаков «первичных», т. е. не имеющих утилитарного применения, а создающихся специально в культурных целях. Таковы, например, так называемые ритуальные предметы — свадебное деревце, коровай, венок, жатвенная «борода», куклы и чучела и т. д.

Другим важным отличием языка культуры от естественного языка является то, что знаки языка культуры гетерогенны, т. е. имеют разную природу и субстанцию даже в пределах одного, например, обрядового, текста. Это могут быть реалии — вещи, лица, действия, природные объекты и материалы (вода, земля, дерево, животные), но могут быть и языковые, вербальные элементы — термины, имена, тексты, музыкальные формы и т. п. Разное отношение знаков к действительности и к тем, кто ими пользуется, в естественном языке и в языке культуры, т. е. их разная семиотическая природа, безусловно, отражается и на их семантике, прагматике и функциях.

литературе. Позже это отмечалось и относительно других славянских литератур, прежде всего польской, а затем чешской.

Корни такой ориентации надо видеть, по всей вероятности, в том, что всегда служило основой славянской общности и взаимности — в родстве языков, духовной близости и сходстве путей исторического развития. В рассматриваемом случае особенно важную роль сыграла родственность языков, которая позволила более широкому кругу молодых сербских поэтов читать в подлиннике и переводить русскую авангардную поэзию (следует учитывать, что в первые послевоенные годы возможности серьезного изучения западноевропейских языков в рамках системы образования были весьма ограничены).

Еще одним фактором, способствовавшим интересу в Сербии 50—60-х годов к русской поэзии послужила деятельность русской эмиграции. Среди почти семидесяти тысяч беженцев из России, принятых после Октябрьской революции в Королевстве СХС (позже Югославии), было немало писателей, художников, актеров, музыкантов, литературоведов и публицистов, которые еще в довоенный период способствовали знакомству сербской общественности с достоинствами русской литературы, не укладывавшейся в догматические трафареты новой советской литературной истории, критики и эстетики. Интерес к русскому неофициальному искусству в 50—60-е годы в Сербии возрастал и благодаря постоянному вниманию к русскому авангарду и к диссидентской литературе в ряде стран Западной Европы и Америки, также отчасти обусловленному систематической деятельностью старой и новой эмиграции.

Наконец, важно отметить, что обращение сербской поэзии к авангардным литературным поэтикам, которые не являются специфически славянскими, в данном случае осуществлялось именно в процессе взаимодействия двух славянских культур.

Приведенные факторы показывают, что славянские литературы и в XX в., обладая несомненными национальными особенностями, являются одновременно и неотделимой частью европейского и мирового литературного процесса. Они свидетельствуют и о том, что славянофильские и западнические крайности являются идеологизированными схемами, не находящими своего подтверждения в области исторической и культурной реальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Lukić S.* Savremena jugoslovenska literatura (1945—1965). Beograd, 1968.
2. *Palavestra P.* Posleratna srpska književnost (1945—1970). Beograd, 1972.
3. *Majakovski V.* Novi oblak u pantalonama. Beograd, 1963. S. 3.
4. *Miljković B.* Sabrana dela. Nis. 1972.

К ПОНЯТИЮ ФУНКЦИИ В ЯЗЫКЕ КУЛЬТУРЫ

Язык и культура: общее и различное. Применение лингвистических понятий и терминов в культурологии уже доказало свою продуктивность. Стало привычным говорить не только о языке (языках) культуры, но и о культурных текстах, о грамматике (морфологии и синтаксисе) обрядов, фольклорных текстов (ср. хотя бы проповедскую морфологию сказки), о семантике, прагматике единиц и текстов культуры, о парадигмах культуры, о переводимости с языка одной культуры на язык другой культуры и т. д. Применимость этих лингвистических понятий (а некоторые из них не являются специфически лингвистическими, как, например, *морфология, структура*) к материалу культуры объясняется тем, что естественный язык и культура имеют общую семиотическую природу, т. е. являются системами знаков, из конечного числа которых строится бесконечное множество текстов.

Есть, однако, и существенные отличия между языком и культурой как знаковыми системами. К ним прежде всего надо отнести неодинаковый характер используемых ими знаков. Если знаки естественного языка (слова, морфемы, грамматические формы и т. д.) являются специальными языковыми единицами, не имеющими других применений, то культура широко пользуется также и знаками, имеющими и другие, не специальные значения. Так, в обрядах употребляются предметы обихода, такие как хлебная лопата, борона или веник. Действия, входящие в обрядовый текст, также могут быть и обычно бывают не специально обрядовыми, а вполне практическими, как бег, обход, выбрасывание, сжигание, обливание водой и т. д. Они приобретают знаковую функцию вторично, в составе обряда, в системе культурного языка. Значительно меньше в языке культуры знаков «первичных», т. е. не имеющих утилитарного применения, а создающихся специально в культурных целях. Таковы, например, так называемые ритуальные предметы — свадебное деревце, коровай, венок, жатвенная «борода», куклы и чучела и т. д.

Другим важным отличием языка культуры от естественного языка является то, что знаки языка культуры гетерогенны, т. е. имеют разную природу и субстанцию даже в пределах одного, например, обрядового, текста. Это могут быть реалии — вещи, лица, действия, природные объекты и материалы (вода, земля, дерево, животные), но могут быть и языковые, вербальные элементы — термины, имена, тексты, музыкальные формы и т. п. Разное отношение знаков к действительности и к тем, кто ими пользуется, в естественном языке и в языке культуры, т. е. их разная семиотическая природа, безусловно, отражается и на их семантике, прагматике и функциях.

Два значения слова «функция». Понятие «функция» не относится к собственно лингвистическим. Это одно из основных логико-философских понятий, сопоставимое с такими общими категориями, как признак, объект, предикат и т. п. Поэтому нередко проблема функции кажется слишком абстрактной и мало продуктивной, а ее обсуждение мало результативным. Действительно, несмотря на огромную литературу, посвященную проблеме функции, гуманитарная наука мало продвинулась в понимании ее природы и ее отношения к другим категориям. Но в ходе обсуждения этой проблемы и дискуссий на эту тему обычно удается прояснить многие более частные вопросы.

Слово «функция» употребляют в двух главных значениях (помимо многих специальных), одно из которых можно условно назвать обиходным, так как оно свойственно и повседневному употреблению, а другое — специальным, или логико-математическим. В первом случае имеются в виду роль, назначение, характерное применение или действие объекта (например, функция ножа — резать, функция учителя — учить, функция газеты — распространять информацию и т. п.). Именно в этом, обиходном смысле употребляется обычно слово «функция» в лингвистике и культурологии. Другое, специальное значение слова «функция» известно всем из школьной математики: тип связи, соотношения, зависимости двух или нескольких объектов, при котором изменение одного из них влечет за собой изменение другого (других). В лингвистике, где понятие функции, функциональный подход к языку и различные виды функциональных грамматик получили широкое применение и развитие, господствует именно первое, совпадающее с обиходным истолкование функции.

«Носители» функций. Для определения и толкования функции очень важен вопрос о том, что является и что может быть «носителем» функции, что может иметь функцию в языке или культуре. В лингвистике в качестве носителей функций рассматриваются следующие четыре сущности: 1. язык в целом, т. е. система языка, 2. отдельные элементы, единицы этой системы, 3. тексты (или высказывания) и 4. языковая деятельность или языковая практика всего общества. Функции, принадлежащие разным сущностям, различны, в основе их определения и классификации лежат разные признаки.

Польская исследовательница Р. Гжегорчикова, недавно предложившая новое определение и систематизацию языковых функций [1], говоря о функциях языка как системы, называет две основные — порождающую (или генеративную), т. е. функцию производства текстов из элементов языкового кода, и познавательную (или когнитивную), т. е. способность языка членить, обозначать и обобщать действительность, создавать то, что называется «языковой картиной мира». Традиционно приписываемая языку коммуникативная функция, т. е. способность служить средством общения, по мнению Гжегорчиковой, с которым я вполне согласна, принадлежит не языковой системе, а высказываниям (текстам) и языковой деятельности людей.

В схеме Гжегорчиковой вообще не рассматриваются функции единиц языка. Между тем именно они прежде всего изучаются в функциональной лингвистике, устанавливающей соответствие между единицами смысла и формальными средствами их выражения. По-видимому, главными функциями единиц языковой системы можно считать знаковую, или семантическую, т. е. их способность быть носителем того или иного смысла, и структурную, т. е. их способность быть компонентом, строительным материалом для единиц более высоких уровней самого языка или текстов на этом языке.

Больше всего внимания уделила Р. Гжегорчикова функциям высказываний и текстов, функциям, которые она определяет как коммуникативные. Действительно, если система языка и составляющие ее единицы — это что-то вроде склада или банка имеющихся средств, то высказывание (или текст) — категория сугубо коммуникативная, привязанная к определенному отправителю (адресанту) сообщения (говорящему), определенному адресату сообщения, т. е. слушающему, определенному месту и времени языкового контакта, характеризующаяся опре-

деленной целью и т. п. Функции высказываний делятся на сознательные, т. е. связанные с конкретной целью, и бессознательные, т. е. не осознаваемые говорящим. Первые могут быть информационными (их цель — передача информации, сообщения), импрессивными (их цель — воздействие на слушателя, побуждение его к какой-либо деятельности или внушение ему какого-то мнения), творческими (создание художественных произведений, собственного художественного мира) и, наконец, они могут быть так называемыми перформативами, т. е. высказываниями, являющимися действием (таковы, например, вербальные ритуалы — проклятия, заклинания, молитвы; к этому же типу относятся этикетные формулы — приветствия, поздравления и т. п.). Высказывание может не только воздействовать на адресата и не только сознательно выражать эмоции говорящего, но и «выдавать» состояние или какие-то качества говорящего, а также воздействовать на адресата помимо или даже вопреки воле говорящего. Функции таких высказывания Гжегорчикова определяет как бессознательные.

Остаются еще две фундаментальные функции, которые традиционно приписывались системе языка, но при более внимательном их рассмотрении справедливо были истолкованы как функции не системы, а всей совокупной языковой деятельности. Это так называемая социальная, или коммуникативная, функция, т. е. функция общения, и культурная функция, т. е. способность передавать и хранить культурную традицию.

Большую известность и признание получила классификация языковых функций, предложенная Р. О. Якобсоном [2]. Он выделял шесть основных функций, среди которых есть функции, принадлежащие системе языка, например, референтивная, т. е. функция «отражения действительности», и функции прагматического характера, принадлежащие высказыванию или тексту (таковы экспрессивная, направленная на адресата; фактическая, или контактоустанавливающая, контролирующая сам акт коммуникации). Якобсон называл еще две функции — метаязыковую, направленную на саму систему языка, на код, с помощью которого осуществляется языковое общение, и поэтическую функцию, направленную на само сообщение (текст, высказывание). Таким образом, у Якобсона совсем не упомянуты функции отдельных элементов, единиц языка (так называемые внутренние функции), а внешние, прагматические функции высказываний, направленные на участников акта коммуникации или на саму действительность, представлены обобщенно. То, что у него названо конативной функцией, с точки зрения лингвистической прагматики и теории речевых актов (активно развивающихся направлений современной лингвистики) представляет собой целый пучок функций: это побуждения, приказы, просьбы, вопросы и т. д. Работа Гжегорчиковой, на которую я ссылаюсь, уточняет и развивает теорию языковых функций именно в этом отношении.

Таким образом, природа, характер, тип функции различны в зависимости от того, чему эта функция принадлежит — системе языка (коду), отдельной единице этой системы или высказыванию, тексту.

Насколько все сказанное о функциях языка применимо к культуре, к языку культуры, отдельным элементам культурного кода и текстам культуры?

Одним из наиболее сложных теоретических вопросов, имеющих отношение и к языку, и к культуре, является соотношение понятий функции и семантики. Когда речь идет о тексте или высказывании, различие между ними представляется достаточно очевидным. Лингвистическая прагматика убедительно показала, что содержание текста (так называемое пропозициональное содержание, или локуция), взятое вне коммуникативной ситуации, может существенно расходиться с его прагматическим значением (или иллокуцией). Например, выражение «Я с утра ничего не ел» имеет форму ненаправленного сообщения, констатирующего некий факт, а в действительности, в конкретной коммуникативной ситуации может быть прямым побуждением адресата накормить говорящего или просьбой об этом. Слова учителя, обращенные к ученику, — «Я поговорю с твоими родителями» — могут быть обещанием, предупреждением, угрозой или просто сообщением.

Здесь очевидно, что семантика и прагматическая функция — разные вещи. То же, безусловно, верно для культурных, в частности, фольклорных текстов. Мы знаем, что повествовательный текст может быть заклинанием, заговором и т. п.; «буквальный» смысл обрядовых действий может быть никак не связан с их функцией (ср., например, выбрасывание из дома хлебной лопаты с целью отогнать надвигающуюся градовую тучу).

Иначе выглядит отношение между семантикой и функцией, когда речь идет об отдельных единицах кода. Очевидно, что прагматической цели и функции они не могут иметь вне ситуации общения (ритуала). Как элементы кода они обладают лишь общей знаковой функцией и структурной функцией, т. е. способностью входить в состав более сложных единиц или текстов.

Попробуем сравнить, например, дерево как единицу языкового кода (системы языка), т. е. слово *дерево*, с деревом как единицей культурного языка, входящей в его предметный код. И в том, и в другом случае мы имеем дело не с физическим деревом как элементом окружающего нас мира, а со знаком. Но в языке субстанцией знака будет звуковая оболочка (или графическая последовательность), а в языке культуры (например, в обряде) этот знак будет манифестироваться реальным деревом, которое в обряде будут, например, обвязывать соломой, которому будут угрожать топором, на которое повесят рубаху больного, под которое закопают умершего некрещеным младенца и т. п.

Семантика слова *дерево* и семантика культурного знака «дерево» будут совпадать в своей референции (или денотации), т. е. в том, что им соответствует в реальной действительности: и слову, и культурному знаку соответствует множество (совокупность) реальных деревьев; но они будут существенно расходиться в том, что относится к другой зоне семантической характеристики, так называемой сигнификативной части, или интенционалу значения. Семантика слова *дерево* может быть выражена в его словарной дефиниции, где должны быть отмечены те признаки понятия или «образа» дерева, которые релевантны для языкового узуса. Можно взять толковый словарь, и данное там определение в принципе должно служить как бы семантической формулой слова («в принципе» и «должно» — потому что в имеющихся словарях дефиниции далеки от строгого представления логической структуры понятия).

Есть ли семантика у реального дерева? Конечно, нет, у него есть только утилитарные, или реальные, функции по отношению к человеку. Но вот у дерева как культурного знака, безусловно, есть семантика. Как я уже сказала, ее денотативное ядро совпадает с ядром слова *дерево*, а сигнификативная часть — совсем другая, имеющая символическую природу. Символическая (культурная) семантика тоже может быть выражена в форме дефиниции, т. е. некоторой формулы, толкования, отмечающего релевантные культурные признаки. Для «дерева» это могут быть символические значения: 1) вертикали, соединяющей земной и верхний, небесный мир; 2) роста и плодородия, 3) метафора человека (ср. запреты сажать определенные виды деревьев у дома или рубить некоторые виды деревьев), 4) значение сакрального или демонического локуса и т. д.

Можно возразить, что все эти символические значения принадлежат также и слову *дерево*, поскольку данная единица культурного языка не имеет другого, отличного от общеязыкового, выражения. Совершенно верно, языковая семантика в полном объеме и соответствующая полная дефиниция, безусловно, должны включать, кроме названных собственно языковых семантических зон — денотативной и сигнификативной, еще и зону культурных (символических) значений. С проблемой разграничения языковой (в узком смысле слова) и культурной семантики мы постоянно сталкиваемся в работе над Этнолингвистическим словарем славянских древностей, где для каждой выделенной нами единицы культурного языка (будь то предмет, действие, лицо, признак и т. д.) стараемся найти семантическую формулу, отражающую релевантные символические значения реалии.

Так в общих чертах выглядит вопрос о семантике отдельных элементов языка культуры. Что же можно сказать об их функциях?

Как и в языке, функции этих элементов имеют коммуникативную (прагматическую) природу, т. е. связаны с тем, кто, как, когда, где, с какой целью их использует. Перечисленные выше способы обрядового обращения с деревом могут быть истолкованы как ритуальные функции этого элемента предметного кода. Их можно записать в Словаре, ввести в дефиницию, они будут представлять собой обобщение всех тех «текстов» (т. е. обрядов, верований, норм, запретов и т. п.), в которых данный элемент приобретает ту или иную функцию. Мы как бы вычленим каждую функцию из конкретных текстов и «собираем» их в словарной дефиниции. Более того, из этого в конечном счете «вычленяется» и семантика этих единиц.

Такие функции одновременно являются структурными, поскольку от них зависит вхождение элементов культурного кода в структуру текста и их сочетаемость с другими элементами — лицами, действиями и т. д. Они в какой-то степени аналогичны структурным функциям языковых единиц, таким, как функция существительных быть субъектом, подлежащим или прямым объектом. Но в языке структурные (внутренние) функции носят более обобщенный, абстрактный характер и принадлежат не индивидуальным единицам, а классам единиц, а кроме того, они не имеют столь тесной связи с семантикой. Действительно, ритуальные функции «дерева» прямо зависят от его символической семантики (забрасывание предметов, например, венков, на дерево прямо опирается на представление о нем как о медиаторе между небом и землей, отсюда идея «отправления» по дереву вверх; запрет рубить — на представление о дереве как заместителе человека и т. п.).

Полифункциональность и изофункциональность. Поскольку ритуальные функции базируются на символической семантике (предмет используют в обряде тем или иным образом, потому что ему приписываются те или иные символические значения), а символических значений у предмета или другого элемента культурного кода может быть несколько (ср. выше о дереве; значения зеркала как открытой границы между земным или потусторонним миром, с одной стороны, и как женского атрибута — с другой; значения веретена как острого, колющего предмета и как женского атрибута и т. п.), то и ритуальных функций может быть несколько у одной и той же единицы языка культуры. Например, зеркало может подвешиваться в хлеву в качестве оберега скотины, может использоваться в гаданиях для установления контакта с потусторонним миром, может служить украшением свадебного убранства невесты и т. д.; веретено может служить орудием оберега, лечения, любовной магии, а может быть орудием злых духов, демонов, порчи и колдовства (у сербов веретеном «помешивают» яйца, когда подкладывают их под наседку, чтобы вывелось больше курочек; веретена запрещают оставлять в доме в праздники, считая, что иначе змеи будут встречаться в лесу, и т. п.). Примеров такой полифункциональности и полисемии (т. е. многозначности) единиц культурного кода можно было бы привести множество, они хорошо известны. В основе этой полифункциональности лежит возможность актуализации, т. е. выделения и наделения символическим значением разных свойств реальных предметов и явлений окружающего мира, используемых в качестве культурных знаков. У веретена это могут быть свойства заостренности, вращения, принадлежности к женскому ремеслу; у веника (метлы) — такие признаки, как «сухой», «связанный», «соприкасающийся с мусором», «удаляющий нечистоту» и т. п.

С другой стороны, подобно языковой синонимии, в языке культуры широко представлена символическая синонимия и изофункциональность, т. е. свойство разных единиц иметь одни и те же символические значения и выступать в одних и тех же ритуальных функциях. Так, для оберега скота в хлеву может вывешиваться не только зеркало, но и убитая сорока, серп, коса, крапива, щепки от разбитого молнией дерева, мужские штаны и т. п. Битье в качестве средства,

вызывающего плодородие, может быть изофункционально обливанью водой или обсыпанию зерном и т. п. В функции «женских» символов могут выступать веретено, зеркало, кольцо, лента, венок и многие другие предметы. Каждый такой синонимический и функциональный ряд, в который входит данный элемент культурного кода, характеризует его в каком-то одном, определенном отношении, актуализирует одно из его символических значений или одну из его ритуальных функций. В целом же его семантическая и функциональная характеристика «извлекается» из всей совокупности таких рядов, или парадигм.

Функции культурных текстов. Если теперь от уровня единиц культурного кода перейти к уровню текстов, то вопрос об их функциях также может быть рассмотрен в свете лингвистической прагматики, теории актов речи и речевых жанров М. М. Бахтина. Действительно, как правило, определенную структурную или прагматическую функцию имеет не индивидуальный, конкретный текст, а класс или тип текстов, обладающих общими семантическими и формальными (структурными) признаками. Функция культурного текста, независимо от того, в каком субстанциональном коде он выражен, определяется целью (или интенцией) исполнителей (обряда или фольклорного, музыкального произведения), но это не индивидуальные, личные цели (по крайней мере для традиционной народной культуры архаического типа), а цели ритуализованные, освященные традицией и как бы введенные в прагматическую рамку текста. Можно принять (условно), что каждой цели соответствует функция. Например, если цель исполнения текста или совершения ритуала — отгон злых сил, то соответствующий текст или обряд имеет отгонную функцию. Если цель — благополучие, богатство дома, или новорожденного, или молодоженов, то соответствующим текстам можно приписать магическую функцию наделения благами и т. п.

Применительно к текстам понятие полифункциональности носит несколько иной характер, чем в случае отдельных единиц. Текст полифункционален не только в том смысле, что он может в разных контекстах иметь разные функции (в этом отношении он не отличается от единицы кода), но и в том смысле, что в одном и том же контексте и в одной и той же прагматической (ритуальной) ситуации он одновременно может иметь несколько последовательных, иерархически упорядоченных целей и функций. Так, он может иметь и структурную функцию (например, служить сигналом окончания того или иного акта или обряда или средством получения вознаграждения), и содержательную (например, благопожелательную). Но и чисто содержательные функции могут наслаиваться друг на друга (или «вкладываться» друг в друга). Мне уже приходилось говорить о вербальном ритуале приглашения мороза, стихий и животных на рождественский ужин [3]. Текст приглашения и сам ритуал имеют целью (и это его функция) добиться прихода приглашаемого персонажа на совместную трапезу. Но одновременно преследуется и более отдаленная и более важная цель — предотвратить приход мороза летом, когда он может повредить посевам. Следующая, еще более абстрактная функция этого текста (точнее, вербального ритуала) — защитить урожай полей; а затем и конечная, самая абстрактная функция, функция всякого ритуала — сохранение жизненного порядка в целом.

Другая польская исследовательница, Анна Энгелькинг, предложила разделить все вербальные ритуалы по функциональному признаку на: 1) ритуалы созидательные, или «создающие», то или иное желаемое положение вещей в мире (например, богатство и благополучие молодоженов, здоровье новорожденного ребенка, благодатный дождь, обильный приплод скота и т. д.), имеющие заклинательную функцию; 2) ритуалы охранительные, которые, в свою очередь, делятся на ритуалы «избегания» опасных контактов (например, произнесения тех или иных слов, совершения определенных действий) и ритуалы предотвращения, нейтрализации злых сил, т. е. более активные действия, препятствующие наступлению нежелательных событий или состояний (например, для предупреждения сглаза втыкается иголка в подол, берется с собой нож, соль, уголь, произносится словесный оберег и т. п.); 3) ритуалы, снимающие порчу (заговоры)

[4]. Интенция, цель и функция первых — вызвать, создать определенное желаемое положение вещей, вторых — избежать нежелательного состояния или предотвратить его, проявив определенную активность, а третьих — устранить уже наступившее нежелательное, неблагоприятное положение вещей. (Иначе говоря, сделать так, чтобы: 1) было то, чего нет; 2) не было того, чего нет; 3) не было того, что есть.)

Очевидно, что это деление носит весьма общий характер и в таком виде охватывает все логические возможности определения прагматических функций ритуала по отношению к действительности и оказывается приложимым не только к словесным ритуалам, но и к ритуалам вообще. Если подключить к этой схеме оценку тех состояний, которые мыслятся как результаты совершаемых ритуальных действий, то каждый из трех типов разделится на два полярных — положительный и отрицательный. «Создающие» ритуалы могут создавать нечто «хорошее» по отношению к адресату, но могут и преследовать цель нанесения вреда. Предотвращение может быть предотвращением «плохого» (тогда это оберег) или предотвращением «хорошего» (тогда это вредительство). Наконец, устранение «плохого» — это положительная функция, а устранение «хорошего» — отрицательная («лишение»).

Столь абстрактное определение функций, конечно, недостаточно, но оно необходимо. В пределах этой логико-прагматической схемы должны быть определены более конкретные и более содержательные типы и виды функций культурных текстов; но они будут носить не логический, а предметный характер, т. е. будут подразделять ритуалы соответственно тем сферам жизни (действительности), которых они касаются (ср. традиционные типы магических ритуалов — земледельческая магия, скотоводческая магия, метеорологическая магия и т. д.).

Все сказанное носит предварительный характер и, разумеется, нуждается в проверке, углублении и развитии на конкретном фольклорном материале.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Grzegorzczkova R. Problem funkcji języka i tekstu w świetle teorii aktów mowy//Język a kultura/Pod red. J. Bartmińskiego i R. Grzegorzczkovej. Wrocław, 1991. T. 4. S. 11—28.*
2. *Якобсон Р. Лингвистика и поэтика//Структурализм — «за» и «против». М., 1975. С. 193—230.*
3. *Толстая С. М. К прагматической интерпретации обряда и обрядового фольклора//Образ мира в слове и ритуале. Балканские чтения I. М., 1992. С. 33—45.*
4. *Engelking A. Rytuaty słowne w kulturze ludowej. Próba klasyfikacji//Język a kultura. Wrocław, 1991. T. 4. S. 75—85.*

БОСНИЙСКИЙ ЭПОС КАК ПРОБЛЕМА ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

Почти 530 лет назад, в 1463 г., под напором османских завоевателей Балканского полуострова пала славянская средневековая держава Босна. На протяжении нескольких столетий население христианизированной Босны участвовало в общем процессе формирования сербскохорватской культуры. Здесь, как и в соседних Сербии и Хорватии, создавался народный эпос. Завоевание Босны турками и последующая исламизация сербов и хорватов наложили свой отпечаток на быт и ментальность народа, определили своеобразный характер фольклора в этом регионе. На основе древних этнических традиций, сохранившихся в большей степени в сельской среде, особенно в горных районах Боснии, возник новый тип этноса — так называемые гайдуцкие и ускокские песни. А в воинской и городской ремесленной среде образовался специфический тип южнославянского эпоса, называемый в научной литературе мусульманским.

Проблема соотношения этих двух типов эпоса и их преемственности по отношению к общей эпической традиции оказалась одной из самых сложных в фольклористике XIX—XX вв., вызвала противоречивые суждения и приобрела непредвиденную остроту в связи с кровопролитной гражданской и межнациональной войной в Боснии и Герцеговине. Поэтому особенно актуально объективное, конкретно-историческое, неполитизированное освещение названной проблемы.

Первые сведения о мусульманском эпосе восходят к XVI в., но собрание его, начавшееся в XVIII в., активизировалось в связи с национальным возрождением Боснии в середине и особенно во второй половине XIX в. Среди собирателей, кроме Караджича, выделяются мусульмане Мулла Мустафа Бешеския и писатель Мехмед-бег Капетанович, черногорец Вук Врчевич, хорваты Иван Франо Юкич, Грго Мартич, Коста Германн и Лука Марьянович, австриец Фридрих Краусс. Особое значение имело двухтомное издание собрания Германна (1888—1889) [1], сразу вызвавшее многочисленные отклики — В. Ягича, Т. Маретича, Л. Стоянович, Яна Черного и позже Л. Кубы в Чехии, Б. Грабовского в Польше, в недавнем прошлом А. Шмауса в Германии. Собрание песен Германна, текстологически тщательно подготовленное и дополненное архивными материалами, переиздано в 1976 г. Сараевской фольклористкой Дженаной Бутурович [2].

Сборники Германна и Марьяновича вдохновили словенца Матию Мурко, работавшего в Праге, на многолетние (с 1909 по 1932 гг.) полевые исследования эпической традиции в Югославии и, в частности, в Боснии (об этом Мурко пишет в предисловии к своему двухтомному труду «Путиями сербскохорватской эпики» [3. 5. 9]). Именно Мурко побудил М. Перри отправиться в Югославию искать там разгадку гомеровского вопроса. М. Перри и А. Лорд приступили к

полевой работе в Боснии в 1934—1935 гг., а после смерти своего учителя Лорд продолжил исследования в 1937 г. и особенно интенсивно в послевоенные годы, вплоть до 1966—1967 гг.

Публикации Вука Караджича, В. Богишича, Германна, Марьяновича, Врчевича, Мурко, Перри и Лорда, других собирателей, а также изданная Г. Геземаном «Эрлангенская рукопись» предоставили исследователям обильный и первоклассный материал, выявили большую плеяду мастеров-исполнителей эпических песен в сопровождении игры на гусях.

Как же воспринимается в фольклористике эпическая традиция в Боснии, в частности бытующий там мусульманский эпос?

Примечательно, что оценки его приобрели прямо противоположный характер: невольно сказались конфессионные и политические пристрастия. Н. И. Кравцов рассматривал судьбу фольклорного наследия в Боснии как «процесс разложения сербского эпоса», он неодобрительно замечал, что «ученые сильно интересуются песнями магометан, несомненно переоценивая их художественную сторону и их значение для сербского эпоса» [4. С. 95]. Тенденция развития мусульманского эпоса, по его мнению, «прямо противоположна тенденциям сербского эпоса», а соотношение мусульманского и христианского эпосов Н. И. Кравцов характеризует как «эпос победителей и эпос побежденных, эпос угнетающих и эпос угнетаемых» [4. С. 183]. С другой стороны, в кругах фундаменталистско-мусульманских, не столько в научных работах, сколько в публицистических выступлениях, проявляется идеологизация мусульманского эпоса. Этим крайним оценкам противостоят взвешенные аргументированные суждения об исторической и художественной ценности конкретных произведений М. Мурко и А. Лорда, а также югославских фольклористов Н. Банашевича, Р. Меденицы, С. Назечича, И. Наметака, Дж. Бутурович, Цв. Органджиевой.

Прежде всего следует обратить внимание на то, что в боснийском мусульманском эпосе на сербскохорватском языке отсутствует собственно религиозная, исламская проблематика. Для него характерна воинская тематика. Разумеется, в нем проявилось столкновение мусульманского и христианского миров — в военно-историческом, социальном и морально-психологическом отношениях. Некоторые песни отражают сражения в русско-турецких войнах, на границах с Венгрией, Черногорией, Австрией. Мотивы борьбы, мести, похищений, кражи коня, а также пленения и рабства или избавления либо выкупа из рабства составляют содержание многих эпических песен. Но, во-первых, в песнях различаются, а подчас и противопоставляются мотивы службы боснийцев в Стамбуле (Царьграде) и охраны границы самой Боснии; персонажи, которые преданно служат султану и безоговорочно выполняют его волю, и герои, которые находятся в оппозиции к власти и борются за независимость Боснии от турецкой метрополии; различаются послушные наместники султана и босняки как суверенная сила; всевластные феодалы-беги и сербская «райя».

Но еще более существенно, во-вторых, что в некоторых песнях явно проступает мысль о родстве и общности босняков, на первый план выступает то, что сближает или даже объединяет сородичей, разделенных верой и границей. Мусульманские юнаки влюбляются в христианок, а те отвечают им взаимностью, иногда тайно принимают ислам, чтобы соединиться с любимым (песня «Браћа Хрњице и Вид бајрактар»). В других сюжетах проявляется толерантность и даже рыцарское отношение к сербской христианской «райе» («Омер Хрничий и дильбер Анджелија»). Классическим примером преодоления религиозного противостояния может служить дружба одного из самых популярных героев мусульманского эпоса Муйо и ускока Радо Малого («Осман бајрактар и Злдарски бан»). Гусяром воспевается рыцарское великодушие победителя к побежденному. Три христианских капитана жалеют Муйо, а сам Муйо великодушно относится к плененному противнику. Апофеозом становится побратимство юнаков, мусульманина и христианина, в песне «Женитьба Вилич Усейна», записанной Мехмедом Калабичем в Сараево: Вилич Усейн прощает Гаврану-Капитану убийство девяти братьев, и побратимство их после жестокого боя предает забвению вражду ради мирной

жизни сородичей. Сходные мотивы встречаются в других песнях, записанных в Грачанице и вошедших в собрание Германна. Сам издатель в предисловии к сборнику обращает внимание на то, что сближает разделенных верой юнаков, пишет о родовой общности боснийцев: «Наш народ христианский и мусульманский». В 80-е годы XIX в. Германн констатировал: «Нынешние мухамедовцы — потомки древних босанских племен. Освоение Боснии османами привнесло большие перемены в жизни боснийцев [...] Но при этом они не переменили народное чувство и старые обычаи. Последние они приспособили к требованиям новой веры и отчасти дополнили новыми обычаями» [1. Knj. 1. S. XVI]. А спустя сто лет о «связи между мусульманскими и христианскими сказителями» и об «общей основе христианско-мусульманской эпической традиции» пишет Дж. Бутурович [5. S. 128—129, 156—157].

Наконец, надо отметить, что мусульманский эпос не ограничивается воинской тематикой, мотивами героики; для него характерно обращение к мотивам, имеющим общечеловеческую ценность, воспевание любви, девичьей красоты, стремления к мирной жизни в кругу семьи. Гусляр воспевает любовь к жене и верность в браке, особенно — любовь к матери, почитание ее как хранительницы очага и семейных устоев.

Связь мусульманского эпоса с предшествующей общесербской традицией проявляется в архаических мотивах, встречающихся в некоторых песнях. Так, песня «Зиданье чуприје у Вишеграду» перекликается с известной песней «Зиданье Скадра» (мотив жертвы). То же следует сказать о мифологическом образе вилы. Песни о Джерзеледе Алле имеют много общего с песнями о Марке Краевиче. Вообще, все мотивы из этого цикла сербского эпоса, систематизированные Н. Банашевичем (которые он возводил к византийским источникам), присутствуют и в мусульманском эпосе [6].

Весьма распространенным до недавнего времени было мнение, что мусульманский эпос не только был создан, но и бытовал лишь в феодальной среде, в окружении пашей, в привилегированном обществе. Даже в словаре, написанном Р. Пешич и Н. Милошевич, сообщается о мусульманском эпосе и его исполнителях лишь то, что песни исполняли до начала XX в. «беговски певачи» часто в сопровождении игры на тамбуре или сами богатые меценаты — беги и аги, такие как Ибро Карабегович, Мехмед Колакович и им подобные [7]. Сам по себе этот факт не может быть поставлен под сомнение: роль мусульман-меценатов в культивировании эпоса была действительно значительна, особенно в Сараево и других крупных городах Боснии. Но там же одновременно и параллельно было весьма распространено в XIX в. исполнение и состязание в пении гусларов в кафанах, а позже и на различных конкурсах, где аудиторию составлял простой городской люд.

Теории об аристократическом происхождении мусульманского эпоса придерживались многие авторы первой половины XX в.: А. Барац, В. Скарнич, Н. Кравцов, отчасти Мурко, а позже С. Матич (1964). О феодальном («беговском») происхождении мусульманского эпоса писал и А. Шмаусс [8]. Но показательно, что Германн, также сначала склонявшийся к такой точке зрения, позднее, когда готовил третий том своих материалов, изменил мнение в пользу народной среды. Первым, кто в югославской фольклористике воспротивился идее аристократического происхождения мусульманского эпоса, был старейший боснийский исследователь Салко Назечич [9]. Новую концепцию аргументировала и сформулировала Дж. Бутурович: мусульманскую эпическую поэзию создавали и хранили, наряду с сельской средой, которая ассимилировала различные культурно-этнические слои, и городское мусульманское общество: торговцы, военные, ремесленники [5].

Разумеется, было бы неверно вовсе отрицать участие феодальной, особенно воинской среды, в том числе и сказителей из окружения пашей, в создании некоторых сюжетов, а также факт бытования и культивирования эпических песен среди мусульманской знати. Но важно признать и творческую роль широких слоев исламизированного населения, выдающихся исполнителей среди крестьян и ремесленников. Такие исполнители составляют большинство среди тех, от кого производили записи Германн, Марьянович, Мурко, Перри и Лорд.

Определяя состав и характер боснийского эпоса в целом, нельзя идентифицировать его как лишь юнацкий и мусульманский. Наряду с ним среди населения Боснии в XVI—XVII вв., вплоть до XIX в., создавались и бытовали эпические песни иного типа, а именно гайдуцкие и ускокские, преимущественно в сельской среде, не исламизированным сербским и хорватским населением, весьма многочисленным в этом регионе Балкан. Известны три группы гайдуцких песен (по классификации П. Поповича): во-первых, старейшие, XVI в., связанные преимущественно с горными районами, особенно с Романией, — песни о Старине Новаке, его сыне Грунце, Титомире, побратиме Радивое, т. е. песни собственно боснийские; во-вторых, цикл песен о Бае Пивлянине и его дружине, созданный в регионе Боки Которской, и, в-третьих, цикл боснийских песен о Михате Томиче, Станко Сочивице и др. ([10], ср. [11]). Этот вид сербского и черногорского эпоса в его типологических отношениях с разбойничьими и повстанческими песнями других народов исследован И. М. Шептуновым (выделившим два слоя — старейший, переходный, непосредственно связанный со старым юнацким эпосом, и позднейший, исторический) [12]. В Югославии сравнительное изучение гайдуцкого эпоса произвела македонская фольклористика Цв. Органджиева, обобщившая и концептуально истолковавшая смысл и значение этого типа славянского эпоса, а также обратившая внимание на процесс сближения гайдуцких песен с классическими юнацкими на поздней стадии истории эпоса [13].

Для интересующей нас проблемы существенное значение имеет то, что гайдуцкие песни создавались не только в христианской, но и в мусульманской среде, где гайдуцкий эпос развивался в процессе взаимодействия как с мусульманским юнацким эпосом, так и сербско-черногорским гайдуцким эпосом, на что обратил внимание М. Мурко.

Боснийский гайдуцкий эпос отразил беспощадность и жестокость с обеих сторон, турецкой и боснийской, и вместе с тем героический пафос освободительной борьбы православного и исламизированного населения Боснии. В гайдуцких песнях разбойничество, по утверждению Цв. Органджиевой, воспринимается как неизбежное и оправданное зло. Народ осуждает разбой как образ жизни, но оправдывает поступки гайдуков как поборников справедливых общественных отношений; аналогичную идею аргументировал позднее Л. Меджеша [14].

Начиная с Вука Караджича, все последующие собиратели отмечали устойчивость и преобладание в эпической традиции XIX—XX вв. гайдуцких и ускокских песен и то, что в репертуаре одних и тех же певцов присутствуют песни христианского и мусульманского происхождения и характера. М. Мурко свидетельствует: «Эпическое пение повсюду в Боснии и Герцеговине сохранило смешанное население православных, мусульман и католиков» [2. S. 41]. «Сами певцы, — вспоминает он, — обращали мое внимание на то, что христиане ... перенимали ... мусульманские песни»; примечательна ссылка собирателя на сообщение жителей, что и в христианской, и в мусульманской среде одинаково охотно слушали гусяров, принадлежащих к разным конфессиям: «Лишь бы был хороший юнак, тогда слушаются эти песни без разбора» [2. S. 42]. В этом проявился характерный для южных славян культ «юначества».

Вместе с тем преобладание того или иного типа эпоса в разных районах Боснии, по наблюдениям Мурко и по итогам исследования Дж. Бутурович, различно в разных регионах Боснии. Так, в восточной и северо-восточной Боснии в XX в. пели преимущественно гайдуцкие и ускокские песни, в юго-восточной — песни о Муёй и Халиле, о Мустайбеге Личком и другие «крайшке» песни, в городах преобладал мусульманский эпос, в сельской местности — христианский.

Соотнося различные типы этноса, их связи с предшествующей эпической традицией, различные идейные и этические мотивы и художественные особенности, необходимо учитывать несколько факторов. Во-первых, эволюцию эпической традиции; так, Дж. Бутурович установила, что мусульманский эпос претерпел существенную трансформацию и переакцентировку мотивов в XVIII в., особенно в христианской среде [15]. Во-вторых, разницу в условиях бытования

в разных социальных слоях. В-третьих, разницу между сельской и городской, ремесленной народной средой (в последней, в противоположность сельской среде, больше проявляется отчуждение между мусульманами и православными, что, например, я наблюдал в Травнике). В-четвертых, своеобразие трех основных регионов Боснии: западной, центральной и восточной (так, в последней, где перемежаются мусульманские и христианские села и целые районы, влияние общесербской эпической традиции ощущается сильнее, по моим впечатлениям, полученным в окрестностях Тузлы). Наконец, в-пятых, существенное значение имеет личностное, индивидуальное начало в репертуаре и манере исполнения разных гуслей, типология эпических певцов (в чем я мог убедиться во время полевой работы на Романии в 1972 г.) [16].

Таким образом, отношения между мусульманским и христианским эпосом характеризуются не только различиями, но и определенной общностью. В. Бачович в докладе на конгрессе фольклористов Югославии в районе Плитвицких озер в 1990 г. утверждал: «Независимо от того, в какой среде создавались эпические песни, — протурецкой, мусульманской или в сербской, христианской, мотивы, характер, стилистика и поэтика, художественные средства у них сходны, а иногда и идентичны» [17]. Поэтому боснийский эпос в целом можно определить как специфический вид южнославянского (сербскохорватского) эпоса. Одной из характерных особенностей боснийского эпоса, отличающей его даже от близкой черногорско-герцеговинской традиции, является большой объем песен (до двух и более тысяч стихов) и детальная разработка всех эпизодов и мотивов сюжета, тенденция превращения эпической песни в эпопею (в исполнительском искусстве выдающихся мастеров). Эту особенность боснийского эпоса еще М. Мурко объяснял его функциональностью, исполнением во время мусульманских и христианских праздников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Narodne pjesme Muhamedovaca u Bosni i Hercegovini. Sabrao Kosta Hörmann, savjetnik zemaljske vlade za Bosnu i Hercegovinu. Sarajevo, 1888. Knj. 1—2.
2. Narodne pjesme Muslimana u Bosni i Hercegovini. Sabrao Kosta Hörmann. 1888—1889. Priredila Đenana Buturović. Sarajevo, 1976. Knj. I—II.
3. *Murko M.* Tragom srpsko-hrvatske epike. Putovanja u godinama 1930—1932. Zagreb, 1951. Khj. 1.
4. *Кравцов Н. И.* Сербские народные песни//Сербский эпос/Ред., исследование и комментарии Н. Кравцова. М.; Л., 1933.
5. *Buturović Đ.* Studija o Hörmannovoj zbirci muslimanskih narodnih pjesama. Sarajevo, 1976.
6. *Банашевић Н.* Циклус Марка Краљевића и одјели француско-талијанске књижевности//Књиге Скопског научног друштва. Скопје, 1935. Т. III. С. 81—86, 131, 171.
7. *Pešić R., Milošević N.* Narodna književnost. Beograd, [1984]. S. 94.
8. *Schmaus A.* Studije o krajinskoj epici//Rad Jugoslovenska Akademija Znanosti i Umetnosti. Zagreb, 1953. Khj. 297. S. 95—96.
9. *Nazečić S.* O nekim pitanjima muslimanskih epskih pjesama. 1941—1951//*Nazečić S.* Izbor književnih radova. Sarajevo, 1951. S. 212, 256—257.
10. *Поповић П.* Преглед српске књижевности. Београд, 1909. С. 92—139.
11. *Вукановић Т. П.* Студије из балканског фолклора. II. Врање, 1970 (Посебан отисак из Врањског гласника. Врање, 1970. Кн. VI. С. 283—289).
12. *Шептунов И. М.* Жанры хайдуцкого фольклора//Доклады и сообщения советской делегации на III Международном съезде по изучению стран Юго-Восточной Европы. Бухарест, 4—10 IX 1974. М., 1974.
13. *Органџијева Цв.* О хайдуцким и разбојничким (харамлијским) песамама јужнословенских народа//Народно стваралаштво. Folklore. Београд, 1985. Књ. XIV. С. 1—11; Београд, 1986. Књ. XV. С. 23—32.
14. *Међешки Л.* Етничка симболика у словенском народном стваралаштву//Зборник радова XXXV. Конгреса Савеза фолклориста Југославије. Титоград, 1988. С. 503.
15. *Buturović Đ.* Epska narodna tradicija Muslimana Bosni i Hercegovini od početku 16 v. do pojave zbirke Koste Hörmanna (1888)//Glasnik Zemaljskog Muzeja Bosni i Hercegovini. Nova serija. Sarajevo, 1972—1973. Sv. XXVII—XXVIII. S. 5—100.
16. *Гусев В. Е.* У гуслејаров Босни и Черногорији//Советская этнография. 1973. № 5. С. 132—141; *Гусев В. Е.* Три романијских гуслејара//Народно стваралаштво. Folklore. Београд, 1972/1973. Год XI/XII. С. 129—134.
17. *Бачовић В.* Сродност епске народне поезије Черне Горе, Басне, Лике и Кордуна//Rad XXXVII Kongresa Saveza udruženja folklorista Jugoslavije. Plitvice jezera. 1990. Zagreb, 1990. S. 7.

© 1994 г. ЛАБЫНЦЕВ Ю. А., ЩАВИНСКАЯ Л. Л.

ИЗУЧЕНИЕ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОЙ КНИЖНОЙ ТРАДИЦИИ В РАМКАХ МЕЖДУНАРОДНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПРОЕКТА

«SLAVIA ORTHODOXA ET SLAVIA ROMANA. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЛАВЯНСКИХ МИРОВ: ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА ПОДЛЯШЬЯ»¹

Процесс взаимодействия, сопряжения западного и восточного христианских миров издавна интересовал людей по обе стороны условной «границы», их разделяющей.

Само состояние современной европейской цивилизации, а главное — ее будущность в значительной мере определяются степенью понимания и решения сложнейших вопросов, связанных с этим процессом, в том числе и на уровне массового сознания.

В семье европейских народов славяне занимают одно из ведущих мест и это определяло и определяет судьбы континента не только на его востоке и юге, но и на всем остальном пространстве.

Вместе с тем «граница» западного и восточного христианских миров не только пролегает через славянские земли, как бы разделяя славян, но и способствует образованию весьма обширной области их многовекового наиболее интенсивного взаимодействия — предграничья и пограничья, характеризующихся своей спецификой.

Достойное существование, а тем более единство, межнациональное и национальное, невозможны без взаимопонимания особенностей духовного развития различных этносов. Все это определяет и особые приоритеты в изучении труднейших проблем взаимоотношений *Mundus Slavia Orthodoxa — Mundus Slavia Romana*.

Несколько лет назад нами стал осуществляться Международный исследовательский проект «*Slavia Orthodoxa et Slavia Romana: Взаимодействие славянских миров: Духовная культура Подляшья*», позволяющий на примере одного региона

Лабынцев Юрий Андреевич — д-р филол. наук, директор Центра украиноведческих и белорусоведческих исследований Института славяноведения и балканистики РАН.

Щавинская Лариса Леонидовна — программист-исследователь Центра украиноведческих и белорусоведческих исследований Института славяноведения и балканистики РАН.

¹ В основу публикации положен доклад на международной научной конференции «Церковнославянская традиция Великого княжества Литовского: перспективы изучения» (Вильнюс, ноябрь — декабрь 1993 г.).

в достаточной полноте проследить почти тысячетлетнюю историю такого взаимодействия, раскрыть его сущность и механизмы.

Подляшье (ныне это в основном территория нескольких воеводств Польши) — уникальный исторический заповедник славянских культур, прежде всего связанных с кирилло-мефодиевской традицией. Одновременно Подляшье — великое пограничье славянских и балтийских культур, огромная, существующая столетия лаборатория их взаимопроникновения. Подляшье — это и то редкостное место, где культуры славянского Запада, Юга и Востока, равно как западноевропейские и восточнославянские культуры, приходили в непосредственное тесное взаимодействие на протяжении многих столетий. Наконец, Подляшье — это крайняя западная область распространения восточнославянских культур — западная граница их существования. Все это определило особый историко-культурный статус данного обширного региона, изучение которого лишь начинается в наше время².

Проект предусматривает исследование прежде всего письменной, книжной культуры Подляшья, являющей собой наиболее концентрированное выражение главнейших черт духовных культур нескольких славянских и неславянских народов, связанных с судьбами этого края, в первую очередь белорусов, украинцев, поляков, литовцев и русских.

Исторически сложилось так, что в Подляшье (в Супрасле) существовала крупнейшая белорусская типография всего досоветского периода, деятельность которой оказала огромное влияние и на развитие польской, русской и украинской культур [3].

Здесь же, в Супрасле, образовался один из крупнейших центров православия, славянской книжности, восточнославянских духовных культур, тесно связанный не только с такими оплотами греко-византийской традиции как, например, Киев, но и Афоном, афонскими монастырями. Эта роль древнего Супрасльского монастыря восстанавливается в наши дни благодаря стараниям духовенства и мирян Польской православной церкви, а также помощи православных из-за рубежа [4].

Супрасль был и самым крупным западным интеллектуальным центром православия вообще. Не случайно, что именно на Подляшье, в Заблудове, в имении магнатов Ходкевичей — основателей Супрасльского Благовещенского монастыря, в середине 1560-х годов нашли приют после эмиграции из России, из Москвы, русский и украинский первопечатник Иван Федоров и первопечатник русский, белорус по происхождению, Петр Тимофеев Мстиславец, уроженец города Мстиславла на востоке Белоруссии (см. [5]), по истории православия в Заблудове см. [6]). При дворе гетмана Г. Ходкевича образовалось литературное сообщество, в ряды которого и влились московские эмигранты.

Заблудов был тесно связан и с украинскими землями, и со столицей Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского — Вильнюсом. Находки последних лет дают право утверждать, что здесь начал свою литературную и издательскую карьеру знаменитый Василий Гарабурда, в то время «слуга друкарни» и один из ближайших помощников Ивана Федорова и Петра Мстиславца. Удастся указать еще одно реальное лицо, которое могло принимать непосредственное участие в деятельности заблудовского ученого кружка. Это протопоп здешней церкви Нестор, с которым Иван Федоров поддерживал самые тесные, дружеские отношения.

Однако безусловно главную помощь, в том числе и чисто книжную, Заблудов

² Из последних работ, посвященных истории Подляшья, хочется отметить докторскую диссертацию А. Мироновича, опубликованную в 1991 г. в Белостоке в виде монографии «Podlaskie ośrodki i organizacje prawosławne w XVI i XVII wieku». Здесь же приведена основная литература вопроса

Библиография работ по истории православных приходов на Белостотчине, являющейся частью Подляшья, составлена и издана отцом Григорием Сосной [1]. Им же изданы также указатели документов (1431—1984), касающихся этой темы, и перечень церковного клира и иерархов православной церкви на Белостотчине в 1839—1986 гг. [2].

Рис. 1. Вид Супрасльского Благовещенского монастыря (Гравюра XIX в.)

мог получить только из расположенного рядом Супрасля. В XVI в. Супрасль был одним из главнейших хранилищ книжных богатств не только в Великом княжестве Литовском, но и на всем востоке Европы, в котором сберегалось большое число памятников мировой культуры, среди них — знаменитый Супрасльский кодекс XI в. — гордость всего славянского мира. Именно в то время в Супрасльском монастыре были написаны многочисленные оригинальные литературные сочинения, делались переводы с различных языков, интенсивно работала книгописная мастерская. Супрасльские книжники владели не только церковно-славянским языком, но также латинским и греческим, не говоря уже о тогдашнем литературном «русском» и «простой молве», на которой особенно охотно сочинялись различные возбличения и вообще полемические произведения. Супрасль нужно рассматривать и как один из центров славянского стихотворства — традиционной гимнографии и виршеписания [7. С. 180—181].

В подготовке в Заблудове книг к печати, вероятно, помогал и такой замечательный писатель и знаток древней книжности как супрасльский архидиакон Евстафий, в составе рукописного сборника которого сохранился экземпляр Евангелия В. Тяпинского с предисловием. Евстафий известен нам рядом своих злободневных для той поры талантливых полемических сочинений, которые по жанру иногда сходны с публицистикой, а также морально-этическими статьями,

Рис. 2. Подлясье на карте Центральной Европы Г. Лиля и М. Трамезино (Рим, 1553)

небольшими компиляциями и переводами. Не исключено, что его же рукой переписано и известное предисловие В. Тяпинского к Евангелию [8].

Гетман Г. Ходкевич, сам не лишенный таланта литератора, рассчитывал превратить Заблудов в один из оплотов славянской православной культуры, по сути в крайний форпост православия на Западе. Он имел широкую издательскую программу, о чем, в частности, сообщают в своей львовской «повести» 1574 г. Иван Федоров, а также и сам Г. Ходкевич в предисловиях к заблудовскому Евангелию учительному 1569 г. и другим книгам.

Несомненно, заблудовские литераторы-интеллектуалы ориентировались в зна-

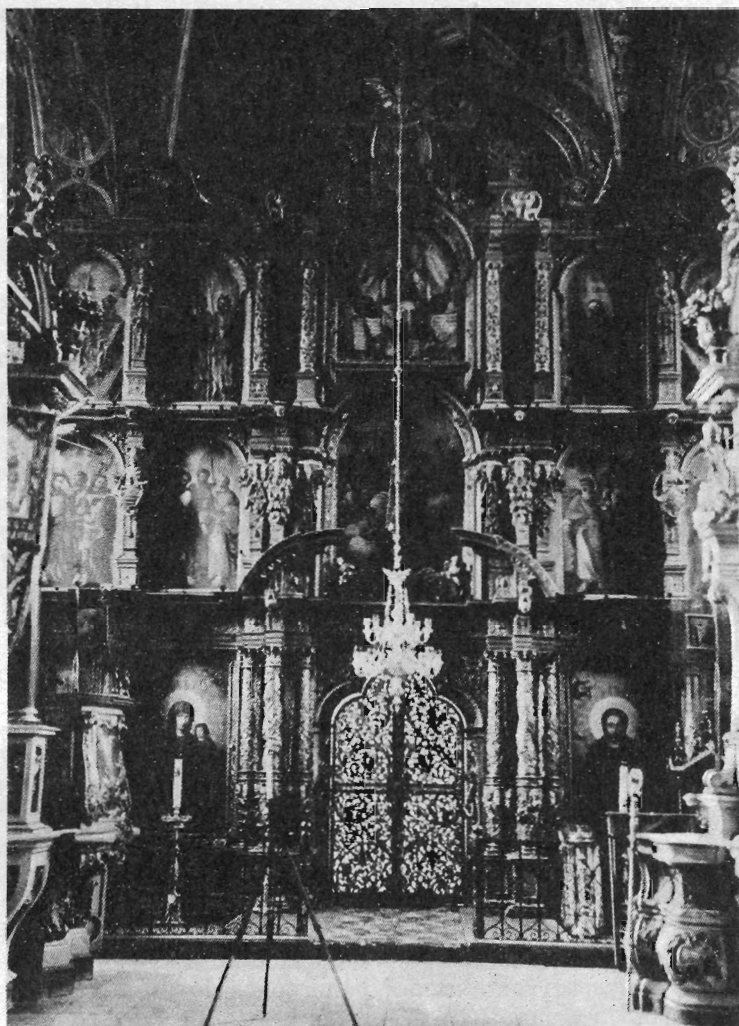

Рис. 5. Иконостас Благовещенского собора Супрасльского монастыря в первой трети XX в.

можно встретить на таежных заимках Сибири, в библиотеках старообрядцев многомиллионной Москвы и маленького городка Браслава в Белоруссии, в других местах, в том числе и в Польше.

Изучение, вернее, предварительное обследование состава памятников старопечатной кирилловской литературы только начинается. Они содержат огромное количество самых разнообразных и подчас совершенно неизвестных произведений, представляющих первостепенный интерес. Можно с уверенностью сказать, что до сих пор старообрядческие издания XVIII ст., наряду с изданиями XIX—XX вв., действительное число которых нам пока еще неизвестно, являются настоящей *terra incognita*, открытию которой может способствовать лишь целенаправленная многолетняя работа ученых различных специальностей.

Сотни униатских изданий на нескольких языках, в том числе церковнославянском, напечатанные в Подляшье, затем разошлись во многих тысячах экземпляров среди народов Восточной Европы. Некоторые из этих изданий

позднее неоднократно перепечатывались в других местах. И в униатской среде в XVII в. и значительной части XVIII ст. лидирующее положение в книгоиздании занимал Супрасль. Супрасльским базилианам через книги суждено было в огромной мере, а иногда и в определяющей, влиять на ход жизни всех их восточноевропейских провинций, большинства униатских епархий. Униатский мир был заполнен супрасльской книжностью в еще большей степени, чем старообрядческий.

По нашим предварительным подсчетам, за период своего существования (XVII—XIX вв.) типография Супрасльского монастыря напечатала свыше 600 различных изданий. Около одной пятой их набрано кириллицей, остальные — латиницей. Издания латинского шрифта печатались в основном на польском языке (свыше 80%) и латинском (более 10%). Несколько книг было издано латиницей на литовском, а также белорусском и церковнославянском языках.

В результате многолетней работы над Проектом, наряду с теоретическими исследованиями, предполагается создать оригинальное многотомное издание энциклопедического типа, включающее в себя практически полную информацию обо всех сторонах культурного процесса в Подляшье, связанного с рукописной и печатной книжностью на церковнославянском, древнерусском, старобелорусском, староукраинском, белорусском, украинском, русском, польском, латинском и литовском языках. Эта информационно-аналитическая часть Проекта имеет самостоятельное значение, работа над ней осуществляется по специальной Международной славяноведческой программе «История книжной культуры Подляшья» [10].

Издание будет состоять из семи томов: 1. Литература по истории и культуре Подляшья; 2. Кирилловские издания типографий Подляшья; 3. Издания латинского шрифта типографий Подляшья; 4. Рукописная книжность Подляшья (в большинстве она сбереглась — это редчайший случай в мировой практике вообще; основная часть этой книжности, почти исключительной кирилловской, ныне находится в Вильнюсе — бывшей столице Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского, куда ее вывезли из Подляшья в середине XIX в.); 5. Исторические книжные центры и собрания Подляшья. 6. Документальные и актовые источники по истории и культуре Подляшья. 7. Указатели к шести предыдущим томам.

Реализованный в своей информационно-аналитической части, Проект станет уникальной основой для дальнейших самых широких исследований: исторических, культурологических, литературоведческих, религиоведческих, в том числе общего и частного моделирования историко-культурных процессов, происходивших в странах Восточной Европы в течение нескольких столетий, особенно, если речь идет о Белоруссии, Украине, России, Литве и Польше, взаимосвязей культур этих государств, их истории.

Основные учреждения исполнители Проекта: РАН — Центр украиноведческих и белорусоведческих исследований Института славяноведения и балканистики; Министерство культуры Республики Беларусь — Национальная библиотека Беларуси; Польская АН — Белостокское научное общество; Белорусский фонд культуры. Общее руководство осуществляет Центр украиноведческих и белорусоведческих исследований Института славяноведения и балканистики РАН. Издание будет выпускаться на полиграфической базе Национальной библиотеки Беларуси.

Учитывая чрезвычайную сложность решаемых проблем, почти полную неразработанность многих вопросов, связанных с историей культуры славянского мира, особенно если речь идет о пограничье славянских и неславянских культур, взаимодействию греко-славянской и латинославянской культурных традиций, образовании своеобразного культурного конгломерата, который в наиболее ярких формах существовал и существует именно в Подляшье, участники работы над Проектом пришли к единодушному решению о необходимости издания специальной серии вспомогательных пособий, призванных помочь в реализации общих и частных задач Проекта.

Значение этих пособий, по-видимому, окажется более широким. Они будут весьма полезны историкам, филологам, философам, книговедам, библиотечным работникам и другим специалистам различных стран Европы.

Первый выпуск данной серии, подготовленный ученым секретарем Проекта Л. Л. Толкачевой (Щавинской), посвящен одному из пионеров архивоведческой и археографической науки и практики, создателю ряда ценнейших справочных изданий Н. И. Горбачевскому [11], в их числе — «Кратких таблиц, необходимых для истории, хронологии, вообще для всякого рода археологических исследований, и в частности для разбора древних актов и грамот западного края России и Царства Польского» (Вильна, 1867). В дальнейшем предполагается регулярная публикация выпусков вспомогательной серии информационно-библиографических материалов в помощь работе над Проектом. Второй из этих выпусков планируется посвятить вопросам отображения православной культуры в польской послевоенной печати.

Согласно принятой методике, все работы ведутся с использованием ЭВМ. При этом гарантируется не только создание общего банка данных, но и его надежное дублирование для издательского комплекса Проекта в Минске и головного в Москве. Подобное решение позволяет также оперативно вводить в оборот любую информацию, поступающую от соисполнителей из Польши, Белорусии, России, с Украины и из других мест.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Sosna G. Bibliografia parafii prawosławnych na Białostoczczyźnie: Cześć alfabetyczna. Białystok, 1984; Sosna G. Bibliografia parafii prawosławnych na Białostoczczyźnie: Cześć alfabetyczna. Suplement I. Ryboły, 1991.*
2. *Sosna G. Bibliografia parafii prawosławnych na Białostoczczyźnie: Cześć chronologiczna. Białystok, 1985; Sosna G. Wykaz hierarchii i kleru parafialnego oraz opiekunów cerkiewnych kościoła prawosławnego na Białostoczczyźnie w latach 1839—1886. Białystok, 1986.*
3. *Лабынцев Ю. А. Кирилловские издания Супрасльской типографии. М., 1978; Лабынцев Ю. А. Памятники древнерусской книжности и литературы в старообрядческих изданиях Супрасльской типографии (XVIII в.)//Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1981. Т. 36.*
4. *Sawa (Hrucuniak), abp. Dokonania i nadzieja: Sanktuarium nad Supraślą. Rozm. przepr. M. Hajduk//Tygodnik Podlaski. 1989. № 3. S. 8—9.*
5. *Немировский Е. Л. Иван Федоров в Белоруссии. М., 1979.*
6. *Sosna G. Prawosławne dzieje miasteczka Zabłudów//Wiadomości Polskiego Autokefalicznego Kościoła Prawosławnego. 1976. № 1/2.*
7. *Лабынцаў Ю. Пачатак Скарынам: Беларуска друкаваная літаратура эпохі Рэнесансу. Мінск, 1990.*
8. *Лабынцев Ю. А. (при участии В. И. Лукьяненко и Е. Л. Немировского). Описание изданий Несвижской типографии и типографии Василия Тяпинского. М., 1985. С. 6—8, 20—22, 29—35, 61—67.*
9. *Лабынцев Ю. А. Памятники древнерусской письменности в изданиях старообрядческих типографий XVIII—XX вв. //Книга: Исследования и материалы. М., 1979. Т. 39. С. 173—178; Лабынцев Ю. А. Некоторые вопросы кирилловского книгопечатания в Супрасле//Федоровские чтения, 1978. М., 1981. С. 168—169; Вознесенский А. В. Кириллические издания старообрядческих типографий конца XVIII — начала XIX века: Каталог. Л., 1991; Починская И. В. Книгопечатание для старообрядцев на землях Белоруссии и Литвы//Наш радавод: Материалы Международной научной конференции по региональной истории Восточной Европы «Культура народов Великого княжества Литовского и Белоруссии, XIII — начало XX в.». Гродно, 1991. Кн. 3. Ч. 2. С. 268—274.*
10. *Лабынцев Ю. А. Международная славяноведческая программа «История книжной культуры Подляшья». Минск, 1992; Лабынцев Ю. А. Научная программа «История книжной культуры Подляшья»//Славянские литературы: XI Международный съезд славистов. Братислава, сентябрь 1993. Доклады российской делегации. М., 1993.*
11. *Толкачева Л. Л. Никита Иванович Горбачевский. Минск, 1991.*

F. HOFFMANN. České město ve středověku. Praha, 1992. 456 S.

Ф. ГОФМАН. Чешский город в средние века

Книга чешского историка Ф. Гофмана — заметное явление в современной чешской урбанистике. Рецензируемая монография — плод многолетнего исследования им широкого спектра проблем существования и развития чешского города до конца XV в. Она задумана как труд обобщающий, имеющий целью дать представление о городе как историческом феномене, показать эволюцию урбанистических форм на протяжении всего Средневековья. Автор охватил огромный материал, синтезировав многочисленные исследования ряда чешских ученых различных специальностей. Образ чешского города в книге предстает как результат вдумчивого обобщения данных археологии, истории, социологии, культурологии, исторической демографии, топографии, географии и экологии, истории архитектуры, военного дела и права. Главное достоинство труда — целостность изложения полиаспектного исторического бытия чешского средневекового города. Основная установка автора на обобщающее и обобщенное изложение материала обусловила минимум конкретного исторического материала в тексте книги. Из огромной массы данных выбраны лишь те, которые обозначают основные параметры и перипетии развития чешских городов. Собственно говоря, книга Ф. Гофмана — это не очерк истории чешского средневекового города. Это интердисциплинарное исследование синтезного типа, рисующее чешский город как явление прежде всего в его статике, хотя динамика исторического развития отдельных аспектов городской жизни также прослежена автором.

Первые части книги посвящены рассмотрению понятия «город» как исторического феномена, очерку исторического развития городов в Чехии, начиная с первых поселений эпохи родо-племенного строя и кончая временем правления династии

Ягеллонов (рубеж XV—XVI вв.). Затем следует ряд глав, в которых дается анализ отдельных сфер существования городского организма: географической среды, архитектурно-строительного облика, военно-оборонительных мероприятий, экономического положения, социальной структуры и этнического состава, политики и права, культуры. Автор затрагивает также проблему типологии городов, основных исторических закономерностей их развития.

В первой главе, подводя итог попыткам дать определение города как феномена всемирно-исторического процесса или хотя бы города западноевропейского Средневековья, автор констатирует недостаточность всех имеющихся определений. Это во многом связано с различным генезисом городов из предгородских образований. Поэтому Ф. Гофман предлагает определять городские формы поселений непосредственно по выполняемым ими функциям: «Функции возникали в исторически и географически различных видах и одновременно становились определяющими знаками, критериями города» (С. 10).

Центральный вопрос исторического развития городов Чехии — это так называемая немецкая колонизация XII—XIII вв. Проблема, когда-то остро актуальная для молодой национальной историографии стран Центральной и Восточной Европы, ныне, при смене политических ориентиров и в немалой степени благодаря фундаментальным научным исследованиям, приобрела академически объективный характер. Констатирующего типа резюме темы, предлагаемое Ф. Гофманом, подводит итог полемики: процесс урбанизации «очень быстро достиг своего апогея под влиянием внутренних условий, а усилия монархов вместе с мощной волной колонизации в XIII в. еще более ускорили этот

процесс экстраординарным образом» (С. 35). Сам процесс имел характер городской революции, когда благодаря общественному разделению труда возникла община относительно свободных горожан, ставшая «движущей силой всесторонней активности в этих поселениях нового прогрессивного типа» (С. 35). В городах сформировалось «общество высшего типа, с крепкой экономической основой, способностью к самообороне, с определенным правовым порядком, с более высоким уровнем культуры, общество, ядром которого была община горожан, которые вместе с городом „терпят доброе и злое“ и чьей важнейшей чертой была активность во всех сферах городской жизни» (С. 42).

В XIV в., в эпоху Карла IV, города не стали опорой и союзником королевской власти, так как «исходя из принципа политической нейтрализации им была определена лишь экономическая функция, но в этой сфере им была обеспечена полная поддержка монарха» (С. 55).

В гуситское время положение городов было отмечено рядом новых черт. Автор справедливо отмечает, что «без городов и Пражского университета не было бы гуситской революции» (С. 62). С другой стороны, гуситская идеология, стремившаяся к реставрации идеалов первоначального христианства, усматривала в экономических функциях города главную причину его греховного характера. В истории чешской урбанистики особую главу представляет Табор как поселение общины «божьих воинов» и центр радикального гусизма. Его эволюция в обычный королевский город красноречиво свидетельствует о невозможности создать принципиально новый тип (я бы назвал его «идеологическим») поселений. Однако утопичность Тabora недостаточно выявлена Ф. Гофманом. Также нуждается в уточнениях его тезис о существовании гуситских «городских республик» (С. 66, 70). Как основной результат гуситского движения для городов справедливо констатируется рост их политического значения в стране и выравнивание их внутренней социальной структуры (С. 70).

В последующих разделах анализируется положение города в средневековом ландшафте, особая связь с водными ресурсами, взаимоотношения с сельской округой, городское строительство, внешний облик города, устройство городских домов и военных укреплений. Краткий обзор городской экономики констатирует, что в целом «экономическое развитие городов чешских земель в средние века делало невозможным динамическое продвижение на более высокий уровень, достигнутый городами Италии и некоторых других западноевропейских стран» (С. 168). Автор дает подробное описание городских ремесел, структуры ремесленных цехов и торговли, подчеркивая позитивное влияние

развитой внешней торговли на расцвет городов (С. 203).

Анализируя социальную структуру города, Ф. Гофман подчеркивает, что городское население не представляло собой единого класса. Также недостаточно определено его как сословия. Следует говорить лишь о группах населения, таких как патрициат, в который с середины XIV в. проникают богатые ремесленники; средний слой, очень неоднородный по своему имущественному положению, состоявший в основном из ремесленников и торговцев; беднота, социальное значение которой переоценивалось предыдущей историографией. Со второй половины XIV в. власть в городах из рук старого родового патрициата переходила к цеховой верхушке, поэтому такую власть автор определяет как «полухеховую» (С. 220). Однако автор смешивает понятия социальной и имущественной дифференциации, в принципе сводя первую ко второй, так как решающим критерием оценки социального положения горожанина он считает его имущество (С. 221). Приумножение значения юридического статуса приводит к тому, что к категории бедноты причисляются малоимущие цеховые ремесленники, а также подмастерья, несмотря на то, что последняя группа всегда имела временный характер и реальную перспективу повышения своего социального статуса и благосостояния.

Значительное место в книге уделено этническому составу городского населения. Традиционная для чешской историографии проблема чешско-немецких отношений рассматривается на основе новейших исследований, значительно скорректировавших устоявшиеся представления об этническом антагонизме в Чехии. Автор справедливо отмечает, что «в Чехии получил развитие национализм раннего типа, усиленный гусизмом, однако при этом он не был решающим фактором общественного развития в целом» (С. 236).

Ф. Гофман дает обобщенную картину городского права и системы городского управления, детально анализируя репрезентативную функцию городских учреждений и их символику (печати, знамена, знаки и гербы). Особо рассматривается статус королевских городов, специфика городов частновладельческих, отношения между городами и дворянством, где проявилось одно из основных противоречий средневекового общества, приведшее, наряду с чисто экономическими факторами, к оставанию чешских городов, что в свою очередь негативно повлияло на развитие всего чешского общества.

Большое место в книге уделено городской культуре. Анализируются положение церковных институтов и религиозных общин в городском макросоциуме, влияние церковной архитектуры на об-

щий облик города. Специально рассматривается система городского школьного образования. Автор исследует специфику городского менталитета, дает картину повседневной городской жизни, рассказывает о городской художественной среде, об изобразительном искусстве и музыке как составных частях городской культуры, о представлениях горожан об окружающем мире. Здесь изложение приближается к западным работам по культурной антропологии Средневековья, хотя чувствуется традиция чешского позитивизма, идущая от трудов З. Винтера, на рубеже XIX—XX вв. собранного, но не обобщившего колоссальный фактический материал о жизни чешских городов XIV—XVI вв.

В заключительной главе Ф. Гофман дает высокую оценку средневековому городу как феномену западноевропейской цивилизации, обусловившему все последующее урбанистическое развитие.

Книга Ф. Гофмана в целом не свободна от стилизации констатации общеизвестных положений о развитии и структуре чешских городов. Однако ее основное достоинство заключается в комплексности подхода. В чешской урбанистике до сих пор не было труда, обобщающего отдельные разработки и создающего целостную картину чешского средневекового урбанистического развития.

Мельников Г. П.

К. ZERNACK. Polen und Russland: zwei Wege in der europäischen Geschichte. Berlin, 1994. 710 S.

К. ЦЕРНАК. Польша и Россия: два пути в европейской истории

В нынешнем году в издательстве «Пропилеи» вышла книга профессора Клауса Цернака¹ «Польша и Россия: два пути в европейской истории», изданная в серии «История Европы». Труд этот охватывает более чем тысячелетнюю историю народов Польши и России со времени их перехода от первобытного общества к государственной организации, от варварства к цивилизации и до наших дней и ставит своей задачей «представить совместную биографию русских и поляков» (С. 17). Подойти к книге до сих пор не было как в русской и польской, так и в немецкой историографии.

В своей книге К. Цернак рассматривает основные этапы истории России и Польши, уделяя в первую очередь внимание тем сторонам их исторического развития, которые отразили комплекс связей между двумя странами. В центре внимания автора развитие общественного сознания и культуры, политического и сословного строя, внутренней и внешней политики, социальных отношений и народного хозяйства.

Книга открывается Предисловием и вводной главой: «По следам Плутарха: Взгляды на научное осмысление исторических связей между народами». Затем автор рассматривает конкретную историю взаимоотношений Польши и России, выделяя

следующие этапы, которым посвящены отдельные главы: IX—XI вв., до распада государств с центрами в Гнезно и Киеве; XII — середина XIV вв.; XIV—XV вв.; XVI — начало XVII в.; XVII в.; 1700—1763 гг.; 1764—1815 гг.; 1815—1890 гг.; 1890—1919 гг.; 1919—1945 гг.; 1945—1970 гг.; Тринадцатая глава посвящена событиям 1970—1980-х годов. В заключительной, четырнадцатой, главе «Польша и Россия; вызов и ответ сегодня, в прошлом и в будущем» представлены важнейшие выводы исследования.

Круг привлеченных К. Цернаком источников и литературы определяется как характером проблем, рассмотренных автором, так и хронологическими рамками и внутренней периодизацией исследования. Следует отметить глубокое владение автором всем комплексом источников и литературы по истории Польши и России, его широчайшую эрудицию в европейской историографии в целом, о чем, в частности, свидетельствует и библиография к книге (С. 608—674).

Видя целью своей работы изучение исторических связей России и Польши, понимая эти связи в широком контексте исторического и культурного взаимодействия, К. Цернак подчеркивает, что в конце XX в. на переломе двух эпох европейской и

¹ Клаус Цернак — профессор, зав. кафедрой восточноевропейской истории Института им. Фридриха Мейнеке Свободного университета Берлина, руководитель секции истории Восточной Европы Исторической комиссии Берлина.

мировой истории для Германии приобретает особое значение исследование исторического пути ее ближайших соседей, Польши и России, которые на протяжении минувшего тысячелетия или по крайней мере с 1697 г., образуют особую структуру взаимодействия, как Challenge and response («вызов и ответ», используя терминологию А. Тойнби). Таковой история русских и поляков и запечатлелась в сознании обоих народов (С. 16).

Естественно, что постановка столь значительной исследовательской задачи не могла не потребовать от автора решения целого ряда важных методологических вопросов. К. Цернак исходит из того, что «историческая наука в XX в. рассматривает нации как структурные элементы европейской истории» (С. 17), и, следовательно, определение понятия «нация» имеет для автора принципиальное значение. Он отмечает, что сейчас речь не идет, как в науке периода романтизма, об органическом развитии из одного ядра национального сознания и национальной культуры (которые выступают для К. Цернака как синонимы понятия нации), а о комплексе культурных, политических, социальных функций, в которых реализуется национальное сознание. «Нации поэтому не являются индикатором становления народа, но выступают как носители общественной модернизации» (С. 62).

Таким образом, К. Цернак придерживается принципиально иного представления о нации нежели то, которое принято в современной отечественной историографии [1; 2]. Если для отечественной историографии характерно представление о нации как об этносоциальном организме, определяющей чертой которого является социальная структура, в рамках которой общество формирует национальное сознание, то концепция К. Цернака, напротив, рассматривает идеальную структуру национального сознания как первичную по отношению к сфере социальных отношений, в которой те или иные группы выступают как носители национального сознания.

Рассматривая нации как структурные элементы европейской истории, К. Цернак связывает их генезис с эпохой раннефеодальных государств, возникших на развалинах Римской империи или на ее европейской периферии, правда лишь в той мере, в которой эти государства порывали с имперским универсализмом своего предшественника, и ограничивает действие этого процесса рамками Европы. Исходя из этих принципов, К. Цернак видит начало национальной истории и Польши, и России на рубеже IX—X вв. с образованием государств Пястов и Рюриковичей.

Однако подобная постановка вопроса связана с решением сложной задачи: определением общих черт, единой составляющей того процесса, кото-

рый, по мысли автора, и является процессом развития нации. К. Цернак подходит к ее решению следующим образом. Рассматривая национальное сознание как фундаментальное свойство нации, ее определяющую черту и признак, он подчеркивает, «что староевропейское и современное национальное сознание расходятся между собой не в предмете, а в социальном радиусе действия, интенсивности и месте, которое занимает национальное сознание в ряду других общественных связей и ценностей: сословных, территориальных, религиозных. В отличие от современных наций, нация средневековая, по мнению автора, была ограничена небольшими группами носителей национального сознания и являла собой политическую нацию. Как таковая, она была изменчива, поскольку это обуславливалось социальными и политическими коллизиями» (С. 62).

В своем развитии, как отмечает К. Цернак, европейские нации пережили три периода, начало которым было положено «толчками», или «импульсами», в развитии культуры. Первый из них начинается в IX—X вв., когда возникает большинство европейских наций в результате «трансформации» державы Каролингов. Второй открывается эпохой колонизации XII—XIV вв., когда демографический и хозяйственный подъем привели к социальному распространению и «интенсификации» национального сознания. Круг его носителей теперь не ограничивался, как в первый период, лишь господствующими группами в церкви и государстве. С ростом городов и сельского населения носители национального сознания подошли к национальным лозунгам. Третий период берет начало вместе со становлением и развитием «буржуазной», «гражданской» нации и государства XIX—XX вв., что и означало реализацию исторически высшей цели, т. е. высшей для современной эпохи политического развития (С. 62—63).

Тезис о носителях национального сознания, по нашему мнению, имеет в исторической концепции К. Цернака принципиальное значение. Он не только открывает путь к соединению идеальной сферы национального сознания и культуры с областью социальных отношений, которые и составляют содержание общественно-исторического процесса, но и позволяет автору раскрыть сам процесс социальной истории общества через приобщение тех или иных его слоев к национальному сознанию и культуре, их трансформацию и смену в качестве носителей национального сознания. Будучи сторонником тезиса о первичности национального сознания по отношению к социальному развитию общества, К. Цернак отнюдь не умаляет роли политических, социальных и экономических факторов развития общества. Они создают почву, формируют условия

развития национального сознания, оказывая на него обратное влияние.

От положения о нации как структурном элементе европейской истории следует перейти к проблеме, которая, по нашему мнению, является наиболее важной и плодотворной и поэтому занимающей центральное место в книге К. Цернака. Автор исходит из того, что процесс формирования, конституирования наций представляет собой сочетание внутреннего развития и внешнего взаимодействия, т. е. формирование и развитие наций происходило не только вследствие внутренних процессов формирования национального сознания и культуры, внутренней жизни нации, но и вследствие взаимодействия наций между собой, которое оказывает не меньшее влияние на формирование всех сторон национальной жизни. По его словам, от того, насколько такое взаимодействие было интенсивным, зависело место национальной истории как в пространственно-географическом, так и в политическом и культурном смыслах. Причем отношения соседства имели не редко большее значение, чем процессы, протекавшие в центрах формирующихся и развивающихся наций. При этом соседство отнюдь не всегда означало географическую близость. Примером тому могут служить взаимоотношения Франции и Польши, Англии и России. При этом партнерство может носить как позитивный (совместное достижение общих целей), так и негативный (протivotояние, господство и подчинение) характер.

Ставя своей задачей исследование взаимодействия наций, а именно народов Польши и России, К. Цернак подчеркивает, что для профессионального историка необходима известная отстраненность от стереотипов традиционных исторических представлений о взаимоотношениях наций для того, чтобы проанализировать генезис и содержание этих отношений и дать им объективную научную оценку. В отличие от субъективного подхода к изучению истории взаимоотношений европейских наций, который был, по словам автора, характерен в прошлом, когда оценки этим отношениям давались с позиции отдельных наций или когда связи между нациями рассматривались сугубо как дипломатические или торговые отношения, новое понимание характера национальных связей, их исторического развития К. Цернак видит в том, что эти связи представляют собой значительно более широкий спектр факторов взаимодействия и являются существенным элементом самого процесса становления европейских наций (С. 20).

При этом в своем анализе К. Цернак исходит из диалектичности, внутренней противоречивости самих факторов национального взаимодействия, что является отражением сложности процесса форми-

рования национального сознания. К этим факторам К. Цернак относит христианство, которое, по его мнению, выступает как общий фундамент национального сознания в Европе; но вместе с тем раскол средневековой церкви, а позже Реформация создали условия для выделения национальных общностей как политических объединений из других более широких политических структур.

Особый вес, по мысли автора, имел территориальный фактор, но и он развивался противоречиво. Соседство было сопряжено не только с сотрудничеством, но и с противоборством. На границах национальных объединений имеются диффузные зоны, которые представляют собой области обостренного антагонизма, так как в них происходят процессы формирования и укрепления национальных границ. В эпоху средневековых наций в этих зонах (в ходе освоения территории и колонизации) смешиваются этносы, а в эпоху индустриальных миграций процессы взаимодействия находят новые, еще более сложные варианты развития.

Вслед за территориальным фактором К. Цернак выделяет фактор межнациональных экономических связей, развитие которых первоначально было связано преимущественно с «торговыми нациями» и привело, «начиная с XVI—XVII вв., к формированию универсальной экономической системы, в рамках которой нации посредством внешней торговли сформировали собственную динамику экономических коммуникаций, т. е. мировой рынок» (С. 20—21). В русской историографии включение России и Польши в европейский, а позже и мировой рынок рассматривается как процесс постепенного преодоления натуральности хозяйства, формирования местных областных рынков, их слияние в национальный рынок, в рамках которого и происходит развитие международных рыночных связей. Разумеется, роль воздействия европейского рынка на развитие внутренних хозяйственных национальных связей находила отражение и в историографии, но как фактор вторичный по отношению к процессам внутреннего хозяйственного развития. Поэтому концепция формирования европейского рынка, предложенная К. Цернаком, представляет собой не только пример иного подхода, но и импульс для дальнейших исследований истории межнациональных хозяйственных связей, их влияния на внутренние процессы развития европейских народов.

Особое значение среди факторов национального взаимодействия придается автором военным взаимоотношениям европейских наций, их сотрудничеству и протivotоянию. Значение этого фактора едва ли требует специального обоснования. История военных взаимоотношений Польши и России, с одной стороны, не представляет собой иск-

лючительного явления, однако, с другой стороны, нельзя игнорировать того, что военный фактор не только оказал кардинальное влияние на историю наших народов в прошлом, но и оставил неизгладимый след в их исторической памяти, а поэтому не утратил в полной мере своего значения и в настоящем. Анализируя военные взаимоотношения наций, К. Цернак не ограничивается внешней, чисто военной историей конфликтов, уделяя основное внимание их воздействию на формирование национального сознания и нации. Он отмечает, что сотрудничество и противостояние, особенно последнее, нашли как активное, так и пассивное проявление, в национальном сознании и судьбе нации. Об этом свидетельствуют, например, образы шведов в восприятии немцами и поляками событий XVII в. Это же относится, как считает К. Цернак, к полякам и русским (С. 21).

Особое место среди факторов национального взаимодействия, по мнению автора, занимает историческое сознание, историческая память польского и русского народов. К. Цернак подчеркивает, что «изучение процесса формирования наций поляков и русских не может не исходить из отражения в национальном сознании исторических начал обоих народов... так как уже первые государственные образования с центрами в Гнезно и Киеве осознавались впоследствии, благодаря единству языка, религии и правящей династии, как исторические державы-предшественники, в идентичности с которыми формировались, воспитывались правящие слои Польши и России, с очевидным постоянством пронесшие сознание этой идентичности через многие перипетии тысячелетней истории» (С. 21).

Надо заметить, что в изложении конкретного материала в книге К. Цернака спектр факторов взаимодействия Польши и России представлен значительно шире, нежели в теоретической части работы. Это и понятно: конкретная история всегда неизмеримо богаче и красочнее, нежели ее отражение в абстрактной теоретической схеме. В частности, наряду с названными факторами, определившими, по мнению автора, характер взаимодействия европейских наций, в том числе России и Польши, указаны язык, государственные, политические, династические связи. Таким образом, если систематизировать эти факторы в рамках более привычной для отечественной историографии формационной модели, то увидим, что концептуальное расхождение в понимании нации между отечественной историографией, которая усматривает решающий фактор формирования нации в развитии социально-экономической структуры общества, и школой, которую представляет профессор К. Цернак, состоит не в выборе факторов национального развития как та-

ковых и факторов взаимодействия наций, которым автор уделяет главное внимание, а в их субординации. К. Цернак рассматривает формирование национального сознания как фундаментальный, структурообразующий фактор, первичный по отношению к политическим, социальным и экономическим условиям. Это, разумеется, не исключает их обратного влияния на национальное сознание. Напротив, глубокий анализ такого влияния, данный в книге — еще одно свидетельство диалектического подхода автора к историческому процессу и одно из достоинств исследования.

История европейских наций, составной частью которой является история Польши и России, по мнению К. Цернака, с точки зрения территориальной и цивилизационной, ограничивается рамками Европы. В связи с этим автор затрагивает вопрос о культурно-цивилизационной принадлежности России.

Указывая на то, что, в отличие от Польши, принадлежность Древней Руси, а позже России, к Европе часто ставилась под сомнение, К. Цернак отметил, что крайнее положение и размеры страны, ее протяженность на восток, слабость общественных и политических структур и деспотическая форма власти как компенсация затрудненности социальных и политических связей — все это отрицает европейскую принадлежность России (С. 21—22). Тем не менее, автор считает, что Россия является составной частью Европы и убедительно обосновывает этот тезис в рамках своей исторической концепции. Он указывает на однотипность политического и национального становления первых государственных образований древних Польши и Руси с центрами в Гнезно и Киеве. Для средневековой Польши, в той же мере как для средневековой Руси, а затем России, одним из принципиальных вопросов внутренней социально-политической истории становится проблема взаимоотношений «земель» и государственной власти. В книге К. Цернака эта проблема рассматривается как противоборство веча и князя, через призму противоречия между династическим началом в государстве, которому соответствовало начало территориальное, земельное, с одной стороны, и города и веча, как начала общинного, корпоративного, представляющего население — с другой. Освобождение таких местных корпораций из-под власти Киева привело к раздроблению государства Рюриковичей и формированию на его территории земель-государств с центрами во Владимире, Новгороде, Галиче и др. (С. 83—85). Вместе с тем, по мнению автора, развитие противоречия между князем и городом (в специфически древнерусском значении этого термина) формировало альтернативу, которую представляло собой будущее поли-

тическое устройство Польши и России, когда борьба земского и самодержавного начал как между шляхтой, можновладством и королем в Польше, так и дворянством, боярством и царем в России, привела к преобладанию земского, корпоративного начала в Польше и автократического, самодержавного в России. Однако развитие этой альтернативы К. Цернак усматривает в том, что в отличие от Польши, которая развивалась в рамках латинской культурно-исторической общности и переняла традиции европейского «политического феодализма», Россия оказалась в сфере влияния православия и связанных с ним традиций византийского самодержавия, а также не избежала воздействия деспотических форм правления Востока.

Распад Киевской Руси стал, по мнению автора, мотивом экспансионистских интересов Польши и Литвы, так как в случае объединения их сил открывалась возможность территориальной экспансии за счет земель бывшего Киевского государства. Литва сыграла роль «третьей силы» во взаимоотношениях Польши с Русью, что направило по новому пути развитие западных и юго-западных земель Древнерусского государства и в конце концов привело к образованию новых наций: украинцев и белорусов. В то же время на северо-востоке Руси начался процесс собирания земель вокруг Москвы, проходивший одновременно с борьбой против ордынского ига.

Изменение политической географии Восточной Европы, распад Руси и восточная ориентация польской политики для К. Цернака означают не просто изменение геополитической ситуации, но в первую очередь отражение процесса взаимодействия элементов европейской структуры наций. Указывая на значение русской земледельческой колонизации Северо-Востока, К. Цернак, вслед за В. О. Ключевским, усматривает в ней поиск князьями новой экономической основы для своего господства (С. 23). Однако не в этом видит он наиболее характерную черту нового этапа истории Польши и России, а во взаимодействии двух культур, в первую очередь культур политических, взаимодействие которых проявилось в идейной и политической борьбе за наследие Киевской Руси. Автор подчеркивает, что идеи восстановления древнерусского облика княжеской власти и обретения господства над всеми землями прежнего Киевского государства, нашедшие поддержку со стороны церкви, возникли в известной мере вследствие давления извне, в результате польско-литовской территориальной

экспансии. Встречное движение Московской Руси и Польши, роль Литвы в этом противостоянии привели к тому, что на востоке Европы образовалось поле взаимодействия культур, зона напряженности, что было характерно и для Европы в целом. Возник, по словам К. Цернака, западно-восточный культурный импульс, но с точки зрения политического господства окраины Древней Руси перешли в чужие руки (С. 24).

Автор показывает, как с этого времени, с XIV—XV вв., начинается качественно новый этап в истории России и Польши, когда, наряду с движением русской колонизации на восток, начинается, образно говоря, возвращение Руси в Европу. На этом пути она встретила державу Ягеллонов, феодализм и привилегии которой стали антитезой формирующемуся московскому самодержавию. Так развитие культурно и политически односторонних держав — Древней Руси и Польши — привели к образованию структуры противостояния, взаимного «вызова и ответа».

Завершение собирания земель вокруг Москвы и образования Московского царства, с одной стороны, и формирование Польско-Литовского государства — с другой, повлекли за собой активизацию процессов в зоне российско-польского взаимодействия в XVI в. Этот период, включая сюда и начало XVII в., К. Цернак определил как время триумфа польской шляхетской демократии над московской автократией (С. 152—194). При этом конфликт России и Польши автор не рассматривает только через призму противостояния государств в духе традиционной для русской историографии концепции польской интервенции, а показывает, как в общественном сознании развивались представления, отражавшие интересы различных социальных и сословных групп, представления о роли государства, его политических формах, о его взаимоотношениях с сословиями, с аристократией и дворянством, как в общественном сознании формировался образ государства, соответствующий национальным традициям и ценностям Польши и России, как взаимодействовали эти процессы в ходе интенсивного идейного и культурного обмена. К. Цернак показал возможность установления или распространения на Россию политических порядков шляхетского конституционализма и вместе с тем констатировал, что «вследствие крушения инспирированной поляками попытки установления конституции 1610—1611 гг.² из верности православной церкви и идеологического неприятия

² Речь идет о договорах, заключенных с поляками от имени Тушинского лагеря в феврале 1610 г. боярином М. Г. Салтыковым и в августе 1610 г. от имени правительства Ф. И. Мстиславского о призвании на русский престол королевича Владислава и польских гарантиях привилегий российского боярства.

„политического феодализма“ (законодательного ограничения прав верховной, королевской или царской, власти в пользу господствующих сословий, земских феодальных корпораций и органов сословного представительства. — Б. Н.) в Московском государстве выросли силы для ответного удара по конституционной программе поляков, успешно распространявшейся до этого времени на значительной части территории, в прошлом относившейся к Древней Руси» (С. 536—537).

Перелом в соотношении сил и в направлении тенденций национального взаимодействия между Польшей и Россией произошел, по мнению автора, в середине XVIII в., со времени освободительной войны на Украине, и завершается в начале XVIII в., когда Россия входит в число великих европейских держав. Примечательно, что новый рост напряженности в области польско-русских отношений приводит к формированию русско-украинско-польского поля национального взаимодействия. Что же касается Польши, то она вступает с этого времени в полосу упадка шляхетской государственности и кризиса суверенитета, завершившуюся разделами Речи Посполитой³. Крушение шляхетской Польши и присоединение ее большей части к России, казалось бы, означали разрешение давнего противоречия между российским самодержавием и шляхетским республиканизмом. Однако К. Цернак показывает, как в результате разложения старых форм общественного сознания формируются новые, связанные с новым пониманием национальных ценностей, патриотизма, задач развития национальной культуры. Это дало возможность полякам сохранить национальную самобытность и национальное сопротивление. Тем самым, прежний алгоритм «вызов и ответ» сохранил свою роль в национальном взаимодействии России и Польши в XIX в. и нашел, по мнению автора, выражение в двух формах национализма: великодержавном российском национализме и национализме польской нации, для которой развитие национального сознания и культуры стало основополагающей формой самосохранения после утраты национальной государственности и независимости.

Как показывает К. Цернак, взаимодействие и противостояние двух форм национализма сохранилось и в период разложения «старого порядка» на востоке Европы (1890—1919). Начало этому процессу было положено изменениями в общественном сознании, формированием основных направлений общественного движения, связанными с индустри-

ализацией и изменениями социального облика общества.

Независимость, обретенная Польшей после первой мировой войны в результате «исторического поворота 1917—1918 гг.», не изменила, по мнению автора, исторической связанности и противостояния России и Польши — на этот раз они выразились в контексте противостояния Советской России и Запада, СССР и Германии.

Рассмотрение общей истории Польши и России советской эпохи, особенно того периода, когда после второй мировой войны Польша оказалась в советском блоке, вновь требует от автора обоснования своего исходного тезиса о нации и национальном сознании как структурных элементах европейской истории, так как, хотя бы внешне, история России (сюда К. Цернак включает и историю СССР 1917—1991 гг.) окрашена интернационалистской идеологией, а официальной идеологической программой так называемого социалистического сотрудничества, к которому принадлежала и Польша, была программа социалистической интеграции. К. Цернак усматривает преемственность истории Российской империи и СССР не только в великодержавной имперской практике советского руководства, особенно после 1945 г., но в первую очередь в более глубинном слое национальной жизни, а именно в развитии русского народа. Он пишет, что «русское начало существовало в России Нового времени всегда одновременно как собственно русское ядро, великорусский народ, и как управляемое, ведомое русскими имперское целое, имперская нация. В конце концов из вызова, брошенного русской нацией себе самой, посредством всечеловеческой идеи мировой революции выросло в XX в., глубочайше затронувшее Польшу в ее национальном существовании, мировое значение России, которое еще сегодня, вовлекая весь мир в процесс своей эрозии, является свидетельством жизненной силы этой русской нации» (С. 22).

Примечательно, что «эрозия» России была связана, по мнению К. Цернака, не только с внутренними процессами или с давлением Запада, но и в значительной мере с революционными преобразованиями в Восточной Европе, которые он образно обозначил фразой: «„Солидарность“ и „перестройка“ — два пути к демократии» (С. 496). Автор подчеркивает, что «сразу в ходе упадка великодержавия Союза, который последовал в 1980-е годы не в последнюю очередь посредством эрозии западных рубежей восточного блока, смогла отнюдь не революционная „Родина мировой революции“ присое-

³ Взгляды К. Цернака на развитие международных отношений в Европе в первую очередь взаимоотношений Польши, России и Германии, в период с 1700 по 1989 гг. изложены в частности в его статье.

диниться к процессу европейских революций, которые в 1989 г. вступили в свою решающую фазу, когда демократические движения почти во всех странах Восточной Европы начали борьбу за построение правового государства и гражданского общества» (С. 541).

Эта мысль К. Цернака представляется весьма плодотворной и вместе с тем очень характерной для его концепции истории Польши и России, да и Европы в целом. Эта концепция основывается на представлении о единстве революционного процесса европейской истории, в котором диалектически связаны процессы эволюционных и революционных изменений в общественном сознании и в жизни европейских народов. Несмотря на многообразие и противоречивость факторов, оказавшихся в сфере рассмотрения и анализа, для авторской концепции характерна монистическая цельность, вытекающая из принципа преемственности основопо-

лагающего национального начала в истории европейских народов. Истории, в которой, как это показал К. Цернак на примере Польши и России, взаимодействие наций не только формировало судьбу каждой из них, но и создало уникальный феномен общей европейской истории.

Носов Б. В.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бромлей Ю. В. Этнические процессы. История, теория, современность. М., 1987.
2. Фрейдзон В. И. Изучение процесса складывания наций в Центральной Европе в Институте славяноведения и балканистики АН СССР в 1970—1980-е гг. (Историографические заметки) // Нация и национальный вопрос в странах Центральной и Юго-Восточной Европы во второй половине XIX — начало XX в. М., 1991.

Divadlo v Kotcích. Nejstarší pražské městské divadlo. 1739—1783.

Uspořádal a redigoval František Černý. Praha, 1992. 479. S. III.

Театр «В Котцах». Самый старый городской театр. 1739—1783.

Составитель и редактор Франтишек Черны

Внушительная литература о чешской театральной культуре, заслуженно привлекающая внимание широкой европейской научной общности, обогатилась еще одним обширным иллюстрированным фолиантом, опубликованным пражским издательством «Панорама», отличная полиграфическая база которого в полной мере отразилась на облике рецензируемого труда.

Коллектив авторов (22 специалиста в области театра, литературы, музыки, живописи, отечественной истории) традиционно возглавил профессор Карлова университета Ф. Черны, издавший такие монументальные труды, как четырехтомная «История чешского театра», «Возникновение чешского профессионального театра», «Национальный театр и его предшественники. Словарь деятелей театров: Патриотического, Сословного, Временного и Национального» (см. рецензии автора в [1—3]) и ряд других работ, выполненных с необыкновенной тщательностью и любовью к предмету исследования.

Рецензируемая монография, посвященная ав-

торами «Городу Праге — прекрасным кулисам наших жизней», весьма любопытна своей композицией. Главы, непосредственно касающиеся театра, получившего имя «В Котцах» (по названию сукопных торговых рядов): истории его подготовки и открытия, репертуару, оформлению, драматургическим и оперным текстам этого периода и другие, вольно «разбавлены» текстами пьес, идущих на сцене этого театра и оставивших след в истории отечественной культуры («Каменный гость или Распутник» В. Порты, анонимная пьеса «Влюбленный ночной сторож», «Князь Гонзик» Й. Х. Крюгера, «Йоганн Фауст» П. Вайдмана).

Книгу обогащает приложение, названное «контекстами» и содержащее небольшие по объему, но очень емкие главки, посвященные театральной деятельности пражских иезуитов, пиаристов, а также народному («соседскому») театру северной Чехии периода подготовки и расцвета театра «В Котцах». Замысел авторского коллектива — обогатить, расширить рамки освещения театральной жизни Праги XVIII в. — удался вполне.

Открытие в начале 1739 г. первого постоянного театра, преимущественно оперного, в Старом Месте Праги рассматривается автором первой главы Я. Пёмерлом в контексте общеевропейской театральной культуры, в которой со второй трети XVII в. доминировала итальянская опера. В Габсбургской монархии, как и в большинстве других стран (за исключением Италии), опера звучала лишь на сценах придворных театров. Широким слоям населения этот вид развлечения был недоступен.

Пражский высший свет мог наслаждаться оперными спектаклями во время посещений императоров, как правило, привозивших с собой и оперную труппу. Например, в 1679—1680 гг. Леопольд вместе со своим двором переместился из Вены, где свирепствовала холера, в Прагу, и недалеко от Пороховой башни для императорской труппы была поставлена небольшая театральная сцена.

Важным импульсом для создания пражского оперного постоянного ансамбля стала постановка венской придворной труппы оперы И. Й. Фукса «La Costanza e Fortezza» («Постоянство и мужество»), состоявшаяся 28 августа 1723 г. по случаю коронации Карла VI чешским королем в огромном зале (ныне — малеж Пражского Града) в присутствии императорской семьи и высшей знати.

Зарождающееся чувство местного патриотизма способствовало принятию в конце 1737 г. Советом Старого Места пражского решения перестроить на средства города часть торговых рядов, «...дабы удовлетворить многочисленные просьбы горожан и предоставить достойное развлечение пражской знати и всем пражанам» (цит. по: [4. s. 160]). Строительство продолжалось около пяти месяцев и обошлось городу в 15 000 злотых (s. 14).

Открытие театра «В Котчих» означало конец господства придворного театра и начало новой эры в истории чешской театральной культуры, ставшей органической составной частью духовной жизни городского общества.

Вероятнее всего, «В Котчих» начали регулярно играть с начала 1744 г. Одни импрессиарио сменяли других. Я. Пёмерл подробно рассказывает об их деятельности, подчеркивая, что обладая немецкими, французскими и итальянскими именами они зачастую были тесно связаны с местной средой, причем не в первом поколении.

С 1783 г. театральная жизнь Праги сосредотачивается в Национальном театре, построенном графом Фр. А. Ностицем. Открывается новая страница чешского театра.

Чередование драматических и оперных трупп «В Котчих», естественно, нашло отражение в его сценографии, которой посвящена интересная, содержащая малоизвестный материал, глава П. Прейса. В ней подробно анализируется творче-

ство чешского художника В. В. Райнера. Найдено шесть декораций В. В. Райнера, написанных для театра «В Котчих» (s. 33). Деятельность Райнера, Й. Хагера и Й. Редлмайера рассматривается автором в контексте всей отечественной культуры первой половины XVIII в. (привлекаются данные литературы и музыкального искусства).

Тема главы Т. Волека «Итальянская опера и другие типы „песенного театра“» позволяет затронуть ряд проблем, в том числе: театральные-музыкальные жанры, исполнительного мастерства актеров «В Котчих», места оркестра в художественной структуре театра и др.

«Итальянская опера без балета, что прекрасная еда без вина...», так начинает главу о балетных труппах театра Б. Бродска (s. 89). Видимо, это было и мнением пражской аристократии, за которой оставалось главное слово в театре. В отличие от ряда европейских сцен, где балетные «антракты» лишь заполняли паузы между актами оперы, театр «В Котчих» в 70-е годы XVIII в., когда в Праге работали известные импрессиарио Дж. Бустелли и И. Й. Бруниан, имел две балетные труппы, члены которых позднее прославились на сценах Вены, Берлина, Петербурга и Штутгарта. Достаточно сказать, что на пражской сцене в 70-е годы танцевала Анна Морелли, талант которой высоко котировался у европейских ценителей искусства [4. s. 55].

Задача главы о пантомиме на сцене театра «В Котчих» А. Шерла — проследить, каким образом голландские, итальянские и австрийские труппы, сменявшие друг друга на сцене театра, устанавливают контакт с пражской средой. Пользуясь необычайной популярностью в чешской столице, пантомима быстро и успешно усваивает влияние местной среды, в первую очередь, в музыкальном и языковом отношении. Интересны, в частности, рассуждения автора о влиянии на пантомиму любительской чешской оперы (видимо, правильное было бы говорить о пьесах с пением и танцами, занимающих столь значительное место в репертуаре чешского театра в последней трети XVIII — первой половине XIX в.). Действие пантомимы нередко переносится в пражскую среду, причем это проявляется не только в частом упоминании любимых пражанами мест, местных сортов пива и т. д., но и в музыкальном оформлении пантомим. А. Шерл, кстати, прекрасный знаток чешского музыкального театра, убедительно показывает, как мелодии народных песен становятся обязательной — и при этом естественной — составной частью пантомим, идущих «В Котчих». Традиция эта была передана Ностицкому театру (с 1797 г. здесь начала свою деятельность труппа П. Касорти).

Рамки рецензии позволяют лишь перечислить с кратким комментарием главы, посвященные дея-

тельности первого пражского городского театра: Я. Гивнар — «Йоганн Йозеф Феликс фон Курц, называемый Бернардон» (о немецко-чешских театральных связях исследуемого периода); З. Дигрин — «Сезон Гольдони в Праге» («В Котцях» было поставлено восемь его пьес); Фр. Черны — «Князь Гонзик» (всесторонний анализ пьес, занимающей особое место в истории чешской литературы и театра — наряду с «Влюбленным ночным сторожем» она была первой пьесой, опубликованной на чешском языке (1771), в предисловии речь шла о целях и задачах нового чешского искусства [5]); фаустовская тема поставлена в широкие рамки общекультурного контекста в главе Фр. Черного «„Йоганн Фауст“ Вайдмана». Несомненный интерес представляет рассказ Яр. Вавры о Карле Франтишке Штейнберке — одной из интереснейших фигур пражской культурной жизни рубежа веков, судьба которого была тесно связана с Россией и историей русского театра. Статьи М. Живной «Первая пражская постановка „Разбойников“ Шиллера», Пр. Кнедла «Пражские драматические и оперные тексты периода деятельности театра „В Котцях“», Я. Пёмерла «Театр „В Котцях“ и замковые театры» и другие дополняют этот фундаментальный труд, авторы которого смогли выполнить казалось бы невыполнимую задачу: взяв за исходную точку историю первого пражского городского театра, просущество-

вавшего менее полувека, не только развернуть широкую панораму чешской общественно-культурной жизни тех лет, но и ненавязчиво, умно, без натяжек и в то же время без ложной скромности, поместить этот артефакт в филигранно выполненную оправу европейской культуры XVIII в., столь богатую талантами, художественными открытиями, стремительно меняющего свои вкусы и пристрастия, склонного щедро наделять дарами и с благодарностью принимать их, что обычно сухо называется «культурными связями и контактами».

Закрывая увесистый фолиант, испытываешь чувство радости от знакомства с прекрасно выполненной работой и благодарности за щедрый подарок.

Тимова Л.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Информационный Бюллетень МАИРСК 1985. Вып. 13. С. 72—74.
2. Советское славяноведение. 1991. № 3. С. 49—58.
3. Информационный Бюллетень МАИРСК 1992. Вып. 23—24. С. 42—44.
4. Teuber O. Die Geschichte des Prager Theaters, Prag, 1883. Т. 1.
5. Vondráček J. Dějiny českého divadla. Doba obrozenecká. 1771—1824. Praha, 1956. S. 39—40.

СН. СНОЛИОЛЧЕВ. Onomasiologische und derivative Struktur der bulgarischen Phytonymie. Wien, 1990

ХР. ХОЛИОЛЧЕВ. Ономаσιологическая и словообразовательная структура болгарской фитонимии

Рецензируемое исследование болгарского ученого Хр. Холиоулчева, вышедшее в издаваемой Болгарским исследовательским институтом (Австрия) серии «Miscellanea Bulgarica» (Т. 8), является серьезным вкладом в развитие нового славистического направления — фитолингвисти-

ку. Оно посвящено структурно-словообразовательному и ономаσιологическому анализу болгарской фитонимии на синхронном уровне. Его появление представляется чрезвычайно актуальным в условиях широко развернувшейся работы над Общеславянским лингвистическим атласом.

В жанровом отношении работа многопланова: это и монографическое описание, и словообразовательный словарь, и микроатлас, репрезентирующий территориальное распределение основных словообразовательных морфем, участвующих в оформлении фитонимических номинаций.

В отличие от имеющихся исследований, посвященных анализу ботанической терминологии (подробный обзор которых автором приводится в предисловии), в рецензируемой работе предпринята попытка связать номинативную структуру этих имен с элементами духовной культуры, с представлениями о рациональных и иррациональных свойствах растений. Это позволило выявить широкий денотативный диапазон фитонимических наименований. Проводя анализ материала на культурологическом фоне, автор моделирует семантическую структуру фитонимов, определяет типологию их мотивационных признаков, выделяет типизированные структурно-семантические модели. Приводимый им материал свидетельствует о том, что семантическая структура фитонимов имеет ярко выраженный антропоцентрический характер, поскольку мотивационные признаки, положенные в их основу, отражают не только объективные свойства растений (такие, например, как особенности внешнего вида, запаха, цвета, вкусовых качеств, места произрастания и др.), но и такие, которые им «приписывает» человек, связанные с характером воздействия на него растения и отражающие чаще всего языческие представления и верования (особенно в названиях лекарственных растений).

Работу отличает тщательная продуманность композиции. Она состоит из введения, трех глав и заключения. Во введении дается подробный обзор литературы, посвященной изучению ботанической терминологии, в каждой из трех глав проводится ономастологический и структурно-словообразовательный анализ фитонимов с учетом их словопроизводственной базы: адъективной, глагольной, субстантивной. В заключении подводятся итоги исследования.

Выводы, к которым пришел автор, подтверждают неоднократно высказывавшееся положение о существовании семантической связи между производящей основой и характером словообразовательного средства, о наличии довольно жесткого момента избирательности типа мотивирующей основы при образовании фитонимов той или иной группы. Так, в частности, проанализированный автором материал свидетельствует о предпочтительном использовании субстантивных основ при образовании фитонимов (они составляют около 56% от общего числа имен), тогда как адъективные и особенно глагольные основы используются значительно реже (ср.: адъективные основы — 27%, глаголь-

ные — 17%). Это наблюдение соотносится и с нашими выводами о высокой деривационной потенции субстантивных основ при образовании ботанических имен в болгарском языке, что выделяет его среди других южнославянских языков и сближает с польским, верхнелужицким и чешским (см. [1. С. 322]). О высокой деривационной активности субстантивных основ свидетельствует и инвентарь их аффиксальных морфем, который практически вдвое превышает набор словообразовательных средств, использующихся в девербативных и деадъективных номинациях. Ориентация на именные (и прежде всего субстантивные) основы при словопроизводстве фитонимов отражается и на семантической структуре этих имен: большая часть их (75%) связана отношениями подобия, предполагающими, что в качестве мотивирующего избирается признак сходства с другими растениями (особенно многочисленны названия с корнем *ogĕh-), животными (особенно с корнем *koz-), предметами быта (чаще всего с корнями *metyl-, *rog-, *krst-), небесными светилами (особенно с корнем *zvĕzd-), человеком, частями его тела (особенно с корнем *golv-) и т. д., сравнение с которыми и составляет сущность мотивационного признака. Основными словообразовательными средствами, использующимися для выражения этих отношений, являются суффиксы *-к-а*, *-иц-а*, *-че*. Карты, прилагаемые к работе, свидетельствуют о том, что каждый из этих суффиксов имеет свою географию: если, например, суф. *-иц-а* локализуется в основном в рупских говорах (Велинград, Грудово, Хасково, Малко Търново), а также в северо-западных (Бела Слатина) и переходных западных (Трън, Годеч), то суф. *-че* — в основном в балканских.

Адъективные основы встречаются чаще всего в названиях, где актуализируются физические признаки и свойства растений (такие, например, как цвет, вкус, запах и т. д.). Особенно многочисленны названия от цветковых основ и прежде всего — от основ *bĕl- и *sip-, которые имеют самые большие словообразовательные гнезда (ср. гнездо с основой *bĕl-: *-ик-а*, *-иц-а*, *-ин-а*, *-ок*, *-изен*, *-изм-а*, *-ил-о*, *-ил-к-а* и т. д.). Из числа словообразовательных средств выделяются суффиксы *-ик-а*, *-иц-а*, *-к-а*, *-ец*, каждый из которых имеет свой ареал (ср., например, распространение суф. *-ик-а*, локализуемого в основном в западных говорах: в переходных (Трън, Брезник) и юго-западных (Самоков, Ихтиман, Ботевград, Враца) и суф. *-к-а* — в центральных балканских (Пирдоп, Тетевен, Габрово) и в некоторых мизийских (Попово, Разград).

Глагольные основы используются при актуализации тех признаков, которые указывают преимущественно на магические свойства растения или на такие его качества, которые имеют практи-

ческое значение (например, при исцелении больного). Здесь наиболее продуктивными являются основы **ler-/lip-*, **vit-/vij-*, **maz-*, **ruk-/ruc-*, а среди суффиксов — *-к-а*, *-ник*, ареалы которых также довольно четко локализованы (ср., например, распространение суф. *-ник*, который отмечен преимущественно в балканских говорах (в ряде центрально-балканских и подбалканских), а также в восточных рупских — странджанских).

Этот набор мотивационных признаков является, по-видимому, универсальным, поскольку он встречается в ботанической терминологии и других славянских языках (см., например, работы В. А. Меркуловой, Я. В. Закревской, Ф. Буффы, Б. Китанова и др.), различия прослеживаются лишь в их иерархии.

Карты, прилагаемые к работе, дают представление о размерах, конфигурации, соотношении ареалов наиболее продуктивных суффиксальных морфем. Они свидетельствуют о том, что локализация этих ареалов тесно связана с характером производящей основы (см., например, карты 3, 5, 8, репрезентирующие разные ареалы суф. *-к-а* в фитонимах, мотивированных адеквативными, субстантивными и глагольными основами). В то же время нельзя не отметить, что некоторые карты, являясь в известной степени обобщенными, не выполняют своей репрезентативной функции (например, на карте 12 дана общая картина распространения суф. *-ик-а* и *иц-а*, тогда как было бы целесообразно представить ареалы каждого суффикса в отдельности, что позволило бы соотнести их в ареалогическом плане, тем более что в русских диалектах эти суффиксы формируют члены достаточно яркой оппозиции, причем именно в фитонимической лексике).

Приведенный автором материал свидетельствует о том, что в образовании фитонимов участвуют практически все болгарские словообразовательные средства (исключение составляют лишь некоторые суффиксы, в частности *-б-а*, *-от-а*, *-ость*, которые в этой группе имен не употребляются). Особенно часто используются модификационные суффиксы, позволяющие передать эмоционально-экспрессивную оценку (положительную или отрицательную) в акте номинации. Среди мутационных суффиксов особенно продуктивен суф. *-к-а* (на долю которого приходится примерно 25% имен), а также суф. *-иц-а* и его расширенный вариант суф. *-ниц-а* (15%). Большинство суффиксов являются одновалентными (более 90), значительно меньше двухвалентных (36) и трехвалентных (25). Думается, однако, что более строгий подход к определению словопроизводственной базы фитонима позволил бы еще больше сузить набор словообразовательных средств, связанных с тем или иным видом производящих основ (например, вряд ли правомерно рассмотрение производных типа *класатица*, *боровица* или *воданка* среди

десубстантивных образований, а *бодлак*, *мазнец* — среди deadъективных). Это дало бы возможность рельефнее представить деривационные потенции адеквативных, субстантивных и глагольных основ.

Что касается картографической репрезентации материала, то здесь оказывается значимым отсутствие обобщающих карт, посвященных выявлению диалектных различий как в словопроизводственной базе фитонимических имен, так и в репертуаре используемых словообразовательных средств. Разными картографическими способами (штриховкой, фоном или графическими символами) можно было бы показать избирательность в использовании того или иного вида основы (учитывая также ее ономастиологический признак) или того или иного типа аффиксальной морфемы.

Небезынтересно было бы представить на карте и явление словообразовательной вариативности, особенно в именах, обладающих обширными словообразовательными гнездами.

Народные названия растений — один из наиболее древних лексических пластов в словарном составе любого языка. В них закреплён опыт практического и культурно-мифологического освоения человеком мира природы. В связи с этим они позволяют раскрыть своеобразие языковой картины мира того или иного народа. Изучение материала, представленного в книге Хр. Холиолчева, свидетельствует о наличии значительного числа имен, отражающих сакральные мотивы номинации (при том, что фитонимы с корнем **ъrd-*, связанные в языковом сознании восточных славян с симпатической магией, отсутствуют).

Думается, что подход, предложенный автором к изучению ономастиологической и деривационной структуры фитонимов, может быть распространен и на другие тематические группы имен, причем объектом исследования могут быть не только однословные, но и составные номинации, поскольку именно в них ярче всего раскрывается своеобразие метафорических переносов. Это позволило бы расширить наши представления о сходстве и различиях в языковой картине мира славян. Использование же этой методики на картах Общеславянского лингвистического атласа дало бы возможность представить ее в ареальной проекции.

Вендина Т. И.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вендина Т. И. Славянское субстантивное словообразование в сопоставительном аспекте. М., 1988. (Докторская диссертация.)

КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ПРОБЛЕМАМ ИСТОРИИ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

В Москве 18—19 ноября 1993 г. состоялась международная научная конференция «Историко-культурные и социолингвистические аспекты изучения славянских литературных языков эпохи национального возрождения (конец XVIII — вторая половина XIX вв.)», организованная отделом славянского языкознания Института славяноведения и балканистики РАН. В конференции приняли участие ученые России, Белоруссии, Украины, Эстонии. Было заслушано 20 докладов.

Открывая конференцию, Л. Н. Смирнов отметил, что процессы становления и развития современных славянских наций, относящиеся к периоду конца XVIII — вторая половина XIX в., составляют стержневое содержание эпохи национального возрождения славянских народов, которая сыграла определенную роль и в истории литературных языков. Именно к этой эпохе относится возникновение новых литературных языков или качественное обновление существовавших ранее у отдельных народов литературно-письменных форм этнического языка. В социолингвистическом и историко-культурном аспекте особое значение имело обретение этими новыми или обновленными языками статуса общенационального литературного идиома, который выполнял важную национально-репрезентативную функцию и выступал не только как средство общения и литературного творчества, но и как существенный фактор консолидации нации, как мощное орудие развития образования, просвещения и национальной культуры.

Докладом, придавшим тематике конференции ретроспективную глубину и философский уровень обобщения, стал доклад академика Н. И. Толстого (Москва) «Pax Slavia Orthodoxa и Pax Slavia Latina общее и различное». В нем было показано, что возникновение церковнославянского языка в IX в. создало третий культурный ареал в Европе (славянский), наряду с романо-германским (латинским) и византийским (греческим). С XI в. славянский культурный мир существовал в двух вариантах: Slavia Orthodoxa и Slavia Latina, между которыми во все времена существовало взаимодействие (ср. традицию глаголящей, сохранявшуюся до XX в.). В мире Slavia Latina народные литературные языки не были сакральными и потому не имели строгой нормы, а в мире Slavia Orthodoxa народные литературные языки были как бы ответвлением, продолжением общего церковнославянского сакрального языка. То же можно сказать и о литературе: у православных славян вплоть до XVIII в. была единая церковнославянская литература (она во многом «калькировала» византийскую литературу), от которой позже отпочковались национальные литературы, а у славян-католиков собственная литература лишь дополняла общеевропейскую латиноязычную (переводом с латыни было значительно меньше).

Доклад В. К. Журавлева (Москва) был посвящен понятийному аппарату общей теории формирования и истории литературных языков. В понятие «литературный язык» В. К. Журавлев включает определенную совокупность текстов, объединенную общностью грамматической структуры и лексического фонда, а также его социолему — языковой коллектив, выполняющий функции хранения, передачи и расширенного воспроизводства текстов. Формирование литературного языка нации, таким образом, тесно связано с созданием переводных и (или) оригинальных текстов, а также с созданием школы с целью формирования его социолемы — национальной интеллигенции. Иное определение понятия «литературный язык» прозвучало в докладе В. П. Гудкова (Москва) «Вопросы теории литературного языка в свете литературного языка у сербов»: «литературный язык есть система (системы) (обще)принятых средств выражения (фиксации) социально значимой информации (производственной, мировоззренческой, художественной и т. п.) с целью ее передачи в пространстве (между соотечественниками) и во времени (между представителями разных поколений)».

Л. Н. Смирнов (Москва) в докладе «О некоторых актуальных проблемах истории славянских литературных языков эпохи национального возрождения» заметил следующие важные аспекты изучения истории славянских литературных языков: изучение роли и места национальных литературных языков в историко-культурной и языковой ситуации в славянских странах в конце XVIII — второй половине XIX в.; раскрытие роли церкви и религиозной литературы на родном языке в становлении и развитии национального литературного языка; взаимосвязь и взаимовлияние славянских литературных языков на стадии формирования и начального функционирования; проблема пуризма; изучение закономерностей внутрисистемной динамики разных уровней структуры формирующихся национальных литературных языков; идея славянской взаимности в языковой теории и литературно-языковой практике эпохи национального возрождения, в частности, проблема разработки теоретических проектов и практических опытов создания

искусственных литературных языков — общеславянских, региональных, общего языка для двух народов. Пример такого искусственного общеславянского литературного языка продемонстрировал в своем докладе А. Д. Дуличенко (Гарту), обратившись к аудитории с приветственным вступительным словом на всеславянском языке Матея Майера. В дальнейшем докладчик сосредоточил внимание на анализе соотношения социолингвистических стратегий, выраженных в концепциях областных (региональных, локальных), общенациональных литературных языков и в проектах всеславянского языка. Глубинную причину живучести областных литературных языков наряду с утвердившимся литературным языком нации, а также появление новых проектов всеславянского литературного языка А. Д. Дуличенко видит в трехслойной структуре этнического сознания, включающего «малую родину» (покрываемую говором или диалектом), «большую родину» (в которую входят соплеменники и все родственные диалекты и говоры, формирующие цельный этнос и целостный язык), а также ощущение себя в близкородственном контексте — в контексте славянских этносов и языков.

Блок докладов был посвящен роли реформаторов языка в выборе стратегии, политики формирования славянских литературных языков, в разработке программ языкового развития, в выборе языковой базы для создания общенационального литературного языка; отдельным аспектам нормализаторской и кодификаторской деятельности реформаторов, а также значимости такого фактора для развития языка, как наличие языкового коллектива, способного воспринимать и создавать тексты на данном литературном языке. В докладе «Церковнославянский в спорах болгарских возрожденцев о формировании нового литературного языка» Г. К. Венедиктов (Москва) исследовал причины неудачи, которую претерпели попытки создания нового болгарского литературного языка на основе церковнославянского. К первой из них Г. К. Венедиктов относит малоплотность церковнославянского языка для широких масс болгарского населения, ко второй — узкую социальную базу тех, кто его использовал, отсутствие широкого круга образованных приверженцев создания литературного болгарского языка на церковнославянской основе, необходимого для расширения воспроизводства и распространения устных и письменных текстов, а также отсутствие авторитетных — общественных, культурных, государственных институтов, которые могли бы поддерживать создание такого литературного языка и его распространение среди болгар. Е. И. Демина (Москва) посвятила свое выступление деятельности выдающегося российского ученого-болгариста Ю. И. Венелина (1802—1839) и анализу его концепции устройства болгарского литературного языка нового времени, эксплицированной в неопубликованной до сих пор «Грамматике нынешнего болгарского наречия» (1834). Е. И. Демина оценила концепцию Ю. И. Венелина как один из первых опытов выработки определенной позиции по проблеме формирования нового литературного языка болгарского народа. В процессе конкретно-исторической адаптации чешского литературного языка, возникшего на базе литературного языка XIV в., как показала Г. П. Нецименко (Москва), важную роль играли не только коммуникативные потребности языка, но и господствующие концепции языковой и культурной эстетики. Для раннего периода (конец XVIII — вторая половина XIX вв.) это проявлялось в выраженном отталкивании от разговорной стихии, в противопоставлении языка поэтического и языка простонародного. К середине XIX в. наметилась существенная переориентация языковой эстетики, выражавшаяся в большом сближении с народной речью (ср. например, произведение Яна Неруды). Г. А. Лилич (С.-Петербург) в докладе «Вопросы формирования литературных языков в переписке чешских будителей» осветила, как во взаимных дискуссиях выкристаллизовывалась программа подъема чешского литературного языка и распространения его в разных сферах культуры, науки, общественной жизни, как решались отдельные конкретные вопросы языковой политики и развития языка в начале XIX в. Л. Н. Титова (Москва) проследила изменения статуса чешского языка в культурной жизни чешского общества — от языка элиты, узкого круга патристически настроенных деятелей чешской интеллигенции (в первые десятилетия XIX в.) до языка, обслуживавшего нужды широких слоев чешской общественности в середине 40-х годов XIX в., а также роль в этом процессе Й. Юнгмана, К. Гавличка-Боровского, Фр. Л. Ригера, Й. Пихля, Фр. Шумавского и других деятелей чешской культуры. Обратившись к исследованию путей восполнения лакун национального фонда нового сербского литературного языка — абстрактной лексики — в переводе Нового Завета В. С. Караджича, Г. Г. Тяпка (Москва) пришла к выводу, что творческое наследие В. С. Караджича опиралось на глубокое, интуитивное знание законов развития сербского языка, а его своеобразный пуризм сыграл положительную роль в шлифовке, выравнивании и аффирмации лексических и словообразовательных норм современного литературного языка. О влиянии идей иллиризма и славянской взаимности, овладевших умами части молодых словенских реформаторов, на изменение норм словенского литературного языка во второй половине XIX в. рассказала О. С. Плотникова (Москва). Тенденции к искусственной славизации словенского языка нашли свое отражение в поисках новой модели словенского литературного языка, а также в книжно-письменной практике второй половины XIX в., что проявилось, в частности, в использовании художественных и публицистических текстов архаизмов и старославянизмов, элементов сербскохорватского языка, непродуктивных временных форм глагола. А. И. Горшков (Москва), отметив важность изучения концепций и стратегий развития языка, выдвигаемых реформаторами (для русского литературного языка XVIII — начала XIX вв. такие программы предлагали В. К. Тредиаковский, М. В. Ломоносов, Н. М. Карамзин, А. С. Шишков), подчеркнул, что изучение языковых программ не может и не должно заменять изучения реальных путей развития литературного языка. В связи с этим в докладе «Русский литературный язык XVIII — начала XIX вв.: языковые программы и языковая действительность» А. И. Горшков обсуждал три вопроса: теория трех стилей и действительная стилиевая дифференциация русского литературного языка второй половины XVIII в.; «славянский» и «российский» язык; литературный язык и разговорный язык.

Проблема смены норм литературного языка находилась в центре внимания В. М. Свежинского (Минск), посвятившего свой доклад сравнительному анализу особенностей старой и новой литературно-письменной традиции белорусского литературного языка, а также последствиям смены норм для формирования системы стилей белорусского литературного языка.

Вопрос о влиянии диалектов и наддиалектных образований на развитие славянских литературных языков эпохи национального возрождения обсуждался в докладах Г. П. Клепиковой (Москва) и К. В. Лифанова (Москва). Г. П. Клепикова рассмотрела проблему варьирования диалектной базы в различных письменно-книжных идиомах болгарского языка на народной основе XVIII — XIX вв. на материале совпадающих фрагментов текста Тихонравовского и Свиштовского дамаскинов. Различия этих текстов, отстоящих друг от друга по времени своего создания на полтора века, были оценены докладчиком как результат развития системы болгарского языка в целом. К. В. Лифанов, говоря о наддиалектных образованиях, возникших на территории Западной и Средней Словакии, подчеркнул, что данные культурные интердиалекты могут называться западнословацкими и среднесловацкими в значительной степени условно. Основное различие между ними заключается не в территориальном распространении, а в генезисе и сферах функционирования. Западнословацкий культурный интердиалект, возникнув на трнавской почве, приобрел общезападнословацкий характер, проявляя тенденцию стать общесловацким средством коммуникации в деловых, административно-правовых текстах, частной корреспонденции, поэзии; сфера применения среднесловацкого койне, возникшего на базе северных словацких городов, — устное народное творчество, народные песни. В этом качестве данный интердиалект известен практически на всей территории Словакии, включая Восточную Словакию.

Ряд докладов был посвящен проблемам взаимовлияния славянских литературных языков, а также их взаимодействию с другими языками в процессе становления и формирования в рассматриваемую эпоху. Л. П. Рупосова (Москва) провела анализ русских лексических заимствований в произведениях словацких возрожденцев А. Бернолака, Й. Байзы, Я. Коллара, Я. Голлого, видевших источник расширения и интеллектуализации лексического запаса словацкого языка в словообразовании, а также в заимствовании из других языков, в частности из русского. Р. Х. Тугушева (С.-Петербург) посвятила свой доклад лингвистическому анализу писем активного деятеля словацкого возрождения Яна Францисси. По ее мнению, письма Я. Францисси отражают языковую ситуацию в Словакии 40-х годов XIX в., процесс перехода словацких протестантов в литературно-письменной сфере с чешского языка на словацкий и сложное взаимодействие лексических, грамматических, орфографических, словообразовательных и синтаксических норм чешского и словацкого языков в текстах эпистолярного жанра. В докладе «Немецко-серболужицкая интерференция в истории серболужицких литературных языков» М. И. Ермакова (Москва) отметила различия в характере и степени немецкого влияния на различные идиомы серболужицкого языка — литературные формы и диалекты. Были рассмотрены особенности интерференции двух языков в связи с разными этапами развития серболужицкого языка, а также конкретные результаты немецко-серболужицких языковых контактов на материале языка первых переводов библейских текстов на серболужицкий язык с немецкого текста Библии М. Лютера (Вульгаты).

В докладе Ю. Е. Стемковской (Москва) обсуждался подход к изучению категории лица имен существительных в чешском языке эпохи национального возрождения, позволяющий через посредство языка, исследование системы его лексических и словообразовательных средств приблизиться к большему пониманию духовных ценностей чешской нации начала XIX в., ее самосознания и самооценки, концепции человека и человеческой личности, характерной для мировоззрения этой нации в рассматриваемый период.

К конференции был издан сборник тезисов «Историко-культурные и социолингвистические аспекты изучения славянских литературных языков эпохи национального возрождения» (М., 1993), в котором опубликованы также и тезисы докладов, авторы которых не смогли выступить на конференции (А. К. Кавко, Н. А. Кондрашов, В. Е. Моисеенко, акад. В. М. Русановский, Е. А. Сорокина, В. В. Усачева).

Конференция показала большой научный интерес к проблемам формирования и развития славянских литературных языков. В частности, было поддержано предложение в ближайшее время обсудить проблему пуризма, имевшего существенное значение в эпоху национального возрождения, круг проблем, связанных с традицией и новыми тенденциями в развитии славянских литературных языков, а также важную в лингвистическом и историко-культурном плане тему «Формирование литературных языков зарубежных славян и русские слависты».

Стемковская Ю. Е.

Глубокоуважаемые Читатели!

Публикация Материалов к учебнику церковнославянского языка будет продолжена с № 1 нашего журнала за 1995 год.

CONTENTS

ARTICLES

The Comintern and Eastern Europe	3
<i>Grishina R. P.</i> The Balkans in the Comintern Plans (1924)	4
<i>Marjina V. V.</i> The Comintern: Elimination or Modification (1939—1943)	14
<i>Nikolskij S. V.</i> In the Invisible Part of the Assotiative Spectrum	22
From the Encyclopedia «Slavic Antiquities»	45
<i>Nebrzegowska S.</i> A Dream-Book as a Genre of Polish Folklore	67
<i>Kalnyj L. E.</i> The Reflection of the Proto-Slavic Labio-Velarization in the Low-Sorabic Vocalism	75

COMMUNICATIONS

<i>Zahradka M.</i> On the Activities of Russian Literary Critics in Czechoslovakia between the Two World Wars	80
<i>Sibinović M.</i> Slavic Community and the Place of the Russian Modernist Poetry in Serbian Literature in the Middle of the XX Century	87
<i>Tolstaya S. M.</i> To the Notion of Function in the Language of Culture	91
<i>Gusev V. E.</i> Bosnian Epos as a Problem of Folclore Studies	98
<i>Labyntsev J. A., Shavinskaja L. L.</i> The Study of the Church—Slavic Book Tradition in the Framework of the International Research Project «Slavia Orthodoxa et Slavia Romana. The Interaction between Slavic Worlds: Spiritual Culture of Podlashje»	103

REVIEW ARTICLES AND REVIEWS

<i>Melnikov G. P.</i> F. Hoffmann. České město ve středověku	112
<i>Nosov B. V. K.</i> Zernack. Polen und Russland: zwei Wege in der europäischen Geschichte	114
<i>Titova L.</i> Divadlo v Kocích	120
<i>Vendina T. I. Ch.</i> Choljolčev. Onomasiologische und derivative Struktur der bulgarischen Phytonyme	122

SCIENTIFIC LIFE

<i>Stemkovskaja J. E.</i> The Conference on the Problems of the History of Slavic Literary Languages	125
From the Editorial Stuff	127

Технический редактор *В. М. Пахомова*

Сдано в набор 10.06.94 Подписано к печати 5.08.94 Формат бумаги 70 × 100¹/₁₆
 Офсетная печать Усл. печ. л. 10,4 Усл. кр.-отт. 8,9 тыс. Уч.-изд. л. 13,4 Бум. л. 4,0
 Тираж 839 экз. Зак. 1388

Адрес редакции: 117334, Москва. Ленинский проспект, д. 32а. Телефон 938-01-20
 Московская типография № 2 РАН, 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

**Издательство "Наука" РАН
обращает ваше внимание на следующие книги:**

Зомбарт В. Буржуа: Пер. с нем. — М.: Наука. 1994. — 31 л.
— (Социологическое наследие) (п)

В книгу включены работы, посвященные историческому и структурному анализу "предпринимательского духа", проблемам культуры, а также социально-национальным проблемам.

Бехтерева В.М. Избранные работы по социальной психологии.
— М.: Наука. 1994. — 38 л. — (Памятники психологической мысли)
(п)

Основу издания составляет классический труд выдающегося русского ученого "Коллективная рефлексология".

Историко-философский ежегодник. 1993. — М.: Наука. 1994. —
28 л. (п)

Выпуск содержит статьи о доникейской патристике, философии Юма, Канта, Фихте, Гегеля, Хайдеггера, Адорно, Лукача, Хабермаса, В. Соловьева, Грановского, Шестова и др.

*По всем вопросам приобретения книг просим обращаться
в Торговую фирму "Академкнига" РАН по адресу:*

103624, ГСП, Москва, Б. Черкасский пер., 2/10.

Тел. торгового отдела: 923-72-84.

26

Уважаемые подписчики!

Журналы Российской Академии Наук можно выписать в любом почтовом отделении России по каталогу "Известий" Роспечати.

Обращаем Ваше внимание!

Подписку можно оформить также в редакции журнала. Это избавит Вас от услуг почтового ведомства и связанных с этим неудобств. Стоимость журнала обойдется Вам в два - три раза дешевле!

Очередной номер журнала в этом случае будет ждать Вас в редакции сразу же после выхода его из печати.